

ВАДИМ ЗЕЛАНД
ТРАНСЕРФИНГ РЕАЛЬНОСТИ. СТУПЕНЬ I-V
ТАФТИ ЖРИЦА
ЖРИЦА ИТФАТ

Вадим Зеланд
**Жрица Итфат + Тафти жрица
+ Трансерфинг реальности.
Ступени I, II, III, IV, V**
Серия «Трансерфинг реальности»
Серия «Трансерфинг
реальности: Обратная связь»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69352138

*Трансерфинг реальности (ступени I–V) + Жрица Итфат + Тафти
жрица / Зеланд В.: Весь; Санкт-Петербург; 2023
ISBN 978-5-9443-8189-7*

Аннотация

Трансерфинг – это мощная технология управления реальностью. Стоит применить ее, и жизнь начнет меняться под ВАШ заказ. Цель при использовании Трансерфинга не достигается, а реализуется по большей части сама. В это невозможно поверить, но только с первого взгляда. Идеи, изложенные в книге, уже нашли практическое подтверждение. Те, кто пробовал заниматься Трансерфингом, испытали удивление,

граничащее с восторгом. Окружающий мир трансферра
непостижимым образом меняется буквально на глазах.

Для широкого круга читателей.

Содержание

Жрица Итфат	7
Остановка времени	8
Синтетическая дева	16
Гламроки	26
Мертвая голова	34
Летка-енька	42
Город манекенов	51
Встреча	62
Задние мысли	70
Видящие реальность	79
Первое повеление	89
Зеркало	95
Крышка мира	104
Королева Брунхильда	110
Театральное действие	118
Второе имя	131
Парад сущностей	140
Экспедиция крышки	151
Больные любовью	159
Лохматая Зверюга	173
Похищение дикой девы	179
Зверюга и его женщина	187
Наказанные любовью	195

Остановка свидения	202
Наблюдатели и персонажи	212
Конец ознакомительного фрагмента.	216

Вадим Зеланд
Трансерфинг реальности
(ступени I–V). Жрица
Итфат. Тафти жрица

© Вадим Зеланд, 2023

© Оформление. ОАО «Издательская группа «Весь», 2023

Жрица Итфат

ВАДИМ

ЗЕЛАНД

ЖРИЦА

Остановка времени

Это случилось очень давно, около 100 миллионов лет назад. Точная дата неизвестна, но она и не имеет значения. Когда речь идет о событиях, отдаленность которых невозможно себе представить, становится неважным, давно это было или недавно.

Глядя на звезды, мы не задумываемся о том, что их свет летел к нам миллионы лет. Звезды – они просто есть – здесь и сейчас. Аналогично с событиями прошлого, даже теми, что затерялись в глубине тысячелетий – они будто бы есть, здесь и сейчас, как только всплывают в памяти или повествовании.

Правда, не совсем здесь. Куда простирается эта самая глубина тысячелетий? Земля и море углубляются вниз. Небо уносится вверх. А в каком направлении уходит время? И откуда оно приходит?

С пространством все ясно: надвигается спереди, остается сзади. Со временем тоже все просто, если о нем не задумываться: что было – ушло, что будет – придет. Но куда ушло то, что было вчера, и откуда придет то, что будет завтра?

Стоит лишь начать разбираться, что же такое время, как оказывается, что все непросто и ничего не ясно. Ведь если нельзя сказать, куда ушло вчера и откуда придет зав-

тра, то может быть, их и вообще нет, а есть только сегодня, сейчас?

Вчера не существует уже. Завтра не существует еще. Выходит, время – это ничто, которое движется в никуда из ниоткуда? Время – условность? Или все-таки физическое явление?

Ладно, будущее как неотъемлемая часть времени – понятие эфемерное. Однако прошлое – вполне реально, и не только потому, что о нем свидетельствуют раскопки. Черепки и останки – это скорее устаревшее настоящее. Под собственно прошлым понимается череда событий. Где же хранятся события?

Пусть это кажется невероятным, но прошлое можно узреть воочию. Звездное небо – наглядное тому подтверждение. Звезды загораются, светятся, гаснут, и мы это видим, как бы давно это ни было. Точно так же, со стороны звезд можно видеть то, что происходило на Земле миллионы лет назад. Значит, прошлое хранится в луче света, и только?

Оставим все эти загадки на съеденье философам. В мире есть вещи, неподдающиеся объяснению, о которых можно лишь рассказывать. Так вот, одна из таких вещей случилась – время замерло, и мир остановился.

До того момента все шло как обычно – сменялись династии королей, за одной цивилизацией следовала другая, статуи забытых богов покрывались трещинами и заносились

песком... Все сущее когда-то приходило и уходило, но никогда не стояло на месте.

Хотя, кто знает, возможно, что и такое случалось не раз – время останавливалось, и Вселенная замирала в подвешенном состоянии. Ведь если есть причина, по которой время пришло в движение, то может существовать и причина остановки. Подобная пауза могла бы длиться как один миг, так и целую Вечность, поскольку без движения нет и времени.

Итак, в тот самый бесконечный миг небытия, когда ничего не происходило, в одном месте все же происходило нечто.

*** * ***

Жрица Итфát плелась по бескрайней пустыне, разговаривая сама с собой. Это была весьма экстравагантная особа, непонятно из какой страны, эпохи, и даже какого возраста – может двадцати, а может и сорока лет. Одета в длинное платье до пят из темно-синего, почти черного бархата, с шейным воротничком, усыпанным бриллиантами. На левой руке – перстень с кристаллом такого же темно-синего отблеска. Лицо покрыто устрашающей ритуальной раскраской багрового цвета с белыми пятнышками на скулах. Глаза зеленые, волосы черные, подстрижены в каре. Что можно еще добавить? При всей своей брутальной внешности, она была кра-

сива.

Почему она могла двигаться в застывшей реальности, оставалось загадкой, в том числе и для нее самой, поскольку жрица не знала, где находится, и не помнила, как здесь очутилась.

– О боги, властители мира! Верните меня домой! – не читала, а скорей капризно возмущалась Итфат.

– Где мои служители, мои подданные? Если вы сейчас же не покажетесь, велю вам всем отрубить головы!

Ну, это было сказано, пожалуй, с преувеличением, поскольку жрица вовсе не имела репутацию жестокой и кровавой правительницы.

– Так. Если это чья-то злая шутка, всем будет очень, очень плохо! – Итфат уже порядком устала, но у нее еще хватало духу вести себя подобно капризной принцессе. В таких-то обстоятельствах! Надо признать, у жрицы было отважное сердце. Кто-то другой, окажись на ее месте, уже бы впал в истерику или транс.

Тем более что пейзаж был сюрреалистичным и пугающим. Повсюду однообразные песчаные волны до горизонта. В воздухе ни малейшего дуновения. Ни жарко, ни холодно. Небо, на котором не было солнца, светилось желтым сиянием, в то время как песок был, наоборот, голубого цвета.

– Ну-ка ну-ка, живенько-живенько, соображаем, это что, кошмарный ужас или ужасный кошмар? – у Итфат была привычка повторять слова.

– Со мной не может ничего такого приключиться. Это я создаю кошмары и ужасы, от которых все трепещут! Последний раз предупреждаю! Если я немедленно, сию же минуту, не окажусь в своем храме, я начну злиться, а вы знаете, как это страшно! – Итфат в отчаянии упала на колени. – Нет, я наверно сейчас расплачусь.

Тут она вдруг осознала, что едва ли помнит, откуда она и кто такая. В голове путались смутные обрывки воспоминаний, что была она верховной жрицей – правительницей какой-то страны, у нее был храм, служители, ее Наставник, но подробности никак не давались. Жрица не могла вспомнить даже своего имени.

– О боги, скажите мне, кто я!

После этих слов внезапно из пустоты возник шепот, который принялся носиться из стороны в сторону, подобно ветру:

– Итфат, Итфат! Жрица Итфат! Жрица, жрица!

– Странно, это вроде как мое имя, но будто бы и не мое, – пробормотала жрица, озираясь в поисках источника голоса. – Кто здесь?

– Преддверие, преддверие! – откликнулся шепот.

– Преддверие чего?

– Времени, времени!

– Где ты, покажись!

Но шепот так же внезапно стих и больше не откликался.

– Так... – вздохнула Итфат, не дождавшись ответа. – Похоже, это какой-то кошмарный сон. Либо я сейчас же про-

сыпаюсь, либо сойду с ума. Больше не выдержу.

Тут у нее всплыло воспоминание о том, чему ее учил Наставник. Чтобы вернуться из сновидения в явь, нужно осознать, кто ты такая, кем на самом деле являешься.

– Я – это не я, – провозгласила жрица. – Я – это я!

Но заклинание не помогло. Ничего не происходило.

– Но кто же я?

А что могло произойти, если она так и не вспомнила себя отчетливо; и даже имя, которое назвал шепот, казалось ей, как бы, и не совсем ее именем. И что значит, не совсем?

– Ну, что будем делать, Итфат? – спросила себя жрица. – Ладно, меня зовут Итфат, меня зовут Итфат. Что дальше? Идти куда-либо бесполезно, повсюду один песок, и ничего кроме песка до самого горизонта. Погоди-погоди. Что там еще говорил Наставник?

Новое воспоминание пробудило в ней надежду. Надо проснуться во сне, и тогда можно будет управлять самим сновидением. Для этого требуется внимательно посмотреть на то, что тебя окружает, и вдуматься, все ли в порядке, или что-то не так, и что именно. Увидеть реальность.

– Нет, вокруг меня и со мной все не так! Все не в порядке! И что тут можно видеть, кроме песка. Кстати, почему он голубой? – Итфат уселась и принялась пересыпать его с руки на руку.

– Песок – это не песок. Песок – это песок! – приговаривала

она, пытаясь увидеть необычную суть обычных вещей, как учил Наставник. – Что в нем необычного, кроме цвета? Он состоит из песчинок и сыплется, как и положено песку.

В то же мгновение песок перед жрицей начал вздыматься, сворачиваясь в огромную воронку и устремляясь к небу. Зрелище было ужасающим, и жрица с криком кинулась бежать прочь от воронки, но все было тщетно – куда бы она ни бежала, песчаный вихрь все время оказывался перед ней. А в туфлях, в которые была обута Итфат, особо не побегаешь. Споткнувшись, она упала.

Безумное отчаяние уже почти овладело жрицей, но она снова собралась с духом и немного успокоилась, благо что воронка не причиняла ей никакого вреда.

– Ладно-ладно, я уже напугана так, что дальше некуда. Если дальше некуда, уже хорошо, уже лучше. Но мне это надоело. Мой страх теперь отдельно – и я отдельно. Я не хочу больше с ним быть. Я уйду, а страх оставляю в своих туфлях. Они здесь все равно ни к чему. Прочь, прочь от меня! – она скинула туфли и зашвырнула их прямо в воронку.

– Все, я ушла, а страх свой оставила!

Туфли исчезли в вихре, но тот завертелся еще сильнее, теперь уже с нарастающим гулом. Дела плохи, подумала Итфат, надо было предпринимать что-то более действенное, иначе добром все это не кончится.

– Ну же, Итфат-Итфат, жрица-жрица, тебе надо увидеть эту чертову реальность, понять, что это такое, или тебе

крышка. Это не просто песок, это не просто вихрь. Что это? Соображай, уже быстро-быстро, уже скорей-скорей!

И тут ее осенило.

– Песочные часы! – воскликнула она. – Это песочные часы! Я вижу тебя, ты, дьявольская реальность!

В тот же миг вращение вихря остановилось, гул сменился стеклянным перезвоном, и гигантская воронка осыпалась наземь. Песок приобрел свой естественный желтый цвет, а небо засияло голубизной. Лишь солнце все еще отсутствовало на небосклоне.

Синтетическая дева

В это же время, но в другую эпоху и в другом месте...

Объяснение, почему такое возможно – «в это же время, но в другую эпоху» – оставим на потом. Движение в пространстве и времени не всегда происходит линейно, то есть, в пределах видимости и понимания. И если что-то лежит за пределами нашего понимания, то это вовсе не значит, что такого не может быть.

Для того чтобы переместиться из той точки пространства и времени, где мы оставили эрицу Итфат, в новое место действия, наблюдателю потребовалось бы совершить довольно замысловатое путешествие.

Представьте, вы улетаете в небо, фигурка Итфат на песке превращается в точку, Земля удаляется и становится все больше похожа на географическую карту, а вас уносит все выше, и вот уже голубизна неба сменяется чернотой космоса.

Теперь вы летите в черной пустоте, но вокруг не темно, потому что звезды, и Земля еще видна как удаляющийся голубой шарик. Но вскоре и Земля превращается в точку, отчего движение перестает быть вообще заметным. На какое-то мгновение вы зависаете в этом положении, когда кругом звезды в черноте, и ничего кроме звезд.

Затем одна звезда вдруг разворачивается в трубу, вас за-

тягивает в светящийся тоннель и несет через него, бесконечно долго, но невероятно стремительно.

Наконец, скорость замедляется, вас выталкивает из трубы, и вы опять зависаете в черном пространстве со звездами. Одна из них начинает увеличиваться, и вы понимаете, что не висите, а движетесь.

И вот уже звезда превращается в шарик, который постепенно разрастается перед вами в голубую планету – это снова Земля, но в другой эпохе. Вы входите в атмосферу, чернота вокруг сменяется голубизной, вы тонете в облаках, какое-то время плывете в сером тумане, а затем снова погружаетесь во тьму, потому что солнце уже зашло.

Внизу огни ночного города, и вы планируете вниз, все ближе к огням. Пролетаете автострады с движущимися машинами, площади с гуляющими людьми, реки, мосты, светящиеся кварталы, дома, и наконец, влетаете в какое-то окно.

Теперь можно спокойно сказать, что в это же время, но в другую эпоху и в другом месте, а именно, в одном театре, шли киносъемки мюзикла «Отпетый клоун».

Почему клоун, и что значит отпетый? Отпетый в церкви, потому что умерший? Или может отпетый в смысле неистовый, законченный, неисправимый? Похоже, съемочная команда и сама этого толком не понимала, потому что все еще находилась в так называемом творческом поиске.

Зрительный зал был погружен в полумрак. На креслах ле-

жали оставленные вещи и верхняя одежда. Несколько человек сидели в зале, кто-то дремал, а кто-то глядел на освещенную сцену, где сновали люди, занятые всякими приготовлениями. Сцена представляла собой трансформер в виде полуцилиндра, на полу и стенках которого проецировались изображения и световые эффекты.

Посреди сцены стоял режиссер, эмоциональный парень, и страшно ругался.

– Это никуда не годится. Вы все никуда не годитесь! Мы снимаем мюзикл или похороны? Пошли вон, дураки! Все пошли вон, и возвращайтесь другими!

Что он хотел этим сказать, и какими другими они должны были вернуться, режиссер объяснять не стал. Но участники съемочной группы – пестрая толпа, разодетая в пух и прах – и не спрашивали, разбежались кто куда.

– Так, где моя дива? Только она меня вдохновляет. Приведите мне диву! Макс, она там долго еще? – обратился он к оператору. – Сходи узнай.

Тот сбегал за кулисы и быстро вернулся. Макс, заикающийся молодой человек, по своему обыкновению долго готовился, перед тем как сказать какую-либо фразу:

– Виктор, мы... мы-ы...

– Что, мы? Кто такие мы, или кто мы такие – сложный философский вопрос. Короче!

– Матильда опять капризничает, – наконец выдал Макс.

– Так давайте ее сюда! – страшным голосом прокричал

Виктор (так звали режиссера).

– Викто-ор! – из-за кулис донесся женский голос. – Я вот она, я здесь!

Вслед за голосом появилась она сама. Эксцентричная, как было понятно с первого взгляда, особа. Одета в темно-зеленый комбинезон и розовые туфли на высоченной платформе, со включенными волосами светло-голубого цвета. Голубая блондинка, можно сказать.

– Иди сюда, Тиличка, моя ляля, моя цаца! – направился к ней Виктор, разводя руки широким жестом. – Ну-ка повернись. Вот мы какие, красивые! – и тут же, резко меняя тон. – Чего приперлась! До сих пор не накрашена! Пошла вон, в примерку, живо!

– Я не хочу, это все очень долго-предолго-о-о! – у Матильды была манера тянуть гласные. – У нас же ведь только репетиция!

– Репетиция это или съемки, решаю я. Прочь с моих глаз!

– Хочу конфету! Ты обещал принести мне вишню в шоколаде.

– Какая по... – попытался вступить в разговор Макс. – По-о...

– Ты говоришь, какая у меня красивая что? Договаривай скорей!

– Какая пошлость – вишня в шоколаде! – договорил Макс.

– А я хочу-у-у!

– Дива, ты знаешь правило: кто не делает дубль, тот не по-

лучает лакомство, – сказал Виктор. – Сделаешь – получишь. Все, пошла вон! Нет, стой, давай еще раз отрепетуируем твой поклон.

Матильда отошла в сторону и изобразила жеманный реверанс.

– Ой, как вульгарно! – закричал Виктор. – Ну-ка давай заново, как тебя учили, руки на грудь и... Да не на груди, а на грудь, и душевно, с достоинством! Весело, а не фиглярно! Ну что ты будешь с ней делать! Все, убирайся прочь, уродина, или я прибью тебя!

Дива развернулась на своих платформах и приготовилась убежать.

– Нет, стой, Тиличка, ляля, иди сюда!

Матильда снова развернулась и замерла в ожидании.

– Твоими устами иногда глаголет сама истина. Сейчас серьезно, что нам лучше танцевать в этом дубле, стрит или хаус?

– Надо твист. Твист надо, – ответила дива.

– Что-что-что? Почему?

– Да потому что все эти ваши go-go и прочие RnB – полный отстойняк.

– Что-что-что? Почему отстойняк, это же современные танцы?

– Потому что это все надоело! Надоело это все потому что!

– Да, очень доходчиво объясняешь. А почему твист? Во-

обще ретро.

– Новое – хорошо забытое старое. Из того, что хорошо забыто, можно сделать новую моду.

– Это мы... м-мы... Это мысль, – выдал Макс.

– Согласен, надо попробовать, – сказал Виктор. – Ладно, иди гримируйся, будь умничкой.

– Я и так умничка! – Матильда вприпрыжку побежала за сцену.

Виктор подозвал костюмершу, что-то прошептал ей на ухо, и та удалилась.

– Так, а теперь все бездарности, умственно отсталые и неполноценные собрались, посмотрели на себя и быстро пришли в состояние гениальности. Давайте-давайте, я уже прям вижу, как вы начинаете светиться. Макс, и остальные склеротики и склеротички! Нам надо решать, какая музыка и эффекты. Время, время! Времени нет! Когда будет готова Матильда, мне сообщить.

На сцене вновь закрутилась беготня и приготовления. Спустя некоторое время, которого как всегда «было и не было», Виктор, наконец, объявил:

– Так, все готово! Макс, где Матильда? А, вот она, вся такая радостная, бежит, цветет.

Представшее зрелище впечатляло. Вдобавок к голубым волосам, ее лицо покрывал густой синий грим, а глаза были разукрашены так, что дива и впрямь была дивой.

– Ну-ка иди, иди сюда, моя ляля! Повернись-ка.

Виктор знаком подозвал костюмершу, у той в руках был огромный розовый бант, какие когда-то носили сзади на старомодных платьях.

– Сейчас-сейчас, мы тебя нарядим!

Матильда, едва завидев бант, запрыгала и замахала руками:

– Нет, нет, ты с ума сошел!

– Да ты не понимаешь! Смотри, какой он! Розовый, красивый, большой! – приговаривал Виктор, любуясь своим изобретением. – Под цвет твоих туфель, все как надо!

– Я не стану такое носить, такую безвкусицу!

– Но мы же танцуем твист, вот и будет чем вертеть!

– Какой ужас! Я что тебе, кукла?

– Конечно! Ты моя живая игрушка!

– Стой спокойно, – костюмерша, не обращая внимания на стенания дивы, крепила ей бант, как раз над любезным местом.

Окружающие, собравшись, принялись ее успокаивать:

– Да ладно, Матильда, тебе в самом деле идет!

– Интересно смотрится!

– Классно выглядишь!

– Шикарно!

Наконец, диву кое-как уговорили.

– Тиличка, ляля, ты очень, очень красива! – продолжал убеждать ее Виктор.

– Очень-преочень?

– Да, да! А еще ты у нас умничка!

– Что такое-е-е, что еще от меня надо-о-о?

– У нас малюсенькая проблемочка, никак не можем выбрать спецэффекты на полу и на стенах, все что-то не то. У тебя есть какая-нибудь идейка, этакая?

Несмотря на то, что дива производила впечатление особы легкомысленной, у нее и вправду был неординарный склад ума, и на многие вещи она смотрела по-своему, не так, как все остальные. Возможно, на свою беду.

– Ну и не надо спецэффектов. Давай просто пол зеркальный, и стены зеркальные сделаем. И вся наша танцевальная группа в них будет отражаться...

– И твой бантик тоже!

– Перестань, я не это хотела сказать. Может быть, если все зеркальное, тогда что-нибудь интересное получится?

– Ладно, давай попробуем.

– Макс, запускай трансформер, всю сцену делаем зеркальной.

– В... в-все, что ли?

– Да, и пол, и стены. Так, внимание, по местам, – Виктор обратился к остальным. – Готовы? Жонглеры, акробаты, пошли! Музыка пошла! Камеры, поехали!

Тут прежде беспорядочная и пестрая толпа вдруг собралась, преобразилась и начала двигаться слаженно и стильно, будто все было тысячу раз отрепетировано. И конечно же дива, в самом центре всего действия, очаровательно вертела

СВОИМ БАНТИКОМ.

Ла-ла, лалалала-ла, лалалала-ла, лалала.

Ты никогда не бывал

В нашем городе светлом,

Над вечерней рекой

Не мечтал до зари.

С друзьями ты не бродил

По широким проспектам,

Значит, ты не видал

Лучший город Земли.

Ту-туду-туду-ду!

Песня плывет, сердце поет,

Эти слова – о тебе, Москва...¹

В этот момент все зеркала как-то одновременно сверкнули, и Матильду, видимо, оказавшуюся в фокусе, озарила яркая вспышка света. Она еще продолжала двигаться в такт музыке, в то время как со всех сторон ее окутал зеленый туман. Матильда оторопело остановилась. Туман быстро рассеялся, но все пространство тут же заполнил мираж из голубого песка и желтого неба. У Матильды в глазах помутнело. Она стояла одна в мираже, который медленно плыл прямо через нее. Музыка все еще доносилась откуда-то издалека. Затем и мираж растворился, а вместо него вокруг Матильды начали проявляться какие-то серые фигуры, шевелящиеся будто в

¹ Песня «Лучший город земли», музыка А. Бабаджаняна, слова Л. Дербенева.

танце. В том самом танце, как только что на сцене. Фигуры были одеты в серые бесформенные балахоны, с неясными, размытыми лицами. Музыка смолкла и сменилась стеклянным перезвоном. Фигуры замерли и в замешательстве уставились на Матильду. Матильда в ужасе смотрела на них.

* * *

Очнувшись от оцепенения, серые фигуры кинулись на бедняжку с криками:

– Синтетическая дева! Синтетическая дева!

– Съедем ее! Съедем!

У Матильды подкосились ноги, и она упала в обморок еще прежде, чем фигуры успели на нее наброситься.

Гламроки

Матильда очнулась привязанной спиной к столбу. Точнее, она была даже не привязана, а крепко примотана к нему сыромятными ремнями так, что ноги не касались земли. Вокруг столба вереницей ходили оборванцы в серых балахонах с капюшонами и бормотали какую-то мантру:

– Мана-веда, мана-сана, мана-уна, мана-мана.

Мана-ома, ата-мана, мана-оха, мана-дана.

Время от времени они останавливались, поворачивались в центр круга и выкрикивали:

– Синтетическая дева! Съедем ее! – а затем снова принимались водить свой зловеший хоровод.

– Мана-ога, маха-мана, мана-оша, мана-шана.

Местность была пустынной и каменистой. Недалеко от столба был разведен большой костер, а поодаль виднелись какие-то примитивные постройки. Небо светилось тусклым серым сиянием, но без солнца. Общая картина была совершенно бесцветной, как в черно-белом кино. На этом фоне живописная фигурка Матильды смотрелась пришелицей из другого мира. Напомним, что у нее были голубые волосы, сильнее лицо, темно-зеленый комбинезон, розовые туфли с платформой и такого же цвета бант на поясице.

Несчастливая дива пребывала в шоковом состоянии. Она не понимала, где находится и что с ней происходит. Даже выдав-

шая виды жрица Итфат в такой ситуации наверно бы сник-ла. Что уж говорить о бедняжке, привыкшей к изнеженно-му комфорту и всеобщему обожанию. В других обстоятель-ствах она могла бы пожаловаться в свойственной ей манере: «Все стало очень-преочень плохо-о-о!» Но сейчас было не до капризов. Почему-то одна лишь мысль крутилась у нее в голове, да и та была странной: «Мой бантик теперь помнет-ся». Очень-преочень странная такая мысль, при всем, что с ней случилось и что, похоже, ее ожидало.

Между тем дикари, вдоволь находившись по кругу и на-бормотавшись, принялись спорить меж собой о том, как дальше поступить с пленницей. Одни кричали:

– Зажаьим ее! – другие же:

– Нет, сваьим!

По какой-то причине, они то ли не умели, то ли не хоте-ли выговаривать букву «р», потому что даже не картавили, а как-то ее проглатывали. Однако это не делало их речь ко-мичной, а скорее производило жутковатое впечатление.

Так они еще долго препирались в толпе, пока не раздели-лись на две группки, которые стали друг на друга орать:

– Зажаьим!

– Сваьим!

Ссора, в конечном итоге, переросла в беспорядочную дра-ку.

Дикари (или неведомо кем они там являлись, поскольку лица у всех были одинаковые, серые, бесполые и безжиз-

ненные, будто восковые) дрались не на жизнь, а на смерть. Оружия не было, но в ход шли попавшиеся под руку камни. Вскоре они уже не стояли на ногах, а валялись в пыли, разрывая в клочья свои балахоны. Как оказалось, волосы на их головах отсутствовали.

Матильда с ужасом смотрела на всю эту дикую свару и понимала, что даже если они друг друга перебьют, у нее самой шансов никаких нет – связанная, она не могла пошевелить ни рукой, ни ногой. Ей хотелось закричать, но в горле стоял ком, да и что толку, помощи ждать было неоткуда. И это был не сон.

Неизвестно сколько бы еще продолжалась эта безумная вакханалия, как вдруг откуда-то донесся очень сильный и низкий трубный звук. Серые вахлаки словно очнулись, нехотя поднялись и, пошатываясь, выстроились в вереницу вокруг столба. Грязные и оборванные, они по новой принялись топтаться в хороводе с бормотанием своих то ли заклинаний, то ли мантр.

Спустя некоторое время они как по команде остановились, повернулись в центр круга и злобно выкрикнули разом, будто сговорившись:

– Свазим ее!

И тотчас бешено забегали. Одни бросали дрова в разгоравшийся огонь костра, другие волокли невесть откуда взявшийся здоровенный котел. Третьи подскочили к Матильде, высунули языки и, глядя на нее, с мычанием замотали голо-

вами. Намотавшись и намычавшись, они закричали:

– Синтетическая дева!

Все остальные дружно подхватили:

– Съедем ее! Съедем!

Затем, мыча и скалясь и высовывая языки, они отвязали свою жертву и потащили в сторону костра.

Картина была поистине сюрреалистичной, потому что в реальности не могло случиться ничего подобного. Девушка с кукольной внешностью, с розовым бантиком... И такое грязное злодейство с ней... Нет, все это было слишком нереально. И все же, это происходило.

Но тут к Матильде, еще недавно полуживой от страха, неожиданно вернулось самообладание, как это бывает у обреченного на смерть, когда терять больше нечего, и когда хуже просто некуда. Собрав все силы, Матильда закричала:

– Пошли вон, дураки! Не трогайте мой бант!

Этот крик у нее вырвался самопроизвольно, она не отдавала себе отчета, почему выкрикнула именно такие фразы, и почему беспокоилась о таком, казалось бы, пустяке, находясь у последней черты. Единственное, что она почувствовала, это отчаянное желание, чтобы ее немедленно оставили в покое. А еще она заметила, что желание это сопровождалось каким-то необычайно томительным ощущением за спиной. Возникло ли данное ощущение от того, что у нее сзади находился бант, или от чего-то другого, но Матильда вдруг отчетливо осознала, что ощущение дает ей

какую-то необъяснимую власть над серыми отродьями.

Те остановились как вкопанные и вытаращились на нее в полном изумлении. Матильда вырвалась из их лап и даже кого-то оттолкнула. Интуиция ей подсказывала, что бежать уж точно не следует, а потому она замерла в ожидании. «Что угодно, только не убегать», – подумала дива, ощущая себя готовой ко всему, и вновь испытывая характерное томление за спиной.

– Уйдите от меня прочь, уроды!

Уроды и в самом деле тут же попятились назад, издавая удивленные возгласы:

– Она сказала букву?

– Ей можно?

– Она мана?

– У нее ошó?

– Она может сказать букву!

Серые сгрудились вместе и начали о чем-то перешептываться, поглядывая на диву, которая изо всех сил старалась изображать гордое достоинство. Затем они обступили Матильду, с опаской держась поодаль. Один вышел вперед и спросил:

– Кто ты?

Матильда поняла, что прямая угроза миновала, по крайней мере, пока, и ответила уже спокойней:

– Я гламурная дива-а-а! А вы кто такие, уроды?

И тут же осеклась – она словно забыла, где находится, и

что эти самые уроды, которых наверно не стоило оскорблять, ее только что чуть не сварили заживо. А вопрос, где она находилась – это был очень большой вопрос. Но те, видимо, не обратив внимания, снова завопили свое:

– Синтетическая дева!

– Она может сказать букву!

– Почему вы называете меня синтетической девой? – спросила Матильда.

Те молча переглянулись. Похоже, вопрос их привел в замешательство.

– Мы не знаем.

– Так, ладно. Кто вы такие, спрашиваю?

– Мы гламъоки! – наперебой загалдели серые. – Мы читаем бьедни! Нам нельзя читать букву! Абу! Абу!

– Понятно, – сказала Матильда. – Вы гламрѳки, и вы читаете бредни.

– Ошо! Ошо! – загомонили те. – Она может назвать нас! Она может!

Судя по всему, на дикарей производил очень сильное впечатление тот факт, что неизвестная пришелица могла свободно произносить букву «р», и что с ней при этом ничего ужасного не случилось. Серые опять принялись совещаться между собой, после чего один из них выступил вперед и спросил:

– Ты мана?

– Я Матильда. Понятно вам? – сказала дива.

– Мана-тида! Мана-тида! – закричали гламроки. Ответ Матильды опять привел их в состояние чрезвычайного возбуждения.

– А почему вы не произносите букву? – спросила она.

– Нам нельзя! Нельзя! Это абу! – заголосили те. – Будет къаш!

– Но ведь я же говорю букву, и никакого краша со мной не происходит.

– Ты мана! Мана-тида!

– Вот видите! А вы хотели меня сварить и съесть. А вы знаете, что бы было, если бы вы это сделали? – Матильда уже начинала вживаться в отведенную ей роль. – Случился бы полный краш!

Оборванцы, заслышав такие слова, подняли вой, очевидно, преисполненный благоговейного трепета.

– А кто вас научил читать эти ваши бредни? И зачем они вам нужны?

– Гламоък научил! Мана-гламоък! Там! Там! – серые принялись оживленно жестикулировать, указывая руками куда-то в сторону построек.

– Мы должны читать бьедни, и тогда нам будет ошо. Нельзя читать букву. Нельзя дъаться. Нельзя поедать дьуг дьуга. Абу! Надо читать бьедни.

– Так, а меня вам поедать можно?

– Нельзя наших. Ты не наша.

– Нет, я ваша! – быстро сообразила Матильда. В таких

обстоятельствах будешь соображать. – Я ваша мана!

Не успели гламроки отреагировать на ее слова, как изда- лека опять раздался тот самый трубный звук. По всей види- мости, звук служил для них каким-то сигналом, потому что дикари переполошились и закричали:

– Священный хлевьюн! Надо отвести ее в священный хле- вьюн!

– Что еще за хлевьюн такой? – спросила у них Матильда.

– Там гламоък! Мана-гламоък! Мы покажем! Идем!

Матильду охватило сильное беспокойство. Если гламо́рк – их предводитель, тогда у него могло быть свое мнение по поводу того, кто здесь мана, а кто нет. И тогда процедура варки и последующего поедания синтетической девы могла возобновиться с неменьшим аппетитом.

Но у нее не было выбора. Она не имела ни малейшего представления, куда ей податься. Поэтому, ничего не оста- валось, как идти с ними. Итак, вся процессия двинулась в сторону построек.

Мертвая голова

Гламроки шли молча, обступив Матильду плотную толпой, но держась от нее на расстоянии. Это было весьма странное зрелище. Серые фигуры с восковыми лицами, и среди них голубая блондинка с розовым бантиком. Какое-то фантазмагоричное шествие куклы в окружении манекенов.

Однако про Матильду нельзя было сказать, что она Барби. Бывают люди симпатичные, а бывают красивые. Это как разница между формой и содержанием. Матильда была из тех, о которых говорят: «В ней что-то есть».

Но главное, что ее выделяло из общей картины, – не столько цветной силуэт на фоне «черно-белого кино», сколько присутствие жизни. Все остальное, включая серые фигуры, было не то чтобы мертвым, а обезжизненным, если можно так выразиться. Потусторонний мир наверно так и выглядит – он не отличный от нашего – он другой, потому что «по ту сторону». Вот только, по ту сторону чего?

Вопрос пока оставим открытым. Матильду сейчас волновала не физика явления. В ее голове крутились тревожные мысли о том, что будет дальше. В силу какой-то роковой случайности, она оказалась в чужом мире. Как отсюда выбраться – непонятно. На что надеяться – неизвестно. Чего ждать от зловещих спутников? Страшно подумать.

На лицах гламроков была написана мрачная решимость

выяснить для себя какую-то вещь, которая могла стоить ей жизни. Они пока не трогали Матильду, но с подозрением на нее поглядывали. Один из тех, что шел спереди, обернулся, высунул язык и, видимо по привычке, выкрикнул: «Синтетическая дева!». Но тут же получил подзатыльник. Дева оставалась неприкасаемой до окончательного выяснения, кем она на самом деле являлась – «маной», или просто съедобной девой.

Положение Матильды усугублялось тем, что ей уже хотелось в туалет. «Хорошо еще, что хоть по маленькому», – подумала она. Но вот вопрос – как это сделать? Интересно, какого они пола? Внешне никаких половых признаков у гламроков не наблюдалось. И тут ее осенила ужасная мысль. Ведь они ее могут не только съесть, но и надругаться вволю, да еще неведомо как.

Она торопливо семенила на своих платформах, то и дело спотыкаясь о камни. Бедняжка все бы отдала, лишь бы оказаться в своем мире. «Я больше не буду капризничать, – думала она. – Я буду во всем послушной. Я больше никогда не сниму свой чудесный бантик. Я что угодно сделаю, только верните меня обратно».

Вспомнив про бант, она вновь испытала то самое, странно томительное ощущение за спиной. Оно как будто придавало ей силу, и непонятно почему, но вызывало такое чувство, будто сама Матильда имела возможность управлять происходящим. Словно в ее распоряжении был выбор –

чему быть, а чему не бывать.

Она вдруг осознала свою отдельность от всего, что ее окружало и что происходило с ней. Вот она сама, а вот окружающая реальность. Она сама по себе – и реальность так же. Матильда вдруг поняла – не умом, а всем своим существом, – что оказалась как будто в книге. И ей приходится блуждать там по страницам, подчиняясь навязанному сюжету.

Или даже, скорей, как в кинофильме. Если погружаешься в эту реальность, если покоряешься, соглашаешься, смиряешься с происходящим, тогда ничего не остается, как играть отведенную тебе роль. А если нет? Если ты – отдельно, и кино отдельно от тебя?

«Разве это моя реальность? – подумала Матильда. – Нет, это не моя реальность. Здесь что-то не так. Подобное часто бывает во сне. Да, это не сон, но черт возьми, какая разница? Со мной все будет хорошо. Что бы там ни было, не знаю как, но все будет хорошо. У меня нет другого выхода. А какой еще может быть выход? Я так решила, и точка».

Сразу вслед за этой мыслью в окружающей среде произошло нечто. Матильда к своему удивлению заметила, как от неба до земли быстро промелькнула косая черная полоса, будто неведомая сила перевернула страницу реальности. Серые, похоже, не обратили внимания и продолжали свое мрачное шествие как ни в чем не бывало. Зато у Матильды

на душе сразу стало легче, к ней почему-то вернулась уверенность, что теперь все действительно будет хорошо.

Тем временем они уже подошли к постройкам. Это был не то город, не то селение, а нечто странное. Повсюду незатейливые квадратные домики с гладкими серыми стенами из незнакомого материала. Домики перемежались с такими же квадратными, но пустыми углублениями. И повсюду лестницы со ступеньками. Одни вели на крыши домов, другие в ямы, третьи просто бессмысленно заворачивались и уходили в никуда. Все это причудливое переплетение кубических построек и углублений, вместе с множеством лестниц, создавало совершенно абсурдную картину.

Извилистым путем, переходя с лестницы на лестницу, они вышли на единственное наверно открытое пространство – площадь, посреди которой возвышалось не менее странное сооружение. Оно представляло собой черный монолит, овальный по периметру и обнесенный выступающими колоннами, которые плавно изгибались кверху, образуя ребристый купол.

Судя по всему, это и был тот самый «священный хлевыюн», хотя своим зловещим видом он скорее напоминал инопланетный корабль. Гламроки не могли сами построить такое сооружение, как и весь город наверно.

В тот момент, когда наша процессия приблизилась к монолиту, от него изошел поразительно мощный трубный звук низкого тембра, который заполонил все пространство. Глам-

роки засуетились и поспешили внутрь. Матильда со смешанным чувством любопытства и страха последовала за ними.

Сооружение внутри оказалось таким же, как и снаружи. Выступающие по стенам колонны плавно переходили в высокий свод. Откуда-то из ниш возле пола струилось зеленое свечение. Пол был зеркально гладким и черным. Помещение было пустым, с единственным элементом в центре. То был, по всей видимости, алтарь или постамент прямоугольной формы из того же материала, что и пол. На постаменте располагалась вросшая в него голова, такая же лысая и серая, как у гламроков.

Голова корчилась в гримасах, не издавая ни звука. Гламроки обступили алтарь, втолкнув Матильду внутрь круга, упали на колени, и с поднятыми руками принялись восклицать:

– Гламоък! Мана-гламоък!

Голова, не переставая гримасничать, заговорила низким басом:

– Надо читать бредни. Нельзя читать букву. Я мана. Я могу. Вам нельзя.

Мана-веда, мана-сана, мана-уна, мана-мана.

Мана-ома, ата-мана, мана-оха, мана-дана.

Гламроки послушно бормотали мантру, повторяя вслед за головой.

– Мана-ога, маха-мана, мана-оша, мана-шана, – продолжал гламорк (очевидно, это и был он). – Надо читать бредни,

и вам будет ошо. Нельзя делать то, что нельзя. Будет краш!

Дикари закрыли лица ладонями и застонали:

– Абу! Абу!

– Кто здесь мана? – спросила голова. – Кому вы должны делать сажé?

– Гламоък! Мана-гламоък! – откликнулись те и принялись возить себя физиономиями об пол, нещадно сминая носы.

– Славьте меня! – резко выкрикнул гламорк и, сопровождая свои слова страшными гримасами, завел монотонное бубнение. – О-а-у-хомм, о-а-у-хомм.

– О-а-у-хомм! О-а-у-хомм! – подхватили гламорки.

Так они еще некоторое время бубнили вслед за головой, но постепенно замолкли и устали на Матильду. Та стояла в растерянности, не зная, что делать. Видимо, от нее чего-то ждали. Необходимо было срочно что-то предпринять. Желательно что-нибудь экстраординарное, как правильно сообразила она, поскольку под влиянием гламорка ее авторитет стремительно падал.

Ей уже нестерпимо хотелось в туалет. Матильда так и не поняла, что это за голова, живая ли она, и если да, то почему была вросшей в монолит. Та все продолжала бубнить и гримасничать. На какой-то миг Матильде показалось, что в голове присутствует что-то механическое – одни и те же ее движения повторялись с периодичностью.

Итак, терять было нечего. Либо сейчас, либо никогда. Если немедленно, сию же минуту она не возьмет ситуацию в

свои руки, ей конец. Матильда, не долго думая, взобралась на алтарь, расстегнула молнию комбинезона в потаенном месте, присела, и начала справлять нужду прямо на говорящую голову.

Гламроки так и обомлели, глядя на нее. На их лицах, казалось бы лишенных мимики, проявился неопиcуемый ужас. Они завороженно смотрели на все это зрелище, не издавая ни звука. Завершив свое святотатство, дива встала и спокойно застегнулась. В тот же момент голова вдруг заискрила, задергалась, и с угасающим мычанием заглохла, окаменевши в плачевной гримасе.

Матильда все поняла. Стоя на постаменте, она обвела дикарей торжествующим взглядом. Их гламорк был повержен. Выдержав паузу, дива задала им уже прозвучавший сакраментальный вопрос:

– Кто здесь мана?

– Мана-тида! Мана-тида! – отмерли гламроки. – Ты наша новая мана!

Они тут же упали на колени и принялись возиться мордами об пол. Матильда слезла с алтаря и приказала им:

– Перестаньте! Встаньте! Встаньте же наконец, говорю я вам!

Гламроки поднялись, и держась на почтительном расстоянии, окружили Матильду. Дива уже окончательно пришла в себя и спросила:

– Ну, что будем делать?

– Читать бьедни! Читать бьедни! – загомонили серые. Мертвая голова их, похоже, больше не интересовала, они с благоговением воззрились на свою новую ману, готовые следовать любому ее приказу.

Матильда на минуту задумалась. Она только что избежала страшной участи, выкрутившись из безвыходного, как ей казалось, положения. Ничего подобного она в своей жизни не испытывала, и конечно от себя не ожидала, что на такое способна. Но события развивались столь стремительно, что у нее не хватало времени успевать удивляться, или теперь уже радоваться.

По-прежнему оставалась масса неразрешенных вопросов: чем была эта голова, что за сооружение, что за город, кем и зачем все это построено, что это был за мир, наконец, в котором она оказалась? Кем бы ни были те таинственные зодчие, но уж точно не сами гламроки. Голова, судя по всему, была электромеханической, и служила средством обуздания этого примитивного народца. Сейчас она вышла из строя, однако источник энергии все еще действовал, поскольку монолит продолжал светиться зеленым сиянием.

Но главное: что теперь надлежало делать Матильде? Если народ примитивный, то мало ли что ему взбредет на ум. Значит, надо занять их умы, хотя бы чем-то вроде ритуалов, иначе они опять могут выйти из повиновения. Поразмыслив, умничка Матильда (а она несомненно была умничкой) решила для начала наладить с ними контакт.

Летка-енька

– Слушайте, а почему бы вам не научиться произносить букву? – спросила Матильда.

– Нам нельзя! – ответили гламроки. – Будет каш!

– А я говорю, что никакого краша не будет. Я ваша новая мана, я разрешаю. Понятно вам?

Гламроки замялись в нерешительности.

– Нам нельзя! Абу!

– Нет можно! Скажите так: мы гламроки.

Те еще долго переглядывались и перешептывались между собой, не решаясь на такой отчаянный шаг. Наконец, один из них выступил вперед и произнес:

– Мы глам-ооки.

– Мы глам-ооки! – подхватили остальные, уже не проглатывая букву, а пытаясь что-то выговорить. Однако у них пока плохо получалось.

– Повторяйте за мной: крокодилы!

– Коокодилы! Коокодилы!

– Чебурашки!

– Чебуаашки! Чебуаашки!

– Барабашки!

– Баабашки! Баабашки! – усердно старались гламроки.

– Давайте-давайте, у вас получится! Ну-ка еще раз: ленинградский рок-н-ролл!

При этих словах гламроки оживились и принялись стараться еще усерднее. Вряд ли они понимали, что говорят, но слова им явно пришлись по душе. И тут произошло чудо. У них получилось!

– Ленинградский! Ленинградский! – с энтузиазмом закричали они. – Ленинградский рок-н-ролл!

– Вот видите! – обрадовалась Матильда. – Вы молодцы! Повторяйте за мной:

Пускай сегодня мелкий дождь идет с утрррра,
Но мы с тобой опять танцуем как вчеррра.
От Москвы до Ленингрррада, и обрррратно до Москвы,
Пляшут линии, огрррады и мосты.²

Гламроки были явно способными учениками. Они без труда повторяли незнакомые им слова. Но для них было неважно, что слова незнакомые – им очень нравилось, что теперь и они тоже могут, и никакого краша не происходит.

– Аба! Аба! – в восторге кричали они. – Мы гламроки! Мы читаем бредни! И мы читаем букву!

От открывшихся перед ними новых возможностей, дикари пришли в состояние крайнего возбуждения, и Матильда подумала, что их следует угомонить, а то они уже разошлись не на шутку.

– Стойте, стойте! Послушайте меня! – ей едва удалось их

² Песня группы Браво «Ленинградский рок-н-ролл».

перекричать. – Скажите, зачем вы читаете эти свои бредни?

Гламроки немного успокоились, и один из них ответил:

– Мы должны читать бредни, – и тут же опять завелся. – Аба! Я читаю букву!

По-видимому, возглас «аба» у них служил способом выражения восторга. Но Матильда прервала энтузиаста:

– Да, я поняла, вы читаете бредни. Но какой в них смысл?

Вопрос озадачил гламрока.

– Что такое смысл? – спросил он, и не дождавшись ответа, добавил. – Смысл не надо. Надо ошо!

Матильде стало ясно, что отучить их от глупой привычки не удастся, да и не стоит наверно. Немного подумав, она обратилась к ним со словами:

– Так, значит, смысла вам не надо. Тогда я расскажу вам новую, волшебную бредню. Если будете читать ее постоянно, непрестанно, вам будет не просто ошо, а хо-ро-шо. Это больше. Это лучше.

Гламроки, похоже, были заинтригованы. Матильда собралась с мыслями, и начала говорить речитативом, не решаясь пока огорошивать их мелодией песни.

– Слушайте:

Мама-миа, хир а го эген,

Ма-ма, ха кэн а резист ю.

Мама-миа, даз ит шо эген,

Ма-ма, даст ха мач а мист ю.

Ес ав бин брокенхаре,

Блю син зе дэй ви паре.

Вай-вай, дид а эва лет ю го.³

Гламроки слушали как замороженные, и после того как Матильда закончила, еще несколько мгновений молчали. А затем разразились восторженными возгласами:

– Мана-миа! Мана-миа! У нас есть новая бредня! Хо-рошо! Это больше! Это лучше! Аба! Аба!

– Да, это Абба, – сказала Матильда. – Ну успокойтесь вы! Слушайте, давайте я вам повторю, чтобы вы заучили!

– Мана-миа! Мы помним! – отозвались гламроки, и тут же нестройным хором повторили все слово в слово, заменяя лишь «мама» на привычное им «мана». Как видно, их разум не был обременен излишней информацией, а потому любые слова и фразы они запоминали и воспроизводили с легкостью.

– Ну вы даете! – удивилась Матильда. – Ладно, пойдете отсюда, здесь душно. Пойдете!

Гламроки послушались и гурьбой высыпали вслед за Матильдой наружу. Но и там не могли угомониться. Переполненные впечатлениями, они выстроились по своему обычаю в вереницу и принялись топтаться, бормоча новую бредню:

– Мана-миа, хир а го эген...

Теперь они уже уверенно выговаривали букву, но веселая песенка в их исполнении превратилась в мрачный речита-

³ Вольная транскрипция песни группы Abba «Mamma mia».

тив, как получается у солдат, когда они механически запевают надоевшую строевую песню.

– Ма-на, даст ха мач а мист ю... .

Матильда, глядя на все это топтание и бормотание, подумала: «Нет, это опять какое-то исступление. Так не пойдет. Надо их зарядить чем-то более позитивным».

– Так, слушайте все сюда! – скомандовала Матильда. – Стойте как стоите. Сейчас мы разучим новую бредню. Это не просто бредня, а пелка-танцевалка. Это еще больше! Еще лучше! Вам будет хо-ро-шо! Хватайтесь друг за дружку и повторяйте все движения и слова за мной.

Гламроки удивились, но послушались. Она стала впереди всей вереницы, положила руки стоящего за ней себе на пояс, пригрозив ему, «Не трогай мой бант!», и начала петь, отплясывая когда-то модный танец:

Как-то ночью по пустой дороге
Грустный со свидания я шел опять.
Верьте – не верьте, почему-то ноги
Сами стали этот танец танцевать.

Снова к милой привела дорожка,
Снова оказался у ее дверей.
Стукнул в окошко, подождал немножко.
Слушай, дорогая, выходи скорей.

Раз-два, туфли надень-ка,

Как тебе не стыдно спать.
Славная милая смешная енька
Нас приглашает танцевать.⁴

Гламроки сперва нестройно и невпопад, но затем все дружнее и веселее принялись повторять все за ней. Оказалось, что они способны воспроизводить даже мелодию песни. Для них это было нечто новое, но было видно, что пелка-танцевалка им ужасно нравится.

Если кто-то видел, как танцуют летку-еньку, подпрыгивая вперед-назад и дрыгая смешно ногами, тот может представить, каким это было умопомрачительным зрелищем в исполнении гламроков. Наша дива знала, насколько старый добрый танец был опошлен современными гламурными дивами. Но она была не такой вульгарной, как ее «коллеги по цеху». Матильда ценила все настоящее, а потому пела и плясала так, как это делали в старое доброе время, которое она любила, как тот же твист.

Гламроки быстро усвоили мелодию и слова, и уже дружно подпевали ей, с удовольствием прыгая и выкидывая ноги из-под своих балахонов. Их впервые охватило доселе незнакомое им чувство радости – чувство, которое они верно никогда еще не испытывали.

Раз-два, туфли надень-ка,

⁴ Песня-танец «Летка-енька». Автора не знаю.

Как тебе не стыдно спать.
Славная милая смешная енька
Нас приглашает танцевать.

Наконец, наплясавшись вволю, они все собрались вокруг Матильды, и будучи в полном восторге, принялись ее восхвалять на свой манер:

– Мана-тида-енька! Мана-тида-енька! Нас приглашает танцевать!

Так бы они кричали еще долго, но Матильда замахала на них руками:

– Все, хватит! Я устала, мне надо отдохнуть.

Гламроки, будто проникшись пониманием, подхватили ее на руки и понесли в сторону построек, не переставая восклицать:

– Мана-тида! Мана-тида-енька! Ты наша мана!

Они внесли ее в ближайший домик, бережно усадили на что-то вроде лежанки и удалились, почтительно пятясь назад. Лежанка была завалена сеном. Кроме того, там были еще стол и стул, а также нечто наподобие туалета. В остальном помещение было пустым и сугубо аскетичным. С круглыми высоко посаженными окнами на каждой стене и с одной дверью. Все из того же незнакомого гладкого материала, которым были отделаны все постройки. Несмотря на примитивность, жилище было достаточно технологичным, за исключением сена, невесть откуда взявшегося в этой пустыне.

Матильда с облегчением вздохнула. Наконец, ее оставили в покое. Однако ненадолго. Вскоре дверь отворилась, и в дом вошел гламрок (не постучавшись конечно, какие уж там манеры), зато с подношением. Матильда только сейчас почувствовала, насколько была голодна. Гламрок поставил на стол поднос с миской, чашкой и ложкой.

– Что это? – спросила Матильда.

– Еда! – лаконично ответил тот.

В чашке была вода, в миске что-то вроде фасоли. Запах вроде тоже был неплохой. Матильда осторожно попробовала. Блюдо оказалось довольно вкусным, как ни странно.

– Откуда это у вас? – осведомилась она.

– Хлевыюн дает. Еды много!

«Сволочи, – подумала Матильда. – Почему же вы хотели меня съесть, если у вас и так жратвы дохрена». Но вслух ничего не сказала. Гламрок был немногословен, а она не имела ни малейшего желания вдаваться в расспросы, и тот удалился, пятясь задом и затворив за собою дверь. Наконец-то, и похоже окончательно, церемонии на сегодня были завершены.

Матильда быстро поела, забралась на лежанку и зарылась в сено. Постель была не ахти какая, но в таких обстоятельствах рассчитывать на удобства не приходилось. Несчастная настолько устала от впечатлений и событий прошедшего дня, что не могла ни уснуть, ни расплакаться. Да, все закончилось удачно. Гламурная дива стала богиней гламроков. Но

что дальше? Что она будет здесь делать? Зачем ей все это?

Матильду охватила глубокая печаль. Неужели ей не суждено вернуться обратно? Неужели больше никогда и ничего не будет, из того что было? Что было и осталось в том, беззаботном прошлом, что не ценилось тогда, и что может быть теперь утеряно безвозвратно. И никто никогда не уложит ее в чистую постельку, не поцелует в лобик, не назовет ласково «Тиличка, ляля». Ей вспомнилось, как это делала ее мама. Каково ей сейчас? Наверно беспокоится? А остальные ищут ее, куда она пропала?

С этими грустными мыслями Матильда, уже вконец обесилев, уснула.

Город манекенов

Жрица Итфат ошалело озиралась по сторонам. Ее было трудно чем-либо удивить, но произошедшее с ней и окружающей действительностью не вписывалось ни в какие рамки. После того как песочные часы, или чем это являлось, перевернулись и осыпались, реальность успокоилась. Небо стало голубым, а песок желтым, однако солнце так и не появилось. «Откуда же свет?» – подумала жрица.

– Улетели-улетели мои туфельки, – продолжала она разговаривать сама с собой. – Ладно-ладно, будем считать, что я за свой страх расплатилась. Но если и дальше так пойдет, мне скоро нечем будет расплачиваться.

У Итфат только и оставалось, что ее шикарное платье из темно-синего бархата с бриллиантовым воротничком, да еще перстень с кристаллом на левой руке.

– Больше ты ничего от меня не дождешься, ты, полоумная реальность! Если ты свихнулась, так это не значит, что и я тоже должна. Тебе больше не удастся меня запугать. Отдавай мои туфли! Слышишь?

Между тем, вслед за опрокидыванием песочных часов к пейзажу добавилась новая деталь. Вдалеке стали проглядываться очертания какого-то города.

– Ну вот, Итфат, жрица-жрица, теперь тебе есть куда идти. Уже идем! Уже скорей! Пора кончать с этой бессмыслицей.

Только бы не мираж.

Она отряхнула платье от песка и зашагала в сторону наметившейся цели. Песок скрипел под ее босыми ногами, будто стеклянный, хотя на ощупь был мягким. Жрица обратила внимание, что ступает по нему как по вате. Но еще больше ее озадачило другое, не менее странное явление. Ей казалось, что она не сама идет, а пейзаж движется навстречу, в то время как она лишь переставляет ноги. К тому же цель приближалась с какой-то неестественной быстротой.

– Это еще что за фокусы? – возмутилась Итфат. – Ты хочешь меня удивить, или опять испугать? – сказала она, обращаясь к реальности. – Так не бывает! А чего не бывает, того и бояться не стоит. Не страшно не страшно! Совсем-совсем! Поняла?

Реальность тем временем продолжала быстро меняться, словно игнорируя восклицания жрицы. Уже через несколько минут небо посерело, песчаные волны перешли в каменистую пустошь, а очертания города выросли на глазах. Итфат почему-то не чувствовала камней, они ей не мешали, как ни странно, с ее босыми ногами. Но она уже устала чему-либо удивляться.

Жрица вошла в город, если таковым можно было назвать абстрактное нагромождение кубических построек и углублений, с бесконечным переплетением лестниц повсюду, куда бы ни падал взор. Вокруг стояла мертвая тишина, изредка прерываемая объемными звуками падающих капель, как

будто невидимая гигантская клепсидра отмеряла промежутки времени.

– Ти-хий ужас. Это просто ти-хонь-кий, такой, у-жас, – повторяла Итфат, блуждая в лабиринте расположений и конструкций. – Час от часу не легче. Неужели кошмары еще только начинаются?

– Эй, есть тут кто-нибудь?! – крикнула она, и тут же объемное эхо разнесло ее возглас многократным «будь-будь-будь».

– Т-с-с, – опешила жрица, переходя на шепот. – Нет, если ужас тихий, то и вести себя надо тихонечко.

Она осторожно открыла дверь одного дома и заглянула внутрь. Там никого не оказалось. Из обстановки были только стол, стул и лежанка. Больше ничего. Аналогичная картина повторялась в каждом из домов, куда заглядывала Итфат. Она их обследовала один за другим, но нигде не было ни души.

Тогда она отважилась взобраться на высокую лестницу, чтобы осмотреться. Как выяснилось, лестница никуда не вела, а после нескольких поворотов зависала в воздухе. Итфат не стала подниматься до самого верха, потому что от высоты у нее уже начала кружиться голова. Остановившись где-то посередине, она огляделась по сторонам. Невдалеке меж одинаковых крыш возвышалось черное строение.

Спустившись с лестницы, Итфат решила двинуться в том направлении, насколько это было возможно в причудливом

лабиринте. Так, от дома к дому, от лестницы к лестнице, она брела, внимательно смотря себе под ноги, чтобы куда-нибудь не угодить, как вдруг чуть не столкнулась с серой фигурой.

От неожиданности жрица отпрянула назад, ее сердце заколотилось. Фигура стояла неподвижно, замерев в такой позе, будто собиралась сделать шаг. Это был не то человек, не то статуя, облеченная в бесформенный балахон с капюшоном, скрывавшим лицо. Переведя дух, Итфат обошла фигуру вокруг и заглянула под капюшон.

Стеклянные глаза горели в тени, глядя в никуда. Ей показалось, что в них присутствовали признаки жизни, однако все остальное лицо было мертвенно-серым и застывшим в бесстрастном выражении. Итфат позвала тихонько:

– Эй!

Фигура не шелохнулась. Тогда жрица осторожно потрогала балахон, он был сшит из какого-то грубого материала; провела пальцами по руке, она ощущалась как восковая; коснулась щеки... И тут произошло нечто противоестественное – пальцы жрицы свободно проникли сквозь кожу лица, будто оно было нематериальным.

Решив проверить свою догадку, Итфат попробовала провести рукой через тело фигуры, и рука снова прошла насквозь. В полном изумлении, жрица попятилась, и вдруг увидела, что проваливается в находившуюся позади лестницу, словно та состояла из воздуха.

В панике, жрица начала шараться из стороны в сторо-

ну, проходя сквозь стены и лестницы как фантом. Она уже не понимала, что здесь было нематериальным – все что ее окружало, или она сама. Это было уж слишком. Реальность продолжала плести какую-то свою зловещую сеть иллюзий, и жрица в этой игре, похоже, проигрывала.

Наконец, Итфат немного успокоилась и принялась исследовать новые свойства, то ли свои, то ли реальности.

– Чудесно-расчудесно! Я умерла! Или нет, я сошла с ума! А что лучше: я умерла или сошла с ума? Или нет, что хуже?

Она ощупала стену. Та казалась твердой и гладкой, однако стоило подать руку вперед, и она проходила, будто стены не существовало.

– Реальность, кто из нас прозрачная, ты или я?

Но определить с ответом не получалось, иллюзия была полной. Или может, то была не иллюзия?

Итфат заметила, что на площадке, где по-прежнему стояла серая статуя, был оборудован источник с небольшим каменным бассейном. Вода в нем лилась, и одновременно не лилась. Струя неподвижно застыла в воздухе, будто в стоп-кадре. Жрица подошла к источнику и потрогала воду. Вода на ощупь была водою, однако зачерпнуть ее не удавалось. Итфат попыталась напиться, но вскоре поняла, что из этого тоже ничего не выйдет.

И тут она разглядела, что струя на самом деле не была неподвижной, а все же текла медленно, еле заметно. Жрицу осенила смутная догадка. Она подбежала к статуе и снова ее

осмотрела. Та стояла уже в чуть другой позе, занеся ногу на полшага вперед.

– Так, – жрица принялась ходить взад-вперед. – Здесь что-то неладное со временем творится.

Невидимая клепсидра, словно в подтверждение ее мыслей, продолжала отмерять мертвую тишину редкими, но громкими каплями.

– Тихий-претихий у-жас! – повторяла Итфат. – Я окончательно сошла с ума, или еще не окончательно?

Она уже забыла, в каком направлении хотела двигаться, и ей пришлось снова забраться на лестницу, чтобы осмотреться. Черное сооружение виднелось неподалеку, но добраться до него через лабиринт было непросто. Жрица пошла по извилистым улочкам, стараясь не терять ориентировки. По дороге она встретила еще одну статую, потом еще и еще. Они все были одинаковые, только замершие в разных промежуточных позах. Одни стояли в полшага, другие сидели, третьи застыли в наклоне.

– Ну хоть кто-нибудь может мне объяснить, что здесь творится? – негодовала Итфат. – Ну хоть кто-нибудь!

Тут она вспомнила, что в песчаной пустыне у нее уже был некий «собеседник».

– Эй, Преддверие, ты здесь?

После ее слов из тишины вдруг поднялся шепот, который начал носиться из стороны в сторону, как ветер:

– Я везде и повсюду, везде и повсюду...

– Ой, ты и вправду здесь, – Итфат обрадовалась, что хоть кто-то живой объявился. – Я уж не спрашиваю, где ты и кто ты. Но можешь мне сказать, где я и что все это такое?

– Метареальность, – шепот перестал носиться, но исходил будто со всех сторон одновременно.

– Какая-токая метареальность?

– Прототип реальности.

– О боги, ты можешь выражаться яснее? Что такое прототип?

– Это то, откуда все начинается, откуда все зарождается, откуда все берется.

– Что это за город?

– Модель того, что могло бы быть.

– А что за люди здесь застывшие?

– Это не люди, а манекены – модели людей.

– Почему все замедленное? Что я здесь делаю? Почему прохожу сквозь стены?

– Слишком много вопросов. Исчезаю.

– Постой-постой, скажи только, как мне вернуться обратно?

– Узнаешь, узнаешь, узнаешь... – шепот удалился и стих.

Как видно, Преддверие не было расположено к долгой беседе. Итфат еще пыталась до него докричаться, но безуспешно. На ее зов откликалось только эхо. Диалог с Преддверием оставил после себя больше загадок, чем ответов. И жрице ничего не осталось, как двинуться дальше.

Она еще долго блуждала по извилинам лабиринта, время от времени натываясь на «манекены», пока наконец не вышла на небольшую площадку. И вот там ей открылось зрелище, от которого у Итфат холодок прошел по спине. Посреди площадки в воздухе висела фигура, облеченная в темно-синее платье, такое же, как у нее самой. Итфат обратила внимание, что во всем сером окружении только они двое были цветными.

Фигура висела в неестественной позе: босые ноги отведены назад и вбок, руки кверху, голова запрокинута, черные волосы веером. Жрица, затаив дыхание, подобралась к фигуре сзади, обошла кругом и глянула в лицо. От того, что она увидела, ее пробрала сильная дрожь. Это была она сама.

С диким криком Итфат кинулась прочь. Объемное эхо многократно усилило и повторило ее крик. Наверное в жизни она еще никогда так не кричала и не испытывала такого животного страха, как сейчас. Хотя казалось бы, встретиться со своим манекеном было не намного страшнее, чем со всем тем, что она уже повидала здесь. Но жрице такое зрелище представилось уж чересчур inferнальным.

Однако и убежать ей не удалось. Она прилагала все усилия, но была будто скована параличом и едва двигала ногами, оставаясь на том же месте. Затем какая-то неведомая сила подхватила ее, подняла в воздух, и описывая круги по спирали, резко втиснула в висающую фигуру.

Через мгновение тело Итфат, уже будучи одним телом,

рухнуло на землю. Какое-то время жрица лежала без движения, но наконец очнулась, встряхнула головой и осмотрела себя. Все было на месте. И она была одна. В этот момент откуда-то сверху рядом с ней брякнулись ее туфли.

– Ой, мои туфельки! – слабым голосом простонала жрица.

Она все никак не могла прийти в себя. Итфат на коленях подползла к туфлям, уселась, надела их и встала с непривычной тяжестью во всем теле. Похоже, ее тело вновь обрело свою материальную форму.

Она подошла к дому и попыталась просунуть руку сквозь стену. Не удалось. Стена была твердой и не пускала. Итфат вздохнула облегченно. По крайней мере, одна проблема была решена. «Слава богам, я это снова я», – подумала Итфат и уже бодрым шагом направилась к черной постройке, которая теперь виднелась за крышами. Каблуки уверенно и четко цокали по каменистой почве.

Наконец, она вышла на площадь, посреди которой возвышался огромный черный монолит.

– Ого, это что же за такое? – удивилась жрица, – Храм Верховного Создателя и то меньше!

Она подошла к сооружению, и тут перед ее взором открылась не менее странная картина. Рядом с монолитом на камне сидела девица с голубыми волосами, синим лицом, да с розовым бантом за спиной.

Девица сидела не шелохнувшись, подобно серым статуям, от которых, однако, разительно отличалась – не только обли-

ком и цветом, но вдобавок присутствием жизни. Итфат обошла ее несколько раз, оглядывая со всех сторон. Вроде живая, а вроде и нет. Сидит себе и не пошевелится. То ли манекен, то ли что-то несусветное. Девушка и впрямь смотрелась весьма экзотично.

Итфат отошла в сторону и резко обернулась. Ей показалось, что девушка моргнула. Или лишь показалось? Итфат снова приблизилась и принялась внимательно вглядываться в ее лицо. Та оставалась неподвижной. Тогда женщина сделала вид, что собирается уходить, и отправилась с площади в сторону построек.

Оказавшись вне поля зрения девушки, она сняла туфли, взяла их в руки и быстро обежала монолит с другой стороны. Осторожно выглянув из-за колонны, она увидела, что девушка уже стоит и озирается по сторонам. Итфат тихонько подкралась к ней сзади и громко крикнула:

– Хей!

Матильда (конечно, это была она) от неожиданности аж подпрыгнула и тоже закричала.

Они некоторое время стояли молча и смотрели друг на дружку. Наконец, Итфат заговорила первой:

– Ты что это за пантомиму здесь изображаешь?

– Ничего. Просто, я тебя испугалась очень.

– Почему ты меня боишься?

– А чего ты такая красная?

– А ты чего такая синяя?

Они опять замолчали.

– Ты кто? – спросила Итфат.

– Я дива, – ответила Матильда.

– Да уж, чудо-чудное, диво-дивное, – с иронией в голосе заметила Итфат.

– А ты кто? – спросила дива.

– Я жрица. А звать тебя как?

– Матильда. Можно просто **Тили**.

– Ах, как трогательно. Тили-бом, тили-бом, разгорелся кошкин дом.

– Чего ты меня передразниваешь? – обиделась Матильда. – Я, можно сказать, впервые встретила живую душу, и та надо мной издевается. Ты даже не представляешь, чего я здесь натерпелась!

– Прости, – ответила жрица. – Я сама не знаю, что сейчас сказала. Это у меня нервный срыв какой-то. Я Итфат. И я тоже много чего здесь натерпелась.

Они поглядели друг на дружку, будто почувствовав одно и то же. А затем, не сговариваясь, обнялись и расплакались.

Встреча

– Ой, сейчас краска потечет! – спохватилась Матильда.

Они сразу перестали плакать, заморгали и принялись махать руками возле глаз. Увидев, что делают одно и то же, рассмеялись. У женщин так нередко случается – то они плачут, то вдруг смеются, без причин и прелюдий. А у таких экстраординарных, какими являлись дива и жрица, вообще все бывает непредсказуемо, поскольку они и сами не знают, что в следующий момент сотворят.

– Посмотри на меня, – сказала Итфат, – все расплылось, да?

– Нет, совсем нет, – ответила Матильда, – а у меня?

– Тоже нет. Странно.

Они потрогали друг дружку, а потом сами себя, опять выполняя одни и те же действия, как близняшки, хотя отличались разительно.

– Грим совершенно не мажется, – удивилась Матильда.

– Здесь невероятные вещи творятся, – сказала Итфат.

– Да уж, более чем. А что у тебя за раскраска такая устрашающая?

– Ритуальная. А у тебя?

– Театральная.

– Какая-какая?

– Ну, это долго объяснять. Знаешь, я тебя как увидела,

подумала, сама Смерть за мной явилась.

– А-ха-ха! А я такую, как ты, вообще никогда не видала.

– Представь себе, я тоже никогда не видала такую, как я.

Они опять рассмеялись и принялись друг дружку оглядывать и трогать, будто повстречались на вечеринке, и будто ничего не случилось, и больше нечем было заняться и не о чем беспокоиться, кроме как вот обсуждать свою внешность, да хихикать. Но, наверно, это было нервное, после всего ими пережитого. А еще наверно, потому что обе были рады, что теперь не одиноки.

– Посмотри, не помялся ли мой бантик? – спросила Матильда и повернулась спиной, словно стояла в примерочной.

– Да нет, он в порядке. Твой бантик – это нечто.

– О да! А я сначала капризничала и так не хотела его! А он, кажется, мне кое в чем помог.

– В чем же?

– Еще точно не поняла, потом расскажу.

– А мое платье – оно почему-то совсем не испачкалось.

– Да, удивительно, – сказала Матильда.

– Здесь, похоже, ничто не мнется и не пачкается, – сказала

Итфат.

– И косметика не плывет. А может, нам пойти смыть ее?

– Это вряд ли удастся. Я здешней водой даже напиться не смогла.

– А, это видимо после того, как все остановилось.

– После того как? А что было до?

– Ой, я ничего не знаю, ничего не понимаю. Я даже не знаю где я и как здесь очутилась. А ты знаешь?

– Нет, со мной все то же самое.

В этот момент в реальности стали происходить какие-то изменения, как будто в напоминание подружкам, что пора бы подумать о вещах существенных. Невидимая клепсидра, до сих пор отмерявшая равные промежутки тишины, начала ускоряться. Звук падающих капель повторялся все быстрее, пока не раздался треск, как от лопнувшего стекла, отчего жрица и дива аж пригнулись. Вслед за этим клепсидра стихла, а небо расколосось на две полусферы.

По одну сторону в воздухе наблюдалось колышущееся море, а по другую небосклон был разлинован светящимися меридианами, уходящими к горизонту.

– Надо валить отсюда! – воскликнула Матильда.

– Что такое «валить»? – спросила Итфат.

– Надо бежать! Бежать надо!

– А куда? Кругом пустыня.

– Что-то изменилось. Что-то происходит. Видишь, небо какое? Надо рвать когти!

– Какие-какие когти?

– Фáти, ты с луны упала? Ты будто не все слова понимаешь... О боже, я не спросила, а ты откуда вообще?

– Я... ну, оттуда, откуда я. Но не с луны точно. Как ты меня назвала?

– Фáти. Так можно?

– По-моему, меня так еще никто не называл, но... звучит очень знакомо... странно.

– Ладно, потом, сейчас некогда! Побежали!

– Нет, стой, Тили, иди сюда! – крикнула ей вдогонку Ит-фат.

Матильда остановилась как вкопанная, развернулась на своих платформах и застыла в удивлении. Слова жрицы ей напомнили то, что она уже не раз слышала: «Нет, стой, Тиличка, ляля, иди сюда!»

– Что такое? – спросила Матильда. С некоторых пор у нее куда-то исчезла привычка тянуть гласные. Здешняя реальность не особо располагала к гламуррррным замашкам.

– Почему ты решила, что надо бежать? – спросила Ит-фат. – Может, там будет еще того хуже!

– Хуже того, что со мной было, уже не будет. Меня тут чуть не съели.

– А я чуть не умерла. Точнее, я умерла, а потом как бы отмерла. Но ведь мы живы!

– Ты же видишь, что-то происходит! Здесь, если что-то и происходит, то ничего хорошего!

– Ладно, тогда куда бежим, налево или направо? Там что-то колышется, а там какие-то линии.

– Хороший вопрос. Давай лучше туда, где ничего не колыхается.

Дива и жрица побежали в ту сторону, где сходились меридианы. Теперь в городском лабиринте было легко держать

направление, глядя на небо. По дороге они еще успевали переговариваться.

– Фати, скажи, а почему ты назвала себя жрицей?

– Потому что я и есть жрица.

– В смысле, настоящая, взаправдашняя?

– А какая же?

– Но ведь в нашей стране нет никаких жриц.

– Я не из твоей страны, а ты не из моей, иначе бы ты меня знала, а я тебя.

– А почему мы разговариваем на одном языке? Ой, какая же я ослица! Гламроки тоже говорили на моем языке почему-то!

– Гламроки?

– Да, это они хотели меня съесть. А потом я стала их богиней. А потом они все замерли почему-то. Вон, один из них, видишь!

На пути им попалась серая статуя.

– Вот эти манекены? И ты стала их богиней? Как?

– Потом расскажу. Давай пока пешком пройдемся, на моих платформах не очень-то побегаешь.

– В моих туфельках тоже. Только я не поняла, ты сказала, они говорили на твоём языке?

– Ну да.

– На каком твоём? Мы с тобой на моем языке разговариваем.

– Нет, я на своем говорю.

– И я на своем.

Они с удивлением посмотрели друг на дружку.

– Понятно. Но непонятно, – сказала Матильда.

– Да, непонятно. Но понятно, – сказала Итфат, – это наверно из того ряда чудес, что одежда не мнется, не пачкается, и краска не течет.

– Здесь вообще одни сплошные чудеса, только не чудесные, а чудовищные! – подытожила Матильда.

Тем временем, они выбрались на окраину города. Пустынный пейзаж сильно изменился. По земле и по небу теперь тянулись флуоресцентные зеленые линии, уходящие вдаль. Изгибаясь, они образовывали форму туннеля, в конце которого виднелось черное пятно.

– Фати, мне страшно, – сказала Матильда.

– Мы можем туда и не ходить, – ответила Итфат.

– А если там выход из этого мира?

– А если тот мир будет еще страшнее?

– Но ведь нам надо как-то выбираться отсюда!

– Тогда пойдем.

– Мы только быстренько глянем, что там, и если что, мигом обратно.

– Ладно-ладно, быстренько-быстренько!

Дива и жрица взяли за руки и отправились навстречу неизвестности. По мере их продвижения вперед, земля и небо сужались, а туннель становился все темнее, только линии светились в полумраке. Но их переход длился недолго.

Достигнув самой узкой и темной точки, воронка туннеля начала расширяться, и наконец развернулась в широкое пространство. Представшая картина в очередной раз повергла наших героинь в изумление.

Земля с небом поменялись местами. Итфат и Матильда стояли на пустоте, уходящей неведомо как глубоко вниз, а над их головами висел все тот же город гламроков, только перевернутый. Но и это было еще не все.

– Итфат, где ты? – закричала Матильда.

– Матильда! Я тебя не вижу! Я опять вижу себя!

– Я тоже себя вижу! Итфат, ты где?

– А ты где?

Так они кричали, стоя бок о бок, но все время крутились и оглядывались по сторонам. В конце концов они повернулись друг к другу и принялись смотреться, как в зеркало, делая разные движения руками, головой, ногами.

– Фати, я боюсь! – опять закричала Матильда. – Я вижу себя, но это не зеркало!

– Тили, это ты, что ли?! – воскликнула Итфат, глядя то ли на свое отражение, то ли на двойника.

– Это ты? Это ты мне отвечаешь?

– Тили, ты стала, как я?

– Нет, нет, это невозможно! Я это ты?

Теперь они осмотрели сами себя и в один голос ахнули. Итфат была в теле Матильды, а Матильда в теле Итфат.

– Ты оказалась права! – сказала Матильда. – Здесь стало

совсем-пресовсем, очень-преочень плохо-о-о!

– Бежим-бежим назад! Пока он не закрылся! – крикнула Итфат, и они, взявшись за руки, кинулись обратно в туннель.

Задние мысли

Выбежав с «изнанки» на «лицевую» сторону реальности, дива и жрица с облегчением удостоверились, что все стало на свои места. Делать нечего, они опять направились в сторону площади.

– Нет, это издевательство какое-то! – причитала Матильда. – Тут куда ни кинь, всюду клин.

– Всюду что? – спросила Итфат. – Я еще не совсем понимаю твои выражения.

– Плохи наши дела, говорю.

– Это боги чем-то разгневаны. Или нам испытание послали.

– Ты еще скажи, что их надо умиловать, твоих богов, принести жертву!

– Нет, так поступают примитивные народы. У нас принято стремиться к совершенству богов, чтобы достичь их уровня, чтобы самим повелевать реальностью, подобно богам.

– Фати, так повели этой реальности, чтобы вернула нас домой!

– Я пока не могу. У меня что-то с памятью случилось, прошлое как в тумане.

– А у меня настоящее будто непрекращающийся кошмарный сон.

Порядком уставшие, они наконец возвратились к месту

своей встречи, к монолиту на площади.

– Ну что, пойдём испытывать судьбу на другую сторону, где все колышется? – предложила Итфат.

– Нет уж, с меня хватит! Надо отдохнуть и хоть что-то съесть, – сказала Матильда.

– А здесь есть где можно что-то съесть?

– Ты голодная, да, Фати? Я ещё не знаю как, но гламроки говорили, хлевьюн еду даёт.

– Какой хлевьюн?

– Ну вот этот мегалит, они его так называли. Пойдём, поглядим.

Они вошли внутрь и осмотрелись.

– Ой, куда-то голова исчезла! – воскликнула Матильда.

– Голова?

– Здесь была голова на постаменте, гламорк, их божество типа, а теперь её нет!

Алтарь и в самом деле куда-то исчез, а на его месте стоял цилиндр высотой около трёх метров и метра полтора в диаметре, из материала, похожего на тонированное стекло. Дива и жрица обошли цилиндр вокруг, потрогали его руками, он был гладкий и цельный, без малейших деталей.

– Смотри, в нём ничего не отражается, – сказала Итфат.

– И через стенки ничего не видно, – сказала Матильда.

– Интересно, что это и зачем?

– Давай все остальное здесь исследуем.

Они обошли все внутреннее пространство, но ничего при-

мечательного не обнаружили. Вдоль стен стояли наполовину выступающие колонны, которые изгибались кверху и переходили в высокий свод. Откуда-то снизу из ниш струился зеленый свет. И ни единой детали, напоминающей хоть какое-либо устройство или панель управления.

– Так ты говоришь, здесь может быть еда? – спросила Итфат.

– Ну мне так сообщили, что отсюда, – ответила Матильда. Они опять подошли к цилиндру.

– По-моему, эта штука должна выполнять какие-то функции, – сказала Матильда. – Надо только понять, как с ней обращаться. Должна же быть хоть какая-то кнопка.

– Что такое кнопка? – спросила Итфат.

– Это такая штучка, на которую нажимаешь, и что-то происходит, например, еда появляется.

– Разве такое бывает?

– Да, в моем мире есть такие автоматы, только там еще денежку положить надо, а потом кнопку нажать, и будет еда или вода.

– Тили, мне не совсем понятно, о чем ты говоришь, но здесь вроде как нет этой самой кнопки.

– Да, нет. И что будем делать?

– Насколько я знаю, для того чтобы получить что-то, не всегда требуется делать что-то.

– Что ты имеешь в виду?

– Например, ты не можешь ничего сделать, чтобы пошел дождь или выглянуло солнце. И ты не можешь заставить дождь пойти или солнце выглянуть. Но если очень сильно захочешь, они могут сами захотеть того же.

– Ух ты! – Матильда уставилась на жрицу в полном изумлении. – Никогда не слышала ничего подобного! Но в твоих словах есть что-то такое... Постой! У меня здесь уже кое-что получалось!

Дива поправила сзади свой бант и принялась что-то шептать и ходить взад-вперед.

– Что ты делаешь? – спросила ее Итфат.

– Нет, ничего не выходит. Ай!

В это мгновение в цилиндре что-то загудело, из него выдвинулся сегмент, на сегменте лежала какая-то коробка.

– Нет, я не верю! – воскликнула Матильда.

Она открыла коробку, там были конфеты. Матильда взяла одну и попробовала. И тут же запрыгала и завизжала как ненормальная.

– Тили! Ты сошла с ума! – испугалась за нее Итфат.

Но Матильда продолжала скакать и визжать. Затем она схватила коробку и подскочила к жрице с криком:

– Фати-и-и-и! Это вишня в шоколаде! Попробуй!

– Что-что? – та взяла конфету, съела и расплылась в улыбке. – Как тебе это удалось? Что ты сделала?

– Я ничего не сделала, как ты и говорила! Я захотела! Это

мой бантик! Это мой бантик!

– Погоди-погоди, при чем тут твой бант? Да успокойся ты наконец!

– У меня за спиной бывает какое-то странное ощущение, – Матильда принялась рассказывать, отчаянно жестикулируя. – У меня здесь пару раз такое случилось, я вспоминала про бант, а потом чего-то сильно хотела, и тут это ощущение, а затем происходило то, чего я хотела!

– Что именно ты чувствовала?

– Какое-то томление, как будто сзади за лопатками что-то есть, что-то такое...

– Хей! Я знаю, что это! – теперь уже Итфат пришла в возбужденное состояние, но тут же засомневалась. – Или нет... Я точно знаю, что знаю! Но что-то смутное, не могу припомнить...

– Скажи, скажи что ты знаешь об этом! – Матильда была вся в нетерпении.

– Реальность повелевается мыслью, которая возникает где-то позади, ненароком, как бы задней мыслью. Если чего-то желаешь совершенно нестерпимо, неистово, тогда надо сделать так, чтобы желание стало задней мыслью. Что-то в этом роде.

– Пока не совсем понятно, – сказала Матильда. – Но что это вообще такое, там, за спиной?

– Я очень смутно помню, – сказала Итфат. – Говорю же,

у меня память отшибло. Все мое прошлое как во сне. Только обрывки.

– Фатичка, ты должна вспомнить! От этого, быть может, наша жизнь зависит. Ты понимаешь?

– Я постараюсь. Но лучше ты расскажи, что ты сделала? У тебя же получилось!

– Я обратила внимание на свой бантик, поймала это ощущение за спиной и представила коробку конфет.

– И все?

– Все. А ты у себя за спиной что-нибудь чувствуешь?

Итфат вскинула голову, о чем-то задумалась и сказала:

– Нет. Но мне кажется, я когда-то это умела и использовала. А сейчас почему-то не получается.

– Ладно, я уверена, ты вспомнишь, и у тебя получится. Главное, эта штуковина работает. Я еще раз попробую. Чего ты хочешь?

– Пить хочу.

Матильда снова потрогала свой бант, что-то там поколдовала про себя, и чудо опять свершилось. Цилиндр загудел, и из него выдвинулся плоский сегмент, на котором стояло два стакана воды.

– Ты сама прямо как жрица! – сказала Итфат.

Они взяли стаканы и попили воды, глядя друг на дружку светящимися от радости глазами.

– Классно! Вода такая вкусная! – сказала Матильда.

Они поставили стаканы.

– Интересно, как эти столики убираются? – Матильда коснулась края сегмента, и тот задвинулся обратно вместе со стаканами, которые прошли сквозь стенку цилиндра, будто ее и не было. Потом она так же задвинула и другой сегмент.

– Я уже ничему не удивляюсь, – сказала Итфат.

– Здесь инопланетные технологии, похоже. Обалдеть!

– Тили, ты опять какие-то непонятные слова произносишь.

– Ла-ла-ла! Неважно! Нам теперь надо поесть. Какое твое любимое блюдо?

– Фламиди.

– А это слово уже мне незнакомо. Что это?

– Ну, такая рыбка запеченная.

– Я тоже люблю рыбку. Не могу гарантировать в точности твое блюдо, но что-нибудь сейчас изобразим.

Матильда недолго поколдовала, и тут из цилиндра начали выдвигаться один за другим сегменты со всевозможными блюдами.

– Чудеса, да и только! И это все ты задумала? – удивилась Итфат, хотя обещала не удивляться.

– Это шведский стол!

– Какой-какой?

– Неважно. Вот, еще кое-что забыла.

После ее слов появился еще один сегмент со столовыми приборами. А вслед за этим неожиданно, прямо из пола выросли стол и два стула, чуть не сбив жрицу и диву с ног.

– Ой, а это уже не я! – воскликнула Матильда.

– Кажется, на этот раз я, – сказала Итфат. – У меня промелькнула мысль, что не хватает только стола и стульев.

– Ух ты! Задняя мысль? Вот видишь, и у тебя получилось!

– Случайно.

– Здесь вроде не только эта колонна работает, но и пол еще.

– Наверно, нам следует быть поосторожнее со своими мыслями.

– Тебе надо обязательно вспомнить, что это там за спиной, и как с ним обращаться.

– Ладно-ладно. По-моему, все легко получается только в этом храме. В реальности все не так просто.

– Вот и вспоминай, Фатичка. Давай будем кормиться!

Они набросились на еду и принялись рассказывать друг дружке о своих злоключениях. Когда дива поведала жрице, каким образом ей удалось укротить гламроков, Итфат вскочила и начала кружиться и хохотать безудержно, а вместе с ней и Матильда. Сейчас новоиспеченные подружки беззаботно болтали, и это были самые счастливые минуты с тех пор, как они оказались в этом странном и пугающем мире. На данный момент и пока, для них все сложилось не так уж и плохо. Главное, теперь они были не одиноки, а вместе. Но о

том, что им еще предстояло пережить, знал только этот мир.

Видящие реальность

– Ну вот, мы и покормилися, – сказала Матильда. – Славно. Еще чего-нибудь хочешь, Фати?

– Нет, все было очень вкусно, – ответила Итфат. – Никогда такого не ела. Что бы я без тебя делала?

– А я тут одна без тебя вообще бы свихнулась. Я уже была на грани.

– Давай, что ли, уберем эти столики. А стол и стулья пусть остаются.

– Давай, – Матильда поочередно коснулась краев сегментов, и те задвинулись в цилиндр вместе с содержимым. – Классный автомат. Теперь не пропадем.

Они еще некоторое время непринужденно болтали, будто сидели в кафе, а вовсе не в заповедье времени и пространства, в котором оказались неведомо как.

– Фати, расскажи, из какой ты страны? – спросила Матильда.

– Из страны богов, – ответила Итфат.

– И что вы делаете со своими богами?

– Славим их.

– А они что делают?

– Правят.

– Понятно.

– А ты из какой страны? – спросила Итфат.

– Я? О, из страны дураков, – ответила Матильда.

– И что вы с ними делаете?

– Мы? У нас нет деления на «дураков» и «нас».

– Так вы там все дураки, что ли?

– Конечно!

– А мы еще только стремимся приблизиться к нашим богам.

– У нас наоборот, одни дураки кричат другим: «Пошли вон, дураки!» А другие им отвечают: «Нет, это вы пошли вон!»

– Правда, что ли? – спросила Итфат.

– Да ладно, я пошутила, – ответила Матильда. – Из какой ты страны... Как бы тебе объяснить. Ну, например, из страны грибов.

– И что вы с ними делаете?

– Собираем. Потом варим, жарим, сушим, маринуем. Потом едим.

– А еще что делаете?

– Еще пляшем, поем. Так и живем.

– Странные вы.

– Просто, когда есть много о чем рассказать, не знаешь, что сказать.

Они недолго помолчали, думая о своем.

– Фати, ты скучаешь по дому? – спросила Матильда.

– Да, – с грустью ответила Итфат. – А ты?

– Я тоже. Ты веришь, что мы сможем вернуться?

– Думаю да. Должен же быть какой-то выход.

– А меня знаешь, что беспокоит, – сказала Матильда, – если ты вернешься к себе, а я к себе, ведь мы тогда уже не будем вместе.

– Да, получается, мы можем быть либо дома, либо вместе, – сказала Итфат.

– Но я уже не представляю, как смогу с тобой расстаться.

– И я тоже.

– А ты не хотела бы к нам? У нас неплохо.

– Не знаю. А ты к нам?

– Тоже не знаю. Я только знаю, что не хочу быть без тебя.

– Тогда нам нужно для себя решить, что лучше: быть вместе, или быть дома, – рассудила Итфат.

– Вот не люблю я такие дилеммы! – воскликнула Матильда. – Вот почему всегда надо выбирать то или другое, а не все?

– Тили-Тили, нам пока даже нечего выбирать.

– Просто, я ненавижу положения, которые вынуждают!

– Как вынуждают?

– *Вынуждают и принуждают и заставляют! Это как принуждение есть молочный суп. Меня в детстве заставляли его есть. А я ненавижу молочный суп! Почему я должна его есть? Или вот когда люди любят, или нужны друг другу, или хотят быть вместе, почему они должны расставаться? Не может быть никаких причин, чтобы расставаться!*

А у нас знаешь, какие драмы разыгрываются на этой почве? Уж они так любят, так не могут друг без друга, так страдают, но вот, обстоятельства вынуждают, и они расстаются. И тогда такая трагедия! А я в подобных случаях всегда себя спрашиваю: ну какого черта, ну не хотите вы расставаться, ну так плюньте на все и не расставайтесь! Потому что все это – молочный суп! Потому что вы вовсе не обязаны давиться молочным супом!

– Тили-Тили! Успокойся. Ну что ты так разошлась? – Итфат провела рукой по ее включенной головке, поправила ей бантик, и в тот же момент все внутреннее пространство мегалита заполнилось объемным изображением наподобие голограммы.

В воздухе висели, сменяя друг друга, прозрачные картины: детская площадка, детки играют, воспитательница их зовет, они собираются в стайку, топают дружененько в садик, раздеваются в шкафчики, заходят в зал, рассаживаются у столиков, накрытых к обеду.

За одним столиком сидит девочка с розовым бантиком на макушке и возит ложкой в тарелке.

– Опять вареное молоко! Какая противная пенка! Я не хочу-у-у!

– Девочка Матильдочка молча кушает супчик и не капризничает, – говорит ей воспитательница.

– А я не капризничаю, я просто не хочу!

– Если девочка будет кушать молочный супчик, выраст-

тет большой и красивой. А если не будет...

– А я и так большая и красивая, вот!

– Ты должна все съесть, иначе не получишь сладкого.

– А я обойдусь и без сла-а-а-дкого-о-о!

– Смотри, все дети кушают, а ты что, особенная?

– Да, я особенная!

– Ну-ка ешь сейчас же, или пойдешь в угол!

Девочка перестала возить ложкой в тарелке, повернулась и посмотрела на свою воспитательницу. Было заметно, что она как-то вся преобразилась, будто проснулась. Детским голосом, но по-взрослому спокойным тоном, она сказала:

– Вы мной манипулируете. Вы не имеете права меня заставлять. А я не обязана есть, если не хочу.

Воспитательница так и обомлела. Простояв полминуты с раскрытым ртом, она, наконец, тоже будто очнулась:

– Маленькая девочка не может так разговаривать! Ты откуда такие слова знаешь? Тебя кто научил? Мне придется поговорить с твоей мамой! – в полном замешательстве, или скорее в панике, воспитательница кинулась прочь из столовой.

– А сейчас я позову заведующую! – крикнула она за дверью.

Картинка постепенно растаяла в воздухе. Итфат и Матильда на все это смотрели как замороженные. Дива пришла в себя первой:

– Фати, ведь это была я! Это мои воспоминания!

– Я так и поняла, – отозвалась жрица.

– Это потрясающе! словно кино, нет, словно видео из прошлого!

– Что такое кино и видео?

– Примерно то, что мы сейчас видели, живые картинки. Картинки того, что было или могло бы быть.

– Что было или могло бы быть? – переспросила Итфат.

– Ну да. Например, видео – это когда отсняли, ну, запечатлели на камеру то, что реально происходило. А кино – это когда изобразили, ну, сыграли то, что могло бы происходить, и отсняли. А потом это отснятое показывают и смотрят. А почему ты спрашиваешь?

– Так, припомнила, что-то знакомое, чему меня учили.

– Что именно, Фати? Давай выкладывай, здесь все важно!

– *Меня учили: что было, что есть, и что могло бы быть – это все одно и то же.*

– *В каком смысле?*

– *Это все вещи одного порядка.*

– *Фати, теперь уже ты как-то сложно изъясняешься. Я не понимаю.*

– *Если выразиться твоим языком, тогда то, что было, что есть, и что могло бы быть – это все кино. Потому что это все изначально отснято. Сначала отснято, а лишь потом происходит или может происходить. Понимаешь?*

– Как это сначала отснято? Кем? – изумилась Матильда.

– Не знаю. Не могу все припомнить. Знаю только, что вот эти вещи – что было, что есть, и что могло бы быть – все это существует одновременно.

– Как это одновременно? Что ты такое говоришь?

– Представь, существует модель, и существует реализация этой модели – реальность. То, что было или могло бы быть – модели прошлого или будущего. А то, что есть – это реальность. Модели и их воплощения могут существовать одновременно.

– Хела! Никогда не задумывалась над такими вопросами, – сказала Матильда. – Но все равно, непонятно.

– Помнишь, я тебе говорила о моем невидимом собеседнике, Преддверии Времени?

– И что?

– Так вот, Преддверие сказало, что этот мир – метареальность, прототип реальности. А эти серые люди – не люди, а манекены, модели людей.

– Модели-не-модели, а меня реально чуть не съели!

– Тили, я здесь тоже реально видела свой манекен, и обрела свое тело, только когда вошла в него!

– Все, у меня уже голова кругом идет! – воскликнула Матильда. – Лучшее ответ, что из всего этого следует? Как нам использовать эту модель-не-модель?

– Тили, прости, я опять вынуждена повторить, что ничего

толком не помню.

– Эх, Итфат, жрица-жрица, ты одна сплошная загадка, а я одно сплошное недоразумение! И что нам с нами, с такими, делать?

– Матильда, скажи мне, ты видишь реальность? – спросила Итфат.

– Что ты имеешь в виду?

– Та девочка, вернее ты, когда была еще девочкой, рассуждала так, будто видела суть вещей, суть происходящего. В моей стране видящие реальность считаются просветленными.

– И что это им дает?

– Видящие освобождаются от череды событий.

– Как это?

– Обстоятельства перестают над ними властвовать.

Как-то так.

– А обычные люди?

– Обычные не видят реальность. Они просто живут в ней.

– Как рыбки в аквариуме?

– Да, как рыбки. Просто живут, как живется, и все.

– Хелала! Я начинаю кое-что понимать! – обрадовалась

Матильда. – Точнее, пока не понимать, а чувствовать какое-то понимание.

– Да, «чувствовать понимание», это именно то, что со

мною сейчас происходит.

– Но чувствовать мало. Нам надо понять. Вот когда ты вспомнишь, тогда мы пойдем!

– Вот и помоги мне. Скажи. Здесь – что ты видела, как ты видела эту реальность?

– Ага, что-то такое было! Когда меня «вели на заклятие», я отчетливо осознала, что со мной такого не может происходить, что это не моя реальность!

– И что дальше?

– Я ощутила себя отдельной от этой реальности, как будто я в книгу или в кино попала.

– И потом?

– Потом я твердо для себя решила, что со мной все будет хорошо. Не знаю как, но будет хорошо, и все тут. Абсолютно твердо решила. И после этого я увидела, как от неба до земли промелькнула косая черная полоса, будто страница книги перевернулась. И там, на следующей странице, все действительно окончилось благополучно.

– Знаешь что, – сказала Итфат, – давай испытаем, сможет ли этот мегалит перемещать нас по страницам реальности. Если твои воспоминания вызвали картинку прошлого, тогда что будет, если ты задумаешь свое настоящее?

– Боюсь, еще одна картинка, – сказала Матильда, – но надо попробовать.

– Используй то ощущение, за спиной. И задумывай не просто картинку саму по себе, а нас внутри нее. Как будто

мы в твоём кино.

– Тогда давай обнимемся, чтобы не разлететься в разные стороны. Я не хочу тебя потерять.

Дива и жрица обнялись, постояли некоторое время молча, затем Матильда что-то пробормотала, и тут произошло нечто такое, чего они никак не могли предвидеть. Их фигуры сначала расплющило в горизонтальную плоскость, затем в вертикальную, потом вся эта двумерная проекция наклонилась и распалась на ряд плоскостей-фрагментов, которые повисли в воздухе. В каждом из фрагментов были запечатаны плоские силуэты обнявшейся пары. Все трансформации сопровождались металлическим жужжанием, после чего наступила мертвая тишина.

Первое повеление

– Фати! – раздался голос Матильды.

Это был не совсем ее голос, а словно его металлически-цифровая копия. Плоскости с проекциями обнявшей пары тут же завибрировали и отозвались такими же металлическими отзвуками эха, но не протяжными, как бывает в горах, а короткими резкими импульсами:

– Ти, – Ти, – Ти, – Ти.

– Матильда! – откликнулся голос Итфат, и тоже раскатился отрывками эха:

– Льда, – льда, – льда, – льда.

– Фати, мы зависли! – вновь закричала Матильда.

– Исли, – исли, – исли, – исли.

– Ах-ха-ха-ха! – ни с того ни с сего рассмеялась Итфат.

– Ахаха, – ахаха, – ахаха, – ахаха – подхватило эхо.

Картина повисших проекций, вместе с нереалистичными голосами, была настолько зловещей, что смех с ней едва ли вязался. Можно было подумать, жрица сошла с ума.

– Фати, ты меня пугаешь! – крикнула Матильда

– Аешь, – аешь, – аешь, – аешь.

– Отклей нас!

– Лейнас, – лейнас, – лейнас, – лейнас, – почему Итфат употребила такой термин, было тоже непонятно и странно.

– Я не могу пошевелиться!

– Иться, – иться, – иться, – иться.

– Весело!

– Есело, – есело, – есело, – есело, – продолжала в том же духе Итфат. – Вспомни про бантик!

– Нтик, – нтик, – нтик, – нтик.

На последних отзвуках эха, проекции вдруг схлопнулись вместе, и дива со жрицей свалились на пол, уже в своем первоизданном виде.

– Прямо жуть! Жуть прямо! – воскликнула Матильда, поднимаясь на ноги.

– Есело, – есело, – есело, – есело, – Итфат задергалась, как механическая кукла, а затем внезапно смолкла и застыла.

Матильда, потеряв дар речи, уставилась на нее. Но жрица вдруг отмерла, взглянула на испуганную диву, и рассмеялась.

– Фати, прекрати меня пугать! – закричала Матильда. – Нашла время шутить шутики! Мы едва живы остались!

– У-ля-ля! – Итфат встряхнула головой, поморгала, попрыгала, словно проверяя, все ли на месте.

– Ладно-ладно, Тили! – она потрогала уже готовую обидеться диву. – Главное, мы это снова мы, и мы вместе!

– Как ты можешь еще веселиться? – негодовала Матильда. – У нас ничего не получилось, и мы чуть не застряли где-то. А если бы мы застряли навсегда? Неужели тебе не было страшно?

– Наоборот, если становится очень страшно, пусть лучше будет очень весело.

– Фати, ты меня удивляешь. У тебя проявляются качества, о которых я не знаю.

– Я и сама о них не знаю, – сказала Итфат. – Я себя забыла, а теперь вспоминаю.

– Как это, ты себя забыла?

– Во мне что-то есть. Есть что-то, чего я не знаю, но чувствую.

– Чувствуешь то, чего не знаешь! Шикарное чувство. Мне бы так. Я вот о себе все знаю.

– Ты не права. Не знаешь. Никто не может все о себе знать.

– Хела! Фати, ты иногда выдаешь такие мысли, от которых в жар бросает.

– А что я такого сказала?

– Вот ты сказала, а мне теперь думай, чего я о себе не знаю.

– Я ведь тоже от себя такого не ожидала, что рассмеюсь, вместо того чтобы испугаться. Это вышло сначала спонтанно, а потом намеренно, – сказала Итфат.

– Как это, сначала спонтанно, а потом намеренно? – спросила Матильда.

– Это когда подчиняешься первому порыву, который идет откуда-то из глубины твоего Я, минуя мыслительный центр.

– Минутя, говоришь, мыслительный центр?

– Когда что-то идет из тебя, как безмолвное повеление, без слов и объяснений. И когда не успеваешь сообразить, что это и почему, а просто повинешься. И лишь потом понимаешь, что повеление было верным.

– Интересно. У меня тоже бывает нечто подобное, – сказала Матильда.

– Ты тоже следуешь первому повелению? – спросила Итфат.

– Да, иногда.

– Вот и я, сначала последовала, а потом поняла, что повеление подсказывает мне способ выйти из оцепенения. А заодно и тебе напомнить про бантик, чтобы ты нас вернула обратно так же, как мы там оказались, уж не знаю где это там.

– Выходит, ты спектакль здесь разыграла? – удивилась Матильда.

– Ага-ага, – сказала Итфат. – Что такое спектакль?

– Кино, которое играют, но не снимают.

– Почему-почему не снимают?

– Чтобы было как в жизни, по-настоящему.

– А кино разве не настоящее?

– Ну, кино это как бы копия спектакля.

– А спектакль, это копия жизни?

– Да, в некотором роде. Фати, ты опять что-то пытаешься вспомнить?

– Странно, получается цепочка: жизнь, спектакль, кино, – сказала Итфат. – А я припоминаю, меня учили, что все наоборот: сначала создается замысел, потом по замыслу крутится действие, а потом уже действие воплощается в жизнь. Все наоборот!

– Какой замысел, кем создается? – спросила Матильда.

– Помнишь, о чем мы говорили: что было, что есть, и что могло бы быть – это все кино. Сначала отснято, потом происходит.

– А! Модели-не-модели.

– Кино – это модель, а жизнь, то есть реальность – воплощение модели. Мы сейчас находимся в кино.

– В модели реальности?

– Да, или в метареальности, по словам Преддверия.

– И нам надо выбраться в реальность, в жизнь.

– Верно.

– Но как?

– Пока не знаю, – сказала Итфат. – Интуитивно чувствую, что требуется каким-то образом пройти обратную цепочку: кино, спектакль, жизнь.

– Звучит слишком абстрактно, – сказала Матильда. – Нам бы что-нибудь конкретное предпринять.

– Но видишь, Тили, идея перемещения по страницам реальности не сработала.

– Да, почему-то одним лишь усилием воли не получается, даже в мегалите. Надо что-то другое. Что-то другое надо.

– А о чем тебе говорит твое первое повеление?

– Есть один вариант, который мы еще не испробовали.

Они переглянулись.

– Я угадала? – спросила Итфат.

Зеркало

- Осталась еще другая сторона, – сказала Матильда.
- Где все колышется? – спросила Итфат.
- Да, надо попробовать. Попробовать надо.
- Хоть и страшно?
- Здесь все что ни случается, все страшно!

И тут, будто в подтверждение сказанного, в мегалите запустились какие-то движения и звуки.

- Опять что-то начинается! – воскликнула Матильда.
- Тили, не забывай, поосторожнее с мыслями, – сказала Итфат.

– Куда же мне девать свои мысли? Я же не могу ни о чем не думать и ничего не говорить!

– Есть просто мысли, а есть установки. Мысленные установки оказывают влияние на реальность.

– Какие такие установки?

– Это когда выносишь вердикт, что реальность такая и такая.

– Вердикт? А что я особенного сказала-а-а-а?! – не успела Матильда договорить, как пол пришел в круговое движение.

Вернее, было не совсем понятно, что вращается: пол относительно стен, или стены относительно пола. Дива и жри-

да инстинктивно ринулись к выходу, но дверной проем оказался загорожен черной стеной. Движение сопровождалось зловещим тиканьем, как будто внутри мегалита работал часовой механизм: чики-чики-чики-така, чики-чики-чики-така.

Наряду с обратным вращением пола и стен, с каждым ударом главного такта перемещались еще и колонны, двигаясь рывками, подобно стрелкам кварцевых часов. Цилиндр в центре зала оставался недвижим, но ухватиться за него было невозможно, так что дива со жрицей держались друг за дружку, не зная, куда себя деть. Внезапно все прекратилось и замерло.

Первой пришла в себя Итфат.

– Я насчитала двенадцать ударов, – сказала она.

– У тебя еще хватило хладнокровия считать! – воскликнула Матильда. – Я чуть не описалась!

– Ах-ха-ха, Тили! – рассмеялась жрица. – Это бы вряд ли сейчас помогло!

– Тебе все смешно! Как ты так можешь?

– Ладно-ладно, давай посмотрим, не открылась ли дверь.

Они направились к выходу. Дверной проем и в самом деле был свободен. Подруги выбрались наружу, и тут же обе вскрикнули от неожиданности. В окружающей среде что-то изменилось. Все было по-прежнему и на месте, но соотношение длительности движения и времени стало иным. Дива и жрица двигались как в замедленной съемке, и только их

голоса звучали в нормальном темпе.

– Фати, что происходит?! – закричала Матильда.

– Не знаю, мы словно под водой находимся, – отозвалась Итфат.

– Боже, когда все это закончится!

– Тили-Тили! Не унывай. Как ты говоришь, надо валить отсюда? Валить отсюда надо!

– Надо-надо! Уже скорей-скорей! Я тоже как ты говорить стала.

– Тогда побежали-побежали!

И они побежали, если это можно так назвать, поскольку двигались как акванавты. Небо было все так же разделено на две полусферы. Одна половина была разлинована светящимися меридианами, а на другой наблюдалось колышущееся марево, куда и направились дива со жрицей. Какие еще опасности могли их там подстергать, они не ведали, но в любом случае требовалось что-то предпринять.

Выбираться из города пришлось долго. Когда, наконец, им это удалось, перед ними открылась удивительная картина. Там, где прежде была пустыня, теперь плескалось настоящее море, с волнами, шумом прибоя, и даже с травой и пальмами на берегу. Однако растительность начиналась как-то странно вдруг, с резкой границы.

– Хелала! Фати! Как здорово! Море! – закричала Матильда.

– Погоди радоваться, может это мираж, – высказала пред-

положение Итфат. – Видишь, как все колеблется.

Картина и впрямь будто плыла в потоках горячего воздуха. Но Матильда была вся в нетерпении.

– Я хочу туда! Скорее уже! Уже скорее-е-е!

Они старались с удвоенной энергией, но шевелились все так же медленно, едва приближаясь к цели. А передвигать ноги становилось все труднее, словно какая-то сила держала и не пускала вперед.

В конечном итоге они встали, будучи не в состоянии ни сдвинуться с места, ни даже пошевелиться. Зависла пауза. Через несколько мгновений откуда-то принесли нарастающий звук спущенной тетивы, и в тот же момент обеих старательниц, как натянутой резинкой, отбросило назад. В полной растерянности они уселись на песок. Зазывающее море с пальмами как было, так и осталось вне досягаемости.

– Это форменное издевательство! – возмутилась Матильда.

– Да, реальность иногда бывает склонна к садизму, – сказала Итфат.

– Что будем делать?

– Надо найти способ туда добраться.

– А что нас может не пускать? И почему?

– *Насколько я помню, – сказала Итфат, – мой Наставник учил меня, что если творится что-то неладное, надо увидеть реальность и себя в ней. Вот ты, Тили, что и как*

видишь?

– Я вижу море и хочу туда! А что тут еще можно видеть?

– Вот именно! Тебе этого слишком хочется.

– Слишком очень хочется? Очень слишком? А тебе разве не хочется?

– Да, но излишнее хотение напрягает реальность, и она начинает сопротивляться.

– Ух ты, это я еще в школе проходила: действие рождает противодействие. И что же ты предлагаешь, перестать хотеть? Но как я это могу?

– Часто бывает достаточно всего лишь опомниться и отдать себе отчет, каким образом ты напрягаешь реальность. Надо увидеть не только реальность, но и себя в ней. А ты себя не видишь.

– Да как я ее напрягаю? Я в жизни много чего хотела, но никогда такого не было, чтобы меня прям на поводке держали.

– Не забывай, мы в метареальности, а здесь, похоже, все гипертрофировано.

– Ладно, вот я буду себе твердить: я не хочу, я не хочу. Но разве я от этого перестану хотеть?

– Если отказаться от желания нельзя, тогда можно притвориться, обмануть реальность.

– Притвориться? Это я могу, – Матильда на минуту задумалась. – А давай сделаем вот что: пойдём задом наперед.

– Ах-ха-ха! Тили-Тили! Это настолько глупо, что может сработать. Ты умничка!

– Да, это глупо, но попробовать стоит.

Они поднялись на ноги и, хихикая, зашагали к морю спиной вперед. И тут случилось невероятное. Сопротивление среды прекратилось, и они уже двигались с обычной скоростью.

– Фати! – воскликнула Матильда. – Сработало! Мы идем!

– Да! Уже быстро-быстро!

– Но как это вышло? Разве можно обмануть реальность? Ведь я не перестала хотеть!

– Желание не только тормозит реальность, оно еще влечет за собой неправильные поступки. А если ты притворяешься и начинаешь действовать так, будто желания нет, реальность тебя отпускает.

– Хелала, хелала, вот теперь я поняла!

– Тише ты, Тили! Не спугни реальность.

– Это еще кто кого здесь пугает!

– Идем-идем, не оглядываемся.

Так дива и жрица шли задом наперед, пока не уткнулись спиной в какую-то преграду. Удивленные, они повернулись и принялись ощупывать невидимую стену. С этой стороны лежала песчаная пустыня, а с той резко начиналась растительность, и до моря было уже рукой подать, но пройти невозможно. И тут они заметили, что отражаются в стене как в зеркале. Только силуэты отражений с той стороны казались

едва различимыми, будто призрачными. Морской пейзаж тоже виделся неясно в колышущейся дымке. Но шум прибоя слышался довольно отчетливо и совсем рядом.

– Фати, ну что за наказание! Нас опять не пускают!

– Я поняла, – сказала Итфат. – Это зеркало мира: с той стороны действительность, а с этой ее прототип – метареальность.

– Выходит, мы оказались по ту сторону действительности?

– Да, уже давно могли бы догадаться.

– Но что это вообще за зеркало такое?

– Я вспомнила, оно разграничивает два аспекта реальности: действительный и мнимый.

– Что значит мнимый?

– Помнишь, мы это обсуждали: здесь кино, там жизнь. Здесь то, что было или могло бы быть, а там то, что есть. Здесь образ, там отражение. Сначала отснято, потом реализуется. Сейчас мы в кино. Со стороны образов. Зеркало, только наоборот, понимаешь?

– Значит, мы тоже мнимые?

– Нет, это мы с той стороны стали мнимыми. Видишь, как мы там отражаемся? Просто, наши образы и отражения поменялись местами. Мы из материальной действительности перескочили в пространство образов.

– Но ведь здесь тоже все материальное! – возразила Ма-

тильда. – И меня гламроки собирались съесть как вполне материальную деву. Хотя, они меня почему-то синтетической обзывали...

– А разве ты во сне не ощущаешь все как материальное?

– Ну так то во сне! Там все лишь кажется.

– Нет, не кажется. Посуди сама, может ли твой разум выдумать все те причуды, которые случаются в сновидении? А все те миры, где ты летаешь, когда видишь сон, думаешь, они лишь в твоей голове?

– Ну, нет, наверное. Не знаю. Не задумывалась.

– Так вот, здесь ты и летаешь. Точнее, твое внимание летает здесь, в метареальности. Пространство образов и пространство сновидений – это одно и то же.

– Но мы же не спим сейчас? – спросила Матильда. – Или спим?

– К сожалению, это не сон, – ответила Итфат. – Здесь не только наше внимание, но и наши тела. Ты, кстати, сразу оказалась в своем теле?

– Да уж, я это почувствовала, меня так связали, что все конечности затекли.

– А я не сразу. Помнишь, я тебе рассказывала, сначала проходила сквозь стены, и лишь потом нашла свой манекен.

– Вот бы нам сейчас протиснуться сквозь эту стену! А так, ни туда пройти, ни из себя выйти.

– Да, нам надо как-то осуществить, либо то, либо другое.

– Ух, Фати, я просто в шоке от всего этого. Что нам теперь

делать?

Крышка мира

Пока у Итфат и Матильды случилась заминка с зеркалом, в это же время, но в другом месте, крутилось другое кино.

* * *

Адя Зеленый проснулся от лая соседской собачки. «Странно, – подумал он. – Вроде, соседский дом сжег еще на прошлой неделе, собачку скормил рыбам... Может, показалось? А может это сон? Надо пойти проветрить свой гениальный ум».

Адя долго искал тапки, называл их изворотливыми ублюдками, грозился выбросить сразу как найдет. Тапки боялись и не показывались. Пришлось идти босиком, поскольку другой обуви у Ади не имелось.

Тропинка, по своему обыкновению, вела через лес к морю. Деревья опасливо уклоняли ветки с дороги, поскольку знали, что с Адей лучше не связываться. Настроение у него, как всегда, было зломрачным.

Свернув с тропинки, Адя вышел на опушку леса, где находился Пень Познания. Адя нередко навевывался сюда, дабы почерпнуть мудрости жизни. Другого места, где почерпывать мудрость, он не знал. Но и этого вполне хватало.

Короче, Пень Познания стоял посреди поляны. В Пне бы-

ло дупло. В дупле сидела Белка. Адя сунул свой нос в дупло. Белка отвесила Аде щелчок – хороший, с оттяжкой. Получив щелчок по носу, Адя констатировал: «Итак, жизнь – премерзкая штука. Всякий раз убеждаюсь».

Он вернулся на тропинку и двинулся к берегу моря, приговаривая: «Ладно же, покажу я вам всем. Попляшете вы у меня. Попоете». Что он этим хотел сказать, неизвестно. Однако намерение у него было отнюдь не благостным.

На берегу, как очевидно, был берег, море и чайки. Чайки, завидев Адю, неодобрительно закричали. Адя, по привычке, поднял было камень, но потом передумал, пробормотав: «Не-е-е-т, нельзя поддаваться на профанации... или как их там, про... про... Ай, ладно. Координация профанаций – вот принцип, которому надо следовать».

Довольный всей глубиной мысли, которая пришла ему в голову, он решил прогуляться вдоль берега. Море пыталось достать Адю и таким образом разозлить его. Но он не поддавался: «Координация профанаций, хе-хе... Вашу мать!» – Адя споткнулся о большую корягу.

«А вот и профанатор подходящий», – сказал Адя, подняв дубину, и зашагал дальше.

Тем временем, ему навстречу выбежала чем-то встревоженная Желтая Подлодка.

– Ой, Адя Зеленый! – от неожиданности воскликнула она.

– Я-то зеленый, категориально. А ты чего такая вся желтая и неконкретная? – ответил он, ничуть не смутившись.

- А ты разве не знаешь?! Наш мир накрыли крышкой!
- Какой крышкой, кто накрыл, зачем? Ты свихнулась?
- Да посмотри же вверх, дубина!

Адя задрал голову, и вправду – там, где положено быть бездонному небу, нависала какая-то тяжелая темная поверхность.

– Оранжевая Корова первой заметила, – лопотала Подлодка. – Она сказала, летать стало невозможно! Я так взволнована, так взволнована, я вся чешуся! Что с нами будет?! Что все это значит?!

– Это значит, ваш Оранжевый Праздник закончился, и сейчас наступает диппёрпалный кирдец, хе-хе.

– Но как же теперь быть?! Что нам делать?

Адя почесал дубиной затылок, и говорит:

– Я знаю, это все мамотники, это они во всем виноваты, обнаглели, гады.

Подлодка еще больше встревожилась, забегала, засуетилась:

– Ой, кто такие? Они злые? Они ужасные? Они нас съедят?

– Да, либо они нас, либо мы их. Я как раз собирался на охоту. Мамотников надо сначала проваливать, а затем гасить, и ты мне в этом поможешь.

– Ой нет, я не могу, я боюсь!

– А хочешь, чтобы крышка тебя совсем придавила?

– Нет, нет, не хочешь!

– Тогда пошли. И перестань прыгать и скакать вокруг меня.

– Ладно, мы идем спасать мир!

Они свернули с береговой полосы и углубились в лесную чащу. Подлодка все приставала с расспросами:

– А какой он, мамотник? Он дикий? Он страшный?

– Да, он хитер и коварен.

– Мы поймаем его?

– Да.

– Охота на мамотника трудна и опасна!

– Да.

– Но мы спасем мир! А куда мы идем?

– Можешь помолчать хоть минуту?

Так шли они, шли, и наконец пришли. Под раскидистым деревом была кем-то вырыта глубокая яма.

– Что это? – спросила Подлодка.

– Ловушка. Мамотник будет бежать, провалится, и мы его схватим.

– Ух ты, как здорово!

– Надо прикрыть ее ветками и листьями.

Они быстро замаскировали яму, уселись в засаде и принялись ждать. Ждали они ждали, но никто так и не собирался бежать мимо и проваливаться в яму.

– И сколько же нам так сидеть? – спросила Подлодка.

– Да, нужно как-то приманить мамотника, – ответил Адя.

– А что его может привлечь?

– Побольше шума, побольше эмоций.

– Что же ты сразу не сказал, дубина. Давай заберемся на дерево и поднимем шум.

– Ладно, давай.

Вскарabкались они на дерево, и ну горланить песню на весь лес:

Над границей тучи ходят хмурo,
Край суровый тишиной объят.
У высоких берегов Амура
Часовые Родины стоят.⁵

Пели они пели, потом другую песню запели:

I want your love and
I want your revenge.
You and me could write a bad romance.
O-o-o-o-o!
I want your love and
All your lovers' revenge.
You and me could write a bad romance.⁶

И потом еще разные прочие песни пели, но никто так и не появился.

– А тебе не кажется ли, что кто-то из нас идиот? Или, по-

⁵ Слова Бориса Ласкина.

⁶ Lady Gaga.

хоже, мы оба? – сказала Подлодка.

– Эмоций маловато. Ну ничего, сейчас мы это исправим.

Тут Адя схватил якорь Подлодки, зацепил его за ветвь, а ее саму спихнул вниз. Подлодка повисла над ямой.

– Что ты делаешь! Злобный, коварный Адя! Сейчас же отцепи меня!

– Вот, так, теперь дело пойдет, – с удовлетворением отметил Адя, спустился с дерева и затаился в кустах.

– Спасите! Помогите! – кричала, болтаясь на якорной цепи, Подлодка. – Адя, я убью тебя, сволочь!

Вдруг, над ямой промелькнула чья-то тень, раздался треск веток, и... кто-то оказался в ловушке.

Королева Брунхильда

Королева Брунхильда собирала морковку на своем огороде, складывая ее в подол платья, и распевала:

Я королева, а-ля-ля,
Я королева, а-ля-ля!
А вы, мои морковки,
Вы мои подданные!
Идите уже ко мне,
Мои морковки, а-ля-ля!

Лохматая Зверюга, тем временем, сидел, спрятавшись в ботве, и наблюдал за королевой. У Лохматой Зверюги было такое имя, потому что он и был лохматою зверюгою, а еще потому, что когда он воровал морковку с огорода, королева пускалась за ним в погоню и кричала ему вслед: «Ах ты зверюга лохматая!»

Вообще-то, Зверюге морковка была не нужна, просто он влюбился в королеву и старался всякими способами привлечь ее внимание. А это было непросто. К тому же, Брунхильда была воинственной особой. Ходили легенды, что завоевать ее сердце сможет лишь тот, кто одержит над ней верх в поединке. Но мало кто на это отваживался, поскольку мечом она владела в совершенстве.

Вот и Зверюга тоже очень боялся Брунхильду и не знал,

как подступиться к ней. Пробовал он дразнить ее, обзывать, исподтишка дергать за юбку, угрожать даже – все тщетно. Брунхильда ему твердила одно:

– Ты, Лохматая Зверюга, должен сразиться со мной.

– А если я тебя победю, – спрашивал Зверюга, – ты меня полюбишь?

– Нет, – отвечала королева.

– Вот видишь! Тогда зачем?

Зверюга почему-то надеялся, что когда-нибудь он разозлит королеву так, что она за ним погонится, поймает его, поколотит, и влюбится вдруг. Не зря же говорят, «бьет, значит любит».

Так вот, выждал Зверюга удобный момент, когда королева нагнулась к земле, и кинул в нее морковкой, угодив прямо в любезное мягкое место.

– Ах ты зверюга лохматая! – королева в ярости вытряхнула из подола своих подданных и погналась за лишенцем. А тот уже вовсю улепетывал в сторону леса и верещал:

– Брунхильда, я утащу тебя в свою пещеру!

Но погоня длилась недолго. Лохматой Зверюге не повезло, он с треском провалился в какую-то яму. Очевидно, это была та самая ловушка, которую подстроили Адя Зеленый и Желтая Подлодка.

Ну, тут началось. Адя подскочил к яме с дубиной:

– А, попался, зловредный мамонтник! Сейчас я буду тебя гасить!

Подлодка, болтаясь на дереве, пищала:

– Поймали, поймали! Колоссально! Адя, зараза зеленая, сними меня сейчас же! Как ты будешь без меня спасать мир?!

С лесной округи на шум собрались звери и птицы. Все с любопытством заглядывали в яму. Там сидело лохматое существо с грустными глазами, которое, казалось, потеряло дар речи от неожиданности и удивления.

Адя жестом призвал всех уюмониться:

– Дамы и господа, прошу внимания! Итак, наступает торжественный момент. Наш мир накрыли крышкой, но это еще не конец. Мы не унываем и не сдаемся. Друзья и соратники! Сейчас нам как никогда требуется тесно сплотить наши ряды в борьбе за неотъемлемое право быть свободными и осознанными индивидами в системе, которая, так сказать, довлеет над нами своею крышкой, лишает нас самого ценного – свободы выбора, суть которой состоит в том, что каждый осознанный индивид вправе решать, быть ли ему под крышкой, или над ней, вариться ли ему в супе общечеловеческих заблуждений и изменных страстей, или же воспарить над серой массой невежества и мрака, подобно чайке, которая свободно реет над свалкой, обозревая с высоты своего полета всю суть мироздания, осознавая всю иллюзорность и бренность, так сказать, всего сущего, обретая ясное понимание того, что наверху есть верх, а внизу есть низ, и достигая тем самым состояния высшего просветления и прозрения в том,

что иначе, или, другими словами, наоборот, быть просто не может, потому что внизу не бывает верха, а вверху низа, ибо таков неизменный порядок вещей, и...

Тут с неба, или точнее оттуда, где оно должно было быть, на землю шлепнулась Оранжевая Корова.

– Ух, летать совсем невозможно стало. Короче, Адя...

– Вот я и говорю, – продолжил он, – вопрос состоит в том, что... Да перестаньте меня перебивать! Совсем запутали! Слезай уже, наконец! Раскачиваешься тут, ход мыслей нарушаешь! – Адя забрался на дерево и отцепил Подлодку.

– Никогда не прощу тебе этого! – сказала она. – Ты меня использовал!

– Ладно уже. А как бы мы еще поймали мамотника?

– А кто это у нас такой хорошенький, пушистенький? – поинтересовалась Корова.

– Я тебе не хорошенький и не пушистенький! – отозвался, наконец, пленник из ямы. – Я Лохматая Зверюга! Меня все боятся!

– Да-а-а? – ласково ответила Корова. – А можно мне тебя лизнуть? Давай, выбирайся оттуда, я тебе помогу.

– Никто ниоткуда не будет выбираться, и никто никому не будет помогать, – возразил Адя. – В настоящее время имеет место быть исторический момент, а ты, Корова, нарушаешь весь его торжественный, так сказать, пафос, и совершаешь проникновение в дела, стоящие вне рамок твоей потенции.

– Компетенции, ты хотел сказать?

– Что я хотел сказать, то мне достопочтенно известно, не перебивай. Итак, имею честь позволить себе продолжить. В глубине так называемой ямы мы наблюдаем возможность лицезреть воплощение всего мирового зла. Это и есть тот самый пресловутый, одиозный и зловещий мамотник, об изощренной жестокости и коварстве которого я вас неоднократно информировал. Вопрос состоит в следующем...

Тут Аде в очередной раз пришлось прервать свою проникновенную речь, потому что окружающие вдруг зашептались, переглядываясь:

– Королева! Королева здесь!

На поляну выбежала Брунхильда и, с изумлением оглядевшись по сторонам, остановила свой взгляд на Зверюге.

– Попался?

– Это мы его поймали! – залопотала Подлодка. – Я притворилась, что нечаянно повисла на дереве, стала звать на помощь, кричать, а он бежит, такой лохматый, а я сделала вид, что испугалась, а он на меня как набросится, а я над ямой, а он туда... и бух! Колоссально!

– Тут дело важности чрезвычайной, Ваше величество, – вступил в разговор Адя. – Наш мир опасности подвержен. Угроза тучами сгустилась, над нашими главами, и увы. Несут ее изгои человечности, их имя – мамотники, и вот, один из вражьей стаи, пред Вашим взором и у Ваших ног, повержен. Дозвольте ж допросить его со всем пристрастием надменным, дабы поведал он, как и зачем, посмели крышкой наш

мир накрыть.

– Адя, я конечно ценю твое красноречие, – сказала Брунхильда, – только хватит уже языком трепать, доставайте Зверюгу из ямы.

– Как, я что-то не клеиваюсь, какая-токая зверюга? Мамотник – моя добыча, и я не позволю...

– А куда красноречие делось? Это никакой не мамотник, это Лохматая Зверюга, он мой. Корова, помоги ему выбраться.

Зверюгу, наконец, подняли на поверхность. Он весь сиял.

– Моя королева! Ты впервые назвала меня «мой Зверюга»! Я так счастлив!

– Если ты еще скажешь хоть слово, я своими же руками закопаю тебя в этой яме!

– Но позвольте! – возмутился Адя. – Это просто какой-то деспотизм! Вы что, подвергаете сомнению мою теорию? Это неслыханно! Да вы просто пребываете во тьме невежества! Моя теория незыблема!

– Ладно, Адя, успокойся, явно ведь видно, здесь что-то не так, – заметила Подлодка.

– Нет, я этого так не оставлю! Выражаю решительный протест!

– Лучше давайте подумаем, что нам теперь делать, – предложила Корова.

– Да, да, давайте! – заговорили звери, птицы и все, кто был на поляне.

– Что это за крышка такая?

– Как она там оказалась?

– Чем она нам грозит?

– Как нам от нее избавиться?

– Слушайте все! – взяла слово Брунхильда. – Для того чтобы узнать, что это за крышка, нужно отправиться к ее краю и посмотреть, что там.

– Да, да! Правильно! Наша мудрая королева! – подхватили все остальные. – Надо снарядить экспедицию!

– Не могу не согласиться с тем, что это конструктивное предложение, – сказал Адя. – Но вопрос состоит в следующем...

– Да отстань ты со своими вопросами!

– Дайте сказать. Вопрос в том, кто поведет экспедицию.

Ни для кого не секрет, что в трудные времена всегда находились герои, чьи отважные сердца, подобно факелу Данко, освещали путь всем остальным, ведя их во мраке от темного вчера к светлому завтра, и которые...

– Хватит, хватит, Адя, короче!

– Короче, я готов пожертвовать собой, взяв эту скромную миссию, так сказать, на свои плечи...

– Нет, нет, не хотим! – загомонили все вокруг. – Ты и так нас чуть не ввел в заблуждение!

– Вы совершаете большую ошибку, подвергая сомнению верификабельность моей кандидатуры. Еще пожалеете. Вот изберу себя президентом, первым же указом отменю колба-

су, тогда узнаете...

– Нет, нет, не надо!

– Чего не надо? Колбасы не надо?

– Нет, тебя, президентом не надо!

Всеобщий спор прекратила Брунхильда:

– Слушайте, никто никого не поведет, мы просто пойдем все вместе – я, Зверюга, Корова, Подлодка и Адя.

Никто не стал возражать. Даже Адя лишь проворчал: «Ладно уж, со мной не пропадете». На том они порешили и, недолго собираясь, отправились в путь.

Театральное действие

Дива и жрица в растерянности стояли возле зеркала, трогали невидимую поверхность, пробовали пройтись вдоль нее в ту и другую сторону, однако везде было одно и то же, непроходимая стена простиралась до необозримых пределов.

– Матильда, что тебе известно о зеркалах? – спросила Итфат.

– То, что известно всем: зеркало отражает все, что перед ним, – ответила Матильда.

– А еще?

– В отражении левое становится правым, а правое левым.

– А еще?

– Лаха! Еще то, что сквозь зеркало невозможно пройти!

И мы здесь застряли!

– Но мы же как-то попали сюда. А что такое лаха?

– То же что и хела, только наоборот, когда все плохо и хочется выругаться.

После этих слов небо затянуло тучами, и на море начался шторм.

– Тили, ты видишь, зеркало реагирует! – воскликнула Итфат.

– Да, но какой нам от этого прок? – отозвалась Матильда.

– А вот такой вот такой! Мы находимся со стороны об-

разов, а там отражения. Похоже, зеркало может воспроизводить наши мысли!

– У меня только одна мысль, как бы нам оказаться с той стороны.

– Вот и представь, что мы там. Давай обнимемся, а ты включай свой бантик, или точнее то ощущение, что у тебя за спиной.

– Ладно, давай. Ух, только бы хуже не стало, чем сейчас.

– Тили-Тили! Не допускай негативных мыслей, сосредоточься на том, что мы там, на той стороне.

Дива и жрица обнялись, чтоб не разделиться в случае чего, и замерли, глядя на зеркало. И тут потусторонний пейзаж начал меняться. Трава и пальмы растворились в воздухе, а морские волны постепенно превратились в песчаные. Они так и накатывали песком на песчаный же берег, пока не разгладились и не утихли. С той стороны, как и с этой, уже лежала бескрайняя пустыня, а вдали проявился все тот же город гламроков. Теперь подружки видели в зеркале свои четкие отражения. Картины по обе стороны полностью совпали.

– Ну вот, что и требовалось доказать, – сказала Матильда. – Мы всего лишь отразились, но никуда не делись.

– Да, мы там, но мы здесь, – сказала Итфат. – Зеркало не проведешь.

– Что заказали, то и получили. Ну нет, я на этом не успокоюсь! Возьмемся за руки и двинемся вперед, представляя, что проходим сквозь зеркало.

– Ладно, попробуем.

Так они и сделали, но, как и следовало ожидать, всего лишь стукнулись лбами в стену.

– Нет, не получается, – сказала Итфат.

– Еще одна попытка, – не унималась Матильда. – Пойдем задом наперед, один раз ведь уже сработало.

Но нет, и это не помогло. Подруги уселись и принялись бесцельно пересыпать песок руками и кидать его в зеркало. Песок отскакивал и отражался как обычно в обычном зеркале.

– Ну, Итфат, жрица-жрица, какие будут идеи? – спросила Матильда.

– С этим зеркалом все не так просто, – ответила жрица. – Это же зеркало мира, с ним надо как-то по-другому. Давай вспомним, как мы здесь оказались.

– Я играла в спектакле, который одновременно снимался, и там еще были зеркала кругом...

– Вот! Помнишь цепочку: жизнь, спектакль, кино. По этой цепочке ты попала в кино.

– А ты? Что ты помнишь?

– Очень смутно, почти ничего. Но судя по тому, что на мне ритуальная раскраска, мы как раз исполняли ритуал, а это почти то же самое, что у вас спектакль.

– Так, значит, и ты была в спектакле. Но ведь вы не занимались киносъемкой? А зеркала у вас были?

– Нет, не снимали, и зеркал не было.

– Тогда почему же ты здесь?

– Мы свои ритуалы посвящаем богам, они на нас смотрят.

– И где же они сидят? В зрительном зале?

– Тили, их нет в нашем мире, они пребывают в метареальности, и смотрят как раз с этой стороны зеркала, где мы сейчас.

– Тогда все сходится: и спектакль был, и зеркало, и эти ваши боги смотрели на вас, как в кино.

– Да, а сейчас нам надо пройти обратную цепочку: из кино попасть в спектакль, а затем в жизнь.

– Но как ты себе это представляешь? Нам что здесь, драму разыграть?

– Нет, интуиция мне подсказывает, что от нас требуется каким-то образом ожить в самой кинокартине.

– Это как если бы герои фильма ожили и сошли с экрана в зрительный зал?

– Что-то вроде того.

– Но ведь мы и так живые!

– Видимо, не совсем так. Что-то надо еще предпринять.

Они снова погрузились в раздумья. А потусторонний пейзаж тем временем начал трансформироваться к прежнему виду. Трава, пальмы и море, как ни в чем не бывало, опять зазывали к себе.

– О боже, да у этого зеркала прямо экранная заставка та-

кая, издевательская, – сказала Матильда. – Ни дать ни взять, турагентство – приходите к нам, прибегайте к нам, приползайте к нам, мы вас в рай отправим!

– Тили, мне пришла идея, – сказала Итфат. – Я не знаю, кто там у вас обещает в рай отправить, но давай попробуем глянуть, что происходит сейчас в нашей реальности. Может, зеркало покажет?

– Фатичка, давай! Нам терять нечего.

– Начнем с тебя.

– Ладно.

– Как обычно, фиксируешь внимание на картине, которую хочешь увидеть, и не забываешь про бантик.

– Я посмотреть хочу, что там делается в нашем театре.

Матильда сосредоточилась, что-то пробормотала, и в тот же миг в зеркале, как на экране, вспыхнула яркая картина. На сцене, залитой светом софитов, вальяжно и медленно двигались пары, одетые по моде эпохи Возрождения. Женщины в роскошных белых платьях с широкими юбками. Мужчины тоже в белых шелковых камзолах и трико в обтяжку. На головах парики, у женщин высокие и светлые, у мужчин темные, завитые в кудри. Лица всех были скрыты масками с золотой росписью.

Звучала клавесинная музыка. По всей видимости, танцевали менуэт. Пары то сходились, то расходились. Мужчины отвешивали грациозные поклоны, женщины приседали в изящных реверансах, с распущенными веерами в руках.

Движения танца были просты и сдержанны, с одним лишь нюансом: почему-то никто не поворачивался к залу спиной.

Судя по всему, спектакль не только играли, но и снимали, поскольку повсюду располагались видеокамеры. Подле сцены стоял режиссер и дирижировал всем действием, отдавая какие-то команды актерам, операторам, осветителям. Картина была настолько реалистична и близка, что Матильда инстинктивно принялась стучать в зеркало и кричать:

– Викто-ор! Я вот она, я здесь!

Призрачное отражение дивы металось с той стороны, повторяя ее движения. Но, похоже, никто ничего не видел и не слышал. Матильда, сообразив, что по ту сторону присутствует лишь своим мимолетным отражением, начала двигаться так, чтобы приблизиться к Виктору. Она попыталась посредством своего двойника схватить его и потрясти, но ничего не вышло – там она была лишь никем не замечаемым и неосознаваемым призраком.

– Тили, – Итфат положила руку ей на плечо, – ну не расстраивайся ты, ведь следовало ожидать, что так оно и будет.

– Нет, я не могу, я сейчас с ума сойду! Ты себе не представляешь, что со мной творится! – Матильда прижалась к Итфат, готовая расплакаться. Та гладила ее по включенной головке и успокаивала, как могла.

Сцена была декорирована как бальный зал, с богатыми стульями по стенам. По бокам ее были оборудованы открытые всеобщему обозрению туалеты, слева женский, справа

мужской, без кабинок, но с нескромными зеркалами, вероятно предназначенными для столь же нескромного обзора.

Между тем, на сцене появилась центральная фигура – дива, отличавшаяся от остальной публики великолепным платьем из темно-зеленого бархата, с большим розовым бантом на пояснице, и голубыми волосами. Лицо было без маски, но покрыто густым синим гримом, с нарочито вульгарным макияжем глаз. Дива гордо вышагивала, делая широкие движения руками, будто разгребая толпу, которая почтительно расступалась в две шеренги с поклонами и реверансами.

Матильда, завидев сие явление, не смогла сдержать слез.

– Да, недолго горевали! – сказала она с нескрываемой обидой в голосе. Слезы уже всюду катились по ее щекам. – И замену быстро нашли! А где такой же бант как у меня выискали?

– Тили, Тили, ну перестань, – успокаивала ее Итфат. – Ты же знаешь, другой такой как ты в целом мире не сыщешь! Это же убогая пародия на тебя!

– Фати, не трудись, я все прекрасно вижу. Ты же и сама видишь, как у них все шикарно! Что там я, со своим плевым комбинезончиком и жалким твистом!

– Тили, Тили, ты не должна так о себе говорить. Я знаю, чего ты стоишь, – Итфат прижала ее к груди. – Ты самая красивая и самая незаменимая! Тебя невозможно заменить. Это тебе говорю я, жрица Итфат! Я много чего и кого повидала, поверь мне.

Матильда уже перестала всхлипывать, но уткнулась в грудь жрицы и не хотела больше смотреть. Итфат обняла ее и принялась легонько покачивать туда-сюда.

– Тили, ну все, успокойся, мы что-нибудь придумаем. Мы обязательно вернемся, я тебе обещаю.

Матильда притихла и не говорила ни слова.

– Смотри, там уже что-то новое начинается.

Вдруг ни с того ни с сего клавиесин сменила клубная музыка, и публика начала танцевать техно. Только движения оставались все такими же неторопливыми, в парадоксальном сочетании вальяжной классики и клубной раскрепощенности. Шеренги в танце двинулись навстречу, пока пары не прижались вплотную друг к другу. Мужчины и женщины поменялись масками, затем повернулись спиной к залу и отправились к своим туалетам. Оказалось, что женские платья сзади приоткрыты, а фалды мужских камзолов распахнуты так, что все прелести предстали обнаженными, если не считать стрингов, надетых у обоих полов. Причем мужское достоинство у одного пола как-то неестественно крупно выделялось под обтягивающим трико.

Итфат не могла не обратить на это внимания.

– О-хо-хо, Тили! Какие у вас мужчины, однако!

– Не обольщайся, – ответила уже немного воспрянувшая духом Матильда, – это у них защитные накладки надеты, в любом спортивном магазине найти можно.

Тем временем, представители обоих полов разошлись по

своим туалетам, в которых свет стал приглушенным, а музыка заиграла ритм-энд-блюз. На сцене осталась одна лишь дива. Она уже танцевала в нормальном ритме, не забывая показывать и свои прелести, включая обнаженную спину, то ли в распахнутом, то ли попросту и тотально открытом сзади платье.

Матильда не вытерпела:

– Красуля, прикройся бантиком! Тебе там нечем похвастаться!

– Ах-ха-ха, Тили, она тебя не слышит! – развеселилась Итфат.

– Она у меня еще попляшет, вот увидишь. Зеркало, значит, на мысленные установки реагирует? Посмотрим.

Матильда теперь во все глаза следила за происходящим действием. А там творилось нечто такое, чего целомудренному взору лучше бы и не зреть. Хотя бы в целях сохранения этой самой целомудренности.

В полумраке мужского туалета наблюдалось коллективное движение в такт музыке. Тела переплетались, извивались, менялись парами, наклонялись и снова распрямлялись, как в безумном танце. Некоторые срывали с себя камзолы, но полностью не обнажались. Видимо, в спектакле все-таки существовали определенные границы. Хотя, и нужды в раздевании не было, возбужденное воображение зрителя без труда могло дорисовать все, что для глаз оставалось невидимым.

Мужская оргия сопровождалась сдавленными стонами.

Однако на женской половине слышались уже поистине жутчайшие крики, от которых в груди холодело, и похоже, темперамент там бушевал, не зная никаких границ и стеснений. Организаторы спектакля, желая оставить хоть какие-то рамки, предусмотрительно включили слабое освещение. Но и в полумраке, благодаря белым одеяниям, многое было видно. Еще недавно такие томные, а теперь совсем обезумевшие дамы терзали друг дружку, валялись по полу, старались забраться руками под платья и в декольте, и в общем вытворяли такое, что описать словами довольно проблематично.

Была ли это постановочная игра, или происходило взаправду, понять было невозможно. Да, впрочем, какая разница. «Вся жизнь – игра», как сказал классик, а от игры до жизни – рукой подать. Матильда смотрела на все это спокойно, словно выжидая чего-то, а Итфат, казалось, не знала, как реагировать, и лишь издавала невнятные звуки типа «хх-мм», прикрывая ладонями рот.

Наконец, прозвучал гонг, и оргия внезапно прекратилась. Теперь уже заиграл медленный блюз, и представители обоих полов начали снова неторопливо и томно выходить с «поля брани» на сцену. Вид у всех был потрепанный. Кто-то потерял парик, у кого-то одежда была разорвана, кто-то оказался полуобнаженным. Только маски на лицах оставались нетронутыми.

Пары выстроились в шеренги друг напротив друга и начали сближаться. Столкнувшись (уже мужчины с женщина-

ми), они отвели руки назад в стороны и принялись тереться телами, совершая качающиеся и поступательные движения, и глядя друг на друга в масках.

Итфат, видимо, не выдержав, спросила:

– Так вот какие у вас спектакли?

– Нет, далеко не всегда и не все. Не подумай ничего такого, мы просто попали. Ну, иногда, показывают, такой вид искусства, своеобразный.

– А это все по-настоящему, или игра?

– Здесь игра. Но в некоторых театрах и не такое увидишь, бывает и в натуре.

– А почему они не снимут маски?

– Потому что в подобные моменты не каждый сможет смотреть друг другу в лицо или в глаза. Там можно ад увидеть.

– Да, я понимаю, о чем речь.

– Что ты имеешь в виду, Фати?

– Потом как-нибудь расскажу.

– Да ладно, в общем-то, все это маргинальный андеграунд.

Искусства здесь мало.

– А по мне, так ничего, понравилось, – хихикнула Итфат. – Люблю экспрессию.

– Смотри дальше, что сейчас будет, – Матильда к чему-то приготовилась.

Сине-зеленая дива тем временем продолжала свое дефиле вокруг прижимающихся и качающихся пар, которые двига-

лись в ритме откровенной блюзовой композиции. Вдруг дива банально споткнулась и как-то неловко подкосила ногу на каблуке. В ее платье что-то треснуло, и бант отвалился. Подавшись назад, она запуталась каблуками в лентах и грохнулась на пол, задрав ноги кверху. Весь торжественный пафос действия мгновенно улетучился. Актеры на сцене замерли в растерянности, а режиссер пришел в ярость.

Матильда же прыгала, хлопала в ладоши и хохотала так, как никогда еще наверно. Итфат, с напускной серьезностью, но еле сдерживая смех, сказала ей:

– Эх, Тили-Тили! Нехорошо так поступать. И не стыдно тебе?

– Ну вот ни капельки не стыдно! – кричала довольная Матильда. – Я же обещала, что эта красуля у меня попляшет! Мой бантик при мне! При мне мой бантик! – приговаривала она, продолжая кружиться и скакать.

– Ну ладно-ладно, Тили, хватит уже! Смотри, твой Виктор совсем разбушевался.

Режиссер метался по сцене, размахивая руками, и кричал:

– Пошли вон, дураки! Все пошли вон!

Труппа разбежалась, кто куда, а Виктор уселся на край сцены, обхватив голову, и застонал:

– Где ты, моя Тиличка, моя ляля!

Матильда, услышав эти слова, от смеха снова перешла к плачу и рыданиям.

– Ну что мне с тобой делать, горе ты мое, радость ты моя, –

сказала Итфат. – Вот видишь, о тебе помнят, по тебе тоскуют.

Картина театра постепенно растаяла, а зеркало вернулось к своей обычной морской заставке. Подруги сели на песок, обнявшись, и задумались каждая о своем.

Второе имя

– Ну что, Тили, ты немножечко приуныла? – спросила Итфат.

– Не немножечко. Множечко, – ответила Матильда. – Так странно и ужасно, мой мир так близко, стоит руку протянуть, а не можешь. Теперь там все не со мной и без меня.

– Не грусти. Я же тебе обещала, что мы вернемся?

– Фати, Фатичка, я очень, очень хочу тебе верить, но что ты можешь, если сама едва помнишь, как обращаться с этой реальностью?

– Не забывай, я все-таки жрица, а жрицы не теряют свой дар просто так и безвозвратно. И у тебя тоже кое-что есть.

– Мой бантик?

– Бантик лишь помог тебе почувствовать то, что у тебя всегда было с тобой. Некий рычажочек, движочек за спиной, которым ты можешь двигать реальность.

– Да, но мы пока толком не понимаем, что это такое. Мне и удалось всего-то илепнуть ту девицу, да и то с той стороны зеркала. А вот на ту сторону рычажочек-движочек пройти не дает.

– Не только это у тебя имеется, – сказала Итфат. – Я еще не знаю, что в тебе есть, но есть точно. Ты и сама заявила, что ты особенная.

– Когда это? – спросила Матильда.

– Разве забыла, ту девочку, с молочным супчиком?

– А, ну, детская бравада...

– Нет, не просто бравада. Ты особенная, так и есть. Вот скажи мне, что ты видишь? Как ты сейчас видишь реальность?

– Ой, Фати, я вижу, что мы рыбки в аквариуме, а за стеклом открытое море, в которое нам никак не перебраться.

– Нет, здесь не аквариум. Море и с той стороны, и с этой, одинаковое, понимаешь?

– Как это одинаковое?

– Не могу объяснить, просто знаю, что и там, и здесь, одинаково. В каком-то зеркальном смысле. А нам требуется отразиться наоборот.

– Ты, как обычно, говоришь загадками, Фати.

– Мне надо кое-что вспомнить.

– А нельзя ли об этом спросить, ну, у того, которого ты называла Преддверием?

– Давай попробуем. Преддверие, где ты? – воскликнула Итфат. – Ты здесь?

В тот же миг поднялся ветер, который будто веял со всех сторон.

– Я везде и повсюду, везде и повсюду... – отозвался чей-то шепот.

– Скажи, как нам пробраться сквозь зеркало? – спросила жрица.

– Вспомни свое имя, жрица-жрица! – ответило Преддверие.

– Но ты же само сказало, как меня зовут! Разве я не Итфат?

– Вспомни свое второе имя, и постепенно Знание вернется к тебе!

– Постепенно...? – только и успела вымолвить Итфат, но ветер внезапно стих, и шепот больше не откликался, как ни старались подруги его призвать.

– Немногословный у тебя советник, – заметила Матильда.

– Да, разъяснений от него не дождешься, – сказала Итфат, – но за его словами всегда что-то кроется, что-то важное.

– А что означает второе имя? Тебе это о чем-нибудь говорит?

– Нет, понятия не имею. Знаю только, что имя Итфат мне показалось как бы моим, и не моим в то же время.

– Ну вот, опять сплошные загадки.

– Придется как-то самим выкручиваться. Но видишь, если Преддверие что-то пообещало, значит, есть надежда.

– Фати, нам теперь самое время взглянуть на твою реальность, может там что-нибудь прояснится, – предложила Матильда.

– Да, надо-надо.

– Тогда начинай, скорей-скорей!

Жрица сосредоточилась и устремила пристальный взгляд

в сторону зеркала. Глаза ее, казалось, смотрели в никуда, зато на лице проявились демонические черты, выдававшие незаурядную и сильную натуру, скрывавшуюся под хрупкой внешностью.

Зеркало превратилось в черный экран. Через несколько мгновений на нем стали возникать всполохи всех цветов радуги, а затем постепенно начала вырисовываться картина необычайно красивой местности. Судя по всему, был теплый летний вечер. Солнце уже зашло, но небо озарялось сиянием с переливами зеленого и синего света. Центральную часть пейзажа занимала широкая аллея, вымощенная гладкой брусчаткой. По бокам ее в разные стороны тянулись небольшие дорожки, устланные коврами из нежного мха. Как сама аллея, так и дорожки были обрамлены ухоженными насаждениями цветущих кустарников и деревьев. Повсюду, непонятно из каких источников, струилось мягкое свечение, так что весь ландшафт был виден, и в то же время укутан уютным полумраком, особенно в укромных уголочках. Все это великолепие игры теней и света довершалось флуоресцентным излучением, исходящим от цветов с беззастенчиво широко раскрытыми бутонами. Но и те не нарушали интим полумрака, а словно старались лишь показать себя во всей красе.

Вдоль аллеи и по лабиринтам дорожек прогуливались люди, парами, небольшими группами и поодиночке. Все были в одеяниях совершенно разного покроя, но одинаково бежево-

го цвета. Одни шли молча, другие тихо меж собой переговаривались. Встречаясь, они касались кончиками пальцев щеки друг друга, улыбались, не говоря ни слова, и шли дальше. Умиротворенную тишину летнего вечера приятно дополнял оркестр неугомонных кузнечиков.

– Боже, какая красота! – не удержалась Матильда. – Никогда не видала красоты такой!

– А слышишь, кузнечики, как стараются! – сказала Итфат. – Они у нас такие старательные! А запах, чувствуешь?

Зеркало, похоже, вовсе не препятствовало проникновению с той стороны чудесного воздуха, напоенного ароматом цветов и трав.

– Фати, ты что, в раю живешь? Я уже хочу туда нестерпимо! Долго еще будешь меня истязать?

– Погоди, все только начинается.

Основная масса людей двигалась по аллее в сторону небольшой площади. Над площадью возвышался классического вида храм, отделанный малахитом, с колоннами глубокого синего оттенка и золочеными фресками. Все сооружение было так же со всех сторон подсвечено невидимым источником.

Когда на площади собралось достаточное количество народа, на ступенях храма появился седовласый старец в белом балахоне. Он простер руки, призывая всех к тишине. Площадь замерла в ожидании.

– Это мой Наставник, – прошептала Итфат, будто опасаясь

ьясь быть услышанной.

– Вот, уже помнишь, уже теплее, – вторя ей, прошептала Матильда.

Старец свел ладони вместе, затем развел их, и между ладонями у него засветился золотистый полупрозрачный шар. Потом он протянул руки вперед, развел их в стороны, и шар, увеличиваясь в размерах, взлетел над площадью и осыпался золотым дождем. Люди с восторженными криками принялись ловить золотые дождинки, бережно укладывая их в свои ладони. Затем каждый стал раздувать свои дождинки, как искорки, и вскоре у всех между ладоней засветились золотистые шарики. По команде Наставника, все подняли руки, шарики взмыли ввысь и растворились в сиянии, которое, как и прежде переливалось на небе.

– Что это за шарики, Фати? – спросила Матильда.

– Это энергии любви, – ответила Итфат.

– А откуда весь этот свет? У вас там какая-то скрытая иллюминация?

– Нет, это боги смотрят на нас. Мы посылаем им свою любовь, а они освещают наш ритуал.

– И в чем он заключается?

– Сейчас ты увидишь, как люди находят свои пары, свои половинки.

Народ расступился по краям, а в центре площади осталось два десятка мужчин и женщин разного возраста. Они построились в круг и замкнули его, прижавшись ладонь в ла-

донь с рядом стоящими. Зазвучала музыка, но не мелодия, а серия трелей и аккордов, напоминавших звуки арфы и органа. Люди принялись плавно и свободно кружиться в такт этим звукам, с каждым поворотом делая шаг вдоль окружности, так что весь хоровод превратился в грациозный вальс.

По мере вращения, у всех постепенно начали проявляться ауры разных цветов: красные, белые, синие, желтые, зеленые, фиолетовые, оранжевые и прочие оттенки. И тут стало видно, что цвета у некоторых пар совпадают. Заметив друг друга, эти пары выходили из хоровода и, взявшись за руки, поднимались на ступеньки храма. Остальные продолжали кружиться, пока не остались лишь те, у которых цвета не совпали. Музыка стихла, танцующие остановились, повернулись в центр, коснулись друг друга кончиками пальцев, и ауры их погасли. Ничуть не смутившись, они развернулись, и с улыбками разошлись в разные стороны.

– Потрясающе, Фати, я все поняла! – воскликнула Матильда.

– Красиво, правда же? – сказала Итфат.

– Просто обалденно! А как же с теми, кто не нашел свою половинку?

– В следующий раз найдут, или еще в следующий. Обязательно найдут.

– А бывает так, что цвета совпадают более чем у двоих?

– Такое возможно, но очень редко встречается.

– И как же они тогда разбираются между собой, если ока-

жется трое, например?

– Не волнуйся, разберутся. Еще не факт, что избранные пары будут вместе. Ты вот, как думаешь, что для этого требуется?

– Любовь?

– Правильно. Совместимость еще не гарантирует рождения любви. Вообще, половинки нередко и сами друг друга находят, безо всяких ритуалов. Ритуал лишь помогает сделать правильный выбор.

– А ты сама участвовала в таких ритуалах?

– Нет, меня готовили к особому статусу Верховной жрицы. Если бы я сейчас находилась там, то была бы на месте Наставника.

– Фати, так ты что, обречена на одиночество?

– Не совсем так. У меня были некоторые отношения, но избранника пока не нашла.

– Не нашла достойного тебя?

– Не то чтобы достойного... Знаешь, многие, может, и хотели бы со мной сблизиться, но побаиваются моего статуса. Или, может, я кажусь им неприступной.

– А ты неприступная?

– Ах-ха-ха, Тили, я обыкновенная и доступная, вот какая! – жрица рассмеялась и обняла Матильду. – Но я необыкновенная и недоступная тоже, вот такая!

– Вот и пойми тебя! Впрочем, я тебя понимаю. Жаль только, что отважные юноши у вас в дефиците, которые смогли

бы по-настоящему оценить, какая ты есть.

– А какая я?

– Ты чудесная, ты удивительная, ты восхитительная! Ты сама Любовь!

– Ну, не совсем так, – сказала Итфат. – Видишь, какая у меня раскраска?

– А что она означает? – спросила Матильда.

– У любви есть две стороны. Да они и тебе самой, наверно, известны.

– Какие же?

– А вот сейчас узнаешь.

Тем временем избранные пары спустились со ступенек храма, и отправились гулять, взявшись за руки. Остальная публика тоже разбрелась кто куда, по лабиринтам дорожек.

– Что, уже все, представление окончено? – спросила Матильда.

– Нет, скоро начнется парад сущностей, – ответила Итфат.

– А что это такое?

– Увидишь-увидишь, Тили.

Парад сущностей

Итак, массовое гуляние всех этих приветливых и добрых, судя по всему, людей, продолжалось. Только теперь в вечернем воздухе закрутилось-завертелось нечто необычное. Отовсюду, со всех сторон вдруг начали появляться разноцветные полупрозрачные шарики. Они весело кружились и летали среди гуляющих. Люди с улыбками подставляли им ладошки, и шарики садились на них, как птицы. Присев ненадолго, шарики наливались более насыщенным цветом, а потом легко вспархивали, устремляясь на поиски других подставленных ладошек.

– Что это такое, что они делают? – спросила Матильда.

– Это сущности тонкого мира, – ответила Итфат, – они живо интересуются нашей жизнью. Любят пристраиваться к нам, из любопытства, а так же подкормиться немножко.

– Как это, немножко подкормиться? Они что, как вампиры?

– Не бойся, они безобидны. Большинство, по крайней мере. Видишь, люди с удовольствием делятся с ними своей энергией. Энергией любви.

– А есть такие, которых следует опасаться?

– Да, они все разные. Красивые и прозрачные – это сущности любви, благодарности, сострадания, благородства, щедрости, доброты – они несут в себе качества, которыми наде-

ляют и нас самих.

– Фати, ты хочешь сказать, что мы такие, какие мы есть, благодаря этим сущностям?

– Нет, все не так просто. Но основной смысл в том, что душа человека с рождения как чистый лист бумаги. И если человек чем-то понравится сущности, она к нему может подселиться, и тогда душа приобретает определенные качества.

– Ты говоришь невероятные вещи! – сказала Матильда. – В моем мире считается, что человека воспитывают близкие, общество, среда, обстоятельства...

– Верно, но все, что ты назвала, всего лишь косвенно способствует подселению той или иной сущности. Какие сущности в человеке присутствуют, таков он и есть.

– Все равно трудно поверить!

– Да, люди склонны верить лишь в то, что видят своими глазами. Но сущности невидимы и неосятими. А сейчас мы их наблюдаем воочию по той причине, что боги дают нам такую возможность, а еще потому, что вся атмосфера нашего ритуала пропитана энергией добра и любви. На такую энергию слетаются в основном добрые сущности.

– А злые могут?

– Могут и злые, но их обычно привлекает недобрая атмосфера. А вот, гляди-гляди, мутный шарик к кому-то подсел!

Подруги увидели, как на ладонь одной девушки приземлился шар бурого цвета с грязно-зелеными пятнами.

– Это сущность зависти, – сказала Итфат. – Возможно,

девушке не посчастливилось в этот вечер.

– Ой, а вдруг эта сущность к ней подселится! – воскликнула Матильда.

Однако произошло нечто иное. Девушка не стала ни прогонять, ни принимать сущность, а улыбнулась задумчиво и легонько подула на шарик, а из другой ладони направила на него луч золотистой энергии. Шар покачался, покачался, и улетел прочь.

– Ух ты! – удивилась Матильда. – У вас что, все такие продвинутые?

– Нет, конечно, мы тоже все разные, – сказала Итфат. – И всякими нехорошими сущностями заражаемся. И я тоже не святая.

– Но все же не верится, как это так, в человека вселяется какая-то сущность, и он становится другим... Или он становится другим потому, что сущность к нему поселилась... А влюбляемся мы тоже благодаря сущностям?

– Именно так. Влюбленность – это проявление сущности любви. Она вселяется в человека, если он оказывается готов ее принять. Но для этого необходимо, чтобы и потенциальный объект любви оказался рядом.

– Фати, ты меня просто ошарашиваешь! И откуда ты обо всем этом знаешь?

– Не веришь? Вот посуди сама, живет себе человек, вполне нормальный, не больной, но вдруг, ни с того ни с сего, на него будто наваждение находит. Он ночами не спит, вос-

паленным воображением мучается, стихи сочиняет, глупые поступки совершает, а думать вообще ни о чем не может, кроме как о своей пассивности. Сущность к нему пришла, вот в чем дело. Приятная, конечно, особа, во многих отношениях. И одухотворенностью одаряет, и душу греет, однако и мучить способна, ой-ой как, если объект любви проявляет безразличие.

– Да, очень на то похоже, – согласилась Матильда. – А когда двое друг в друга влюбляются, в них обоих вселяются сущности?

– Конечно, если повезет. Любовь с первого взгляда – тому подтверждение. Опять, смотри, с чего бы это, два человека встретились, и вдруг почувствовали нечто такое, что даже объяснению не поддается. Можно объяснить любые чувства: вот у меня что-то болит, вот меня что-то тяготит, раздражает, радует, и так далее. И главное, понятно, что это и почему это. А ты можешь объяснить, что такое влюбленность, и почему она возникает?

– Нет, Фати, ты меня приперла к стенке.

– То-то же. Необъяснимо это и неопишимо именно благодаря присутствию сущности, о которой обычный человек не имеет ни малейшего понятия, хотя бы потому, что никогда ее не видел и не знал, что она есть.

И тут у Итфат вдруг загорелись глаза.

– Ой, Тили, смотри что происходит!

Подруги увидели, как на ладони одной из избранных пар

одновременно приземлились два золотистых шарика.

– Ну, сейчас начнется! – воскликнула Итфат.

Шарики задрожали, налились еще более насыщенным золотым цветом, и не медля всплыли прямо в грудные клетки обоим счастливым. Те как-то странно посмотрели друг на друга и почему-то разняли руки, но на полшага приблизились, а затем какой-то нетвердой походкой направились, куда глаза глядят, рядышком, то сталкиваясь, то отстраняясь.

– Везет же людям! – сказала Матильда. – Хорошо, что с нашей стороны никакие шарики не летают, а то в меня бы так и впиалась сущность зависти.

– А у тебя нет избранника? – спросила Итфат. – Тот, Виктор, вы с ним не...

– Я не знаю. Вроде что-то есть, а вроде и непонятно.

– Ничего, не переживай, сущности не всегда сразу приходят, и очень редко, когда одновременно к обоим. Здесь терпение требуется, и внимание, и забота. Чтобы чудо свершилось, его еще взлелеять нужно, потрудиться, не разумом, не телом, а душой. Этой же парочке, действительно, крупно повезло.

– Да уж, я как вспомню, как там в нашем театре телами трудились, так мне не по себе становится. Если сравнивать, то у нас сплошной разврат, а у вас – сама невинность.

– Опять не совсем так. Ты думаешь, невинность – это воплощение идеала?

– Ну, у нас все так называемые высокодуховные личности

к тому призывают, к возвышенному и духовному. И одновременно осуждают все так называемое низменное и плотское. А как с ними поспоришь? У них презумпция, коли они праведники.

– Не правы ваши праведники. И в театре у вас было не то чтобы грехопадение, а просто показана одна из сторон жизни, и даже любви, если хочешь. Я же говорила, мне понравилось.

– Но почему? – удивилась Матильда.

– Потому что у любви имеется две стороны, два аспекта: Нежность и Сила.

– Ну, Нежность я понимаю, а Сила в чем?

– Сила – она и есть Сила – в экспрессии, и даже в какой-то мере в агрессии.

– В агрессии к любимому человеку?

– Это не та агрессия. Это трудно объяснить, как и влюбленность.

– Ты имеешь в виду секс?

– Да, любовь дуальна, как и многое в этом мире, и у нее две сущности: Нежности и Силы. Они должны находиться в гармонии, в единстве. Сила без Нежности, это насилие. А Нежность без Силы, просто сладкая патока. Даже лекарство действительно лишь тогда, когда в нем присутствует умеренная доза яда.

– Ну, Фати! Откуда тебе все это известно?

– Сама не знаю. Наверно, рассказываю тебе, и по ходу

вспоминаю, чему меня учили, и что я позабыла.

– Так ты говоришь, у любви две сущности. А в ту парочку, какие вселились?

– У Нежности золотистый цвет, у Силы багровый. У них пока проявились только нежные чувства. Но это пока.

– А-а-а! Так вот ты какая, Фати! Вот почему у тебя багровая раскраска!

– Я не такая и не другая. Я разная. Могу быть разной. Видимо, тогда мне захотелось, чтобы у меня преобладала Сила, вот я так и раскрасилась.

– И что, в самом деле, во влюбленную парочку однажды вселятся эти самые сущности Силы? – спросила Матильда. – И тогда у них случится бурная ночь?

– Да, если они их впустят в себя, – ответила Итфат.

– Это как понимать?

– Помнишь, ты говорила, ваши актеры не снимают маски, потому что не каждый способен в такие моменты смотреть друг другу в лицо, потому что там можно увидеть ад?

– Да, есть такое дело. В некотором смысле.

– Вот и подумай, почему так? Почему у нормального уравновешенного человека вдруг просыпается несвойственный нормальному человеку инстинкт, в глазах загорается какой-то inferнальный огонь, и человек становится как бы другим? Состояние и причину влюбленности объяснить невозможно. Точно так же невозможно объяснить, что такое секс. Попробуй объяснить, что это такое и почему.

– Да, я начинаю понимать. Потому что сущность Силы вселяется.

– Вселяется, если человек это принимает и позволяет. А если его пугает то, что он становится другим, и он не соглашается таким себя принять, тогда и Нежность остается без Силы, и секса не получается, а потом и сама Нежность уходит.

– Интересная философия, – заметила Матильда, – мне она кажется логичной.

– Это не философия, – сказала Итфат, – это реальное положение вещей.

– Значит, надо отпустить себя и впустить в себя Силу?

– Именно так. Без Нежности нет любви, но и без Силы любовь угаснет. Создатель ведь не зря сотворил любовь в такой дуальной форме. В мире вообще почти все дуально. Мир, в котором присутствует лишь зло, обречен, такой мир не может существовать. Согласна? И абсолютно так же обречен тот мир, в котором присутствует только добро.

– Ладно, Фати, все верно. Оно и понятно, таких идеальных миров просто не существует.

– Потому и не существует, что должно быть равновесие добра и зла, Нежности и Силы, или праведности и грехопадения, как вы это называете. Так что, все в порядке с вашим театром, с одной лишь оговоркой: Нежности там маловато, надо бы добавить.

– Да, я поняла. Только все же, если бы мне пришлось вы-

бирать между моим миром и твоим, догадываешься, что бы я выбрала?

– Свой?

– Нет. Мой хоть и родной, но твой мне больше по душе.

– Вот видишь, и наша дилемма разрешилась: быть каждой в своем мире, или быть вместе.

– Да, все это, конечно, гладко и складно, однако существует и другая дилемма. У нас говорят: хорошо там, где нас нет. Но как только попадаешь туда, где хорошо, картина разворачивается, и все по новой.

– Ну ладно-ладно, там видно будет, нам бы отсюда сначала выбраться.

Площадь и аллея с дорожками тем временем уже почти опустели. Люди стали расходиться по домам. А Матильда только сейчас обратила внимание, что вдоль аллеи, кроме деревьев и кустарников, располагались чьи-то изваяния.

– А что за статуи там у вас? – спросила она.

– Это пантеон наших богов.

– И сколько же их?

– Верховный Создатель один, но у него есть помощники.

– Как бы разглядеть их поближе... Ой! – Матильда вдруг сильно разволновалась. – Смотри, в таком же платье как у тебя, кто это?

– Что ж, это я, надо полагать, – с грустью в голосе ответила Итфат.

– Так тебя что, уже и похоронить успели? Недолго соби-

рались, вот гады!

– А что им оставалось? Я исчезла, не знаю даже когда. А еще все эти фокусы со временем... Может, там уже несколько лет пролетело.

– Погоди-ка, под твоей статуей какая-то надпись. Кажется, там написано... Тафти!

Теперь уже сама Итфат остолбенела, подобно статуе. Она так и замерла, не шелохнувшись и не проронив ни звука. Матильда испугалась и принялась ее тормошить.

– Фати, очнись! Что с тобой? Господи, да это же твое имя, если читать наоборот!

– Я знала... Нет, я что-то такое чувствовала... – едва вымолвила, запинаясь, совсем растерявшая себя жрица. – В самом деле, там меня называли Тафти, а здесь я почему-то стала Итфат.

– Ура! Нашлось твое второе имя! – Матильда была в полнейшем восторге, а жрица так и не могла прийти в себя.

– И ничего удивительного! Ведь мы по ту сторону действительности, а здесь, как и положено, все наоборот.

– Все да не все. Твое ведь имя здесь осталось прежним.

– Да, это странно. Тогда каким должно быть мое второе имя здесь? Я Илит?

Когда эта мысль пришла ей в голову, Матильда, похоже, совсем с катушек съехала. Она принялась кружиться, и скакать, и кричать:

– Я Илит! Я Илит! А ты Тафти! А я Илит! Почти как Ли-

лит, первая жена Адама! Хела!

Теперь самой Итфат пришлось ее успокаивать, но та не могла уgomониться, она забегала жрице за спину и звала ее:

– Тафти! Та-а-аф-ти-и-и! Какое у тебя роскошное имя! Мягкое, как пуховая перина! Я буду называть тебя Тафти! Или нет, я иногда буду звать тебя по-прежнему, моя Фатичка, Фати!

– Ну ладно-ладно, Тили-Илит, Илит-Тили! Успокойся уже!

– Та-а-аф-ти-и-и! – не унималась Матильда. – Ну все, все. Я успокоилась. Тафти!

– Ну вот, второе имя мое нашли, и даже твое, – сказала Итфат. – Но я пока в полной прострации, ничего не соображаю.

– Это скоро пройдет, Преддверие же сказало, что к тебе постепенно вернется Знание.

– Будем надеяться. Может и твое второе имя пригодится... Ой, смотри, зеркало возвращается к своей заставке.

Картина чудесного мира жрицы Итфат постепенно растворилась, и в зеркале уже как прежде плескались флегматичные волны, а пальмы на ветру качали широкими листьями. И как прежде, подружки оставались вне зоны доступа к настоящей реальности. Все еще вне зоны доступа...

Экспедиция крышки

Итак, уже знакомая нам компания, или «экспедиция крышки», назовем ее так, отправилась на поиски края оной, которая, по невыясненным пока причинам, накрыла мир. Как справедливо рассудила королева Брунхильда, для того чтобы выяснить, что это за крышка, необходимо было хотя бы найти ее край.

Процессию возглавлял Адя Зеленый с дубиной на плече. Второй шла Брунхильда, поскольку снисходительно согласилась с предложением Ади быть ее телохранителем. Воинственная королева в подобных услугах, конечно же, не нуждалась, но, зная Адю, решила не вступать с ним в препирательства, которые могли отнять много времени. Следом шагала Оранжевая Корова, сложив пока крылья, чтоб не мешали. За ней семенила Желтая Подлодка в своих оранжевых сапожках. И наконец, колонну замыкал Лохматая Зверюга, который был очень недоволен тем, что оказался не рядом с королевой, но Брунхильда строго посмотрела на него и приказала слушаться, а еще охранять экспедицию с тылу, что тоже было миссией важности чрезвычайной.

Внезапно Адя остановился и повернулся назад, чуть не задев королеву дубиной. Остальные тоже встали в замешательстве.

– Ваше величество, – сказал Адя, обратившись к Брун-

хильде. – Дозвольте высказать предположение, или вопрос точнее, которым ясный ум мой озарился.

– В чем дело, – спросила королева, – чем ты там озарился?

– Дело заключается в следующем, или другими словами, вот в чем.

– Ну, так в чем?

– Извилистыми тропами, лощинами, долинами, наш путь проложен.

– Короче!

– Так вот, наш путь, опасностями полный, ведет неведомо куда, что вызывает, несомненно, в груди моей смятение и вопрос, морально вопиющий.

– Еще короче!

– Короче, куда мы направляться изволяем? Где сторона, в которой крышки край зловещий пролегает?

– Ваше величество, – включилась в разговор Корова, – достопочтеннейший желает знать, куда конкретно следует идти, чтобы до края крышки добраться.

В самом деле, крышка простиралась по всему небу, и краев ее было не видеть.

– Ну и что же предлагает достопочтенный Адя? – спросила Брунхильда.

– В таких вопросах, наисложнейших, не разумом витиеватым, но чувствами из глубины души, что трепетом чисты и сокровенны, соизмерять наш путь и направление надлежит, – выдал Адя.

– Витиеват не путь наш, и не разум, – передразнила его королева, – а твой язык, хитросплетеньем дифирамбов пафосных сложенный.

– Адя, а у тебя что, чувства тоже имеются? – задала простодушный вопрос Подлодка.

– Весь сардонично-саркастичный яд иронии вашей я кротко, как слезу, глотаю. Однако ж чувства мне гласят, край крышки той лежит в сакральном направлении, особом, которое умом непостижимо, лишь озарению доступно.

– И что же подсказывает, твоих прекрасных чувств, благое озаренье? – спросила королева.

Адя принял глубокомысленный вид и указал перстом в обратную сторону:

– Нам туда. Уверен в том и убежден безмерно.

– Ой, это почему же? – взвизгнула Подлодка.

– Безмерно можно быть только самонадеянным, – сказала Брунхильда. – У тебя есть на то основания?

– Особым даром обладаю, знать то, чего другим неведомо, – гордо ответил Адя.

– Да не слушайте вы его, – вмешалась Корова, – ему лишь бы свое эго потешить.

– Так, во-первых, туда мы не пойдем, по той простой причине, что там болото, – сказала королева. – Во-вторых, крышка, если это крышка, должна иметь края по всем краям, так что направление неважно. Другое дело, идти бы следовало туда, где лежит ближний край, но нам это неизвестно.

А потому, мы пойдем туда, куда идти всего проще и легче. Вот по этой прямой дороге, куда мы сразу и направлялись. Возражения есть?

– Нет! Нет возражений! Все правильно! – закричали Корова и Подлодка.

– Ну, коли вы настаиваете на своем монархическом, так сказать, самовластье, Ваше величество, тогда я вынужден покорствовать смиренно, – вымолвил Адя.

– А я никому и не позволю возражать моей королеве, – впервые подал голос Лохматая Зверюга. – Даже тому, у кого дубина в качестве авторитета, или авторитет в качестве дубины.

– Спасибо, Зверюга, – сказала Брунхильда.

– Но ведь мой авторитет непоколебим! Или как это, непоко... – возразил было Адя.

– Все! Никому не ссориться! Идем.

Не медля более, экспедиция двинулась по выбранному пути. Шли они, шли, и наконец, пришли. Перед их взором раскинулось шикарное лазурное море, с травой и пальмами на берегу. Серая крышка заканчивалась как раз над берегом, так что сразу за ее краем уносилось ввысь голубое небо с летящими облаками, все как положено.

– Колоссально! Вот где я поплаваю! – закричала Подлодка.

– Ура-ура! Мы добрались до края! Вот где я летаю! – замычала Корова.

– Я уже имел честь не далее как наемдни прогуливаться по берегу, однако пальмы там отсутствовали, а имели место быть лишь коряги, – заметил Адя.

– Да, это как будто другое море, не наше, – сказала Брунхильда.

– Да какая разница! Побежали туда скорей! Купаться!

Вся компания с энтузиазмом ринулась навстречу открывшей свои объятия мечте. В авангарде мчался Зверюга, поскольку он и бегал на своих лапах быстрее всех. Он же первым и втемяшился всеми четырьмя лапами в неожиданно возникшую, но невидимую стену. Остальные, не поверив своим глазам и неудачному опыту Зверюги, проделали тот же опыт. Натолкнулись, упали и убедились, что стена действительно существует.

Поднявшись, все в недоумении принялись ходить туда-сюда и ощупывать преграду. Она, будучи совершенно прозрачной, оказалась твердой и непроницаемой, как стекло, а вдобавок обладала отражающей способностью, но не вполне зеркальной. К всеобщему удивлению, это странное зеркало отражало не окружающие предметы и местность, а лишь смутные силуэты наших героев, которые с той стороны смотрелись как призраки. Данный факт их всех озадачил еще больше.

– Да что это за хрень такая! – воскликнул утративший все красноречие Адя.

– Ну вот, выбирались из-под крышки, выбирались, а

уткнулись в зеркало, – разочарованно пролопотала Подлодка.

Королева молчала в раздумье, Зверюга с неудовольствием фыркал, а Корова все пробовала поверхность на ощупь, то рогами, то копытами. Но все тщетно. Ситуация казалась тупиковой.

– А ну, дерзну-ка я разоблачить сию профанацию своим профанатором, – сказал Адя. Размахнувшись дубиной, он долбанул по стеклу изо всей своей дурацкой мочи. Но зеркало даже не завибрировало, не говоря уж о трещине, словно было нерушимым как скала, и в то же время чем-то нематериальным.

– Здесь требуется не сила, а что-то другое, – предположила Брунхильда.

– Да нет же, надо сильнее, и чем-нибудь потверже, – сказал Адя, покосившись на Подлодку.

– Даже и не вздумай! – только и успела выкрикнуть Подлодка, но Адя, не спрашивая, схватил ее и ударил в стекло как тараном. С тем же, однако, результатом.

– Ах ты сволочь! – закричала Подлодка, – Зверюга, спаси!

Лохматая Зверюга подскочил к Аде, и тот сразу же отпустил свою жертву, опасливо пятясь.

– Знаешь что, Адя, – сказала королева. – Еще одна такая выходка, и ты будешь с позором изгнан из нашей команды.

– Лады, лады! – принялся оправдываться Зеленый. – Чего вы все взъелись? Она ведь железная, что с ней делается!

– А давай твоей башкой попробуем, она наверняка тверже! – закричала Подлодка.

– Ты же сама хотела купаться, вот я и старался, для тебя же. Ну, не получилось, что поделаешь, все равно на тебе не ласты, а сапожки. Как ты в них будешь плавать?

– Это тебя не касается! Я и без ласт могу. А вообще, ты гад, ненавижу тебя!

– Ну ладно, прости, не злись, – сказал Адя, примирительно сгладив тон. Он, конечно, был гадом, но в сущности, добрым в душе, как ни парадоксально.

– Ваше величество, – обратилась к Брунхильде Корова, – нам надо что-то предпринимать. Может, я поднимусь наверх, насколько позволит крышка, осмотрюсь кругом?

– Давай, моя хорошая, расскажешь потом, где там и что, и куда нам идти, – ответила королева.

Оранжевая Корова расправила крылья и взлетела, описывая круги по спирали. Крылышки у нее были на удивление совсем небольшие, однако ей каким-то непостижимым образом удавалось летать, вполне себе непринужденно. Остальные, задрав головы, с ожиданием следили за всем процессом пилотирования. Покружив немного под самой крышкой, Корова начала снижаться и вскоре, к всеобщему удовлетворению, успешно приземлилась.

– Ну? – спросила королева.

– Вы знаете, вон там, – указала Корова рогами, – виднется какой-то город. Больше ничего примечательного не за-

метила. Может, туда и направимся?

– Да, – сказала королева.

Все тоже согласно закивали головами, и даже Адя не стал возражать. На том порешили и отправились в путь.

Больные любовью

Шли они, шли, и наконец, пришли. Это был город, в котором громоздились, тесня друг друга, здания всевозможных учреждений. Ни торговых, ни развлекательных центров, ни даже жилых домов нигде не было видно, одни учреждения. На каждом здании висела вывеска из длинных и непонятных аббревиатур, из чего следовало, что собственно названия заведений были еще длинней и непонятней.

Столь плотное скопление различных организаций, которые, несомненно, служили исключительно на пользу общества, свидетельствовало о том, что город был весьма значимым, а его служители – очень важными персонами. Прохождение на улицах встречались редко, зато повсюду сновали автомобили, мчавшиеся куда-то по чрезвычайно срочным делам. Каждый водитель держал в руке сотовый телефон, умудряясь управлять машиной и одновременно вести переговоры, не менее срочные.

Из всего этого можно было заключить, что обитатели города занимались не работой, а какими-то очень важными государственными делами, что, понятно, две большие разницы.

Наша компания бродила по улицам в поисках учреждения, которое могло бы помочь в их проблеме. Проблема оставалась прежней, пресловутая крышка, висевшая и над

городом. Наверняка и его обитатели были озабочены тем же, недаром ведь повсюду кипела такая бурная деятельность. Аде, как самому образованному и грамотному, было поручено читать вывески зданий.

– Так, что тут у нас, – комментировал он, задрав голову. – «Борщевание борщей». Серьезное заведение. Надо взглянуть.

– Да иди ты со своими борщами! – кричала ему в ответ Подлодка. – Нам что-то по поводу крышки надо!

– Так ведь борщ имеет к тому прямое отношение! Когда он в кастрюле варится, накрывается крышкой.

– Дальше, дальше идем, – командовала королева.

– А вот еще, очень любопытно, – читал Адя. – «Брыжжевание брыжжей». Зайдем?

– Ты что, издеваешься?! – возмущалась Подлодка.

– Ладно, наверно у них слишком узкая специализация. А вот смотрите: «Исправление привкуса». Интересно, какого привкуса? Может, привкуса крышки?

– Адя, не болтай чепухи, – отвечала Брунхильда. – Мы сюда не развлекаться пришли.

– А вот, наверно то, что нужно: «Безалкогольный туалет».

– ...!!!

– Ну все, все, молчу. Читайте тогда сами, раз такие умные!

– Это все не то, – сказала Корова. – Нам лучше поискать заведения с аббревиатурами, они обычно такими серьезными делами занимаются, что дальше не куда.

– Вот именно, что если дальше некуда, то никуда и дальше, – отвечивал в своей манере Адя. – А нам надо, чтобы принципиально куда, и категориально откуда.

– Замолчи, наконец! – прервала его Подлодка. – Вон там, кажется, солидное заведение, большими буквами написано: «УЧРОХРЗДРАВИСЧТПОХ». Звучит убедительно. По крайней мере, там есть корень «здрав», наверно по части здоровья населения. Ведь они должны заботиться о здоровье? Ведь крышка ему вредит?

– Ладно, давайте зайдем, – предложила королева.

На входе их встретил дежурный врач.

– Больные? – спросил он.

– Нет, мы по поводу крышки, – ответила Брунхильда.

– Какой такой крышки?

– Той, что висит над городом и небо закрывает.

– Ну, так и что?

– Но как же, ведь крышка не пропускает солнечный свет!

– Ультрафиолетовое излучение, любезнейшие, крайне негативно влияет на нормальное течение болезни. Болезнь должна развиваться так, как ей положено развиваться.

– Очень разумные доводы, – приветствовал своего единомышленника Адя, – позвольте пожать вам руку.

– Но погодите, – сказала королева, – ведь крышка нам всем продыху не дает, она напрямую вредит и здоровью в том числе!

– Нет, нами уже строго научно доказано и обосновано, что

крышка совершенно безвредна, – заявил врач.

– Скажите, пожалуйста, – обратилась к нему Корова как самая вежливая, – а как расшифровывается название вашего уважаемого заведения?

– «Учреждение охраны здоровья и счастливые похороны», – снисходительно ответил врач.

– Значит, вы все-таки занимаетесь вопросами здоровья?

– Занимаемся, но не вопросами, а охраной.

– Так у вас что, охранная организация?

– Точно.

– И как же вы охраняете здоровье населения?

– Мы не здоровье населения охраняем, а население от здоровья.

– Ну а болезни-то вы лечите?

– Разумеется. Лечение болезней – наш основной профиль и конечная цель.

– Позвольте, – не унималась Корова, – но ведь конечной целью должно быть выздоровление?

– Не совсем так. Выздоровление, это лишь промежуточный этап, поскольку за ним неизбежно следует очередная болезнь. Именно поэтому все наше внимание сосредоточено исключительно на болезнях. Сам процесс лечения – вот что главное.

– А исцеление вас разве не интересует?

– Во-первых, у нас уже такие болезни, которые не излечиваются. А во-вторых, если все будут выздоравливать, кого

мы тогда будем лечить? Все, любезнейшие, вопросы исчерпаны, если у вас имеются какие-нибудь болезни, добро пожаловать, а если нет...

Брунхильда прошептала на ухо Корове: «Все понятно, нам тут делать нечего. Пойдем отсюда».

– Пожалуйста, один только последний вопрос! – не могла уняться Корова. – А что вы в основном лечите, какова основная болезнь?

– Любовь, черт ее дерит. Очень опасная штука.

– А можно нам взглянуть на процесс лечения? Ведь он так важен!

Врач на минуту заколебался, но в разговор включился хитрый Адя.

– Любезнейший коллега, меня так вдохновила ваша философия, что не могу удержаться, чтобы не выразить вам свое восхищение!

– Ладно, вон докторица сюда направляется, обратитесь к ней.

– Больные? – тут же задала дежурный вопрос докторица.

– Нет, мы практиканты, – ответил за всех Адя. – Интересуемся методами лечения любви.

– Ах, вот как? Похвально.

– Позвольте полюбопытствовать, каких успехов вы достигли на столь конструктивном и ответственном поприще?

– Поприще наше технически слабо оснащенное, еле справляемся. Да и болезнь уж больно заразна.

– Ну а лекарства какие-либо от этой чрезвычайно вредной болезни имеются?

– Наши ученые доктора уже почти вплотную приблизились к изобретению универсального средства, антилюбвин называется. Но это пока в стадии разработки.

– А как работают прочие методы?

– Основной принцип, дать понять пациенту, что он очень, очень болен. Тогда болезнь, бывает, уходит сама.

– О, это замечательно! Значит, положительные результаты все-таки имеются?

– Да, но не особо. Лечим их, лечим, этих люблюдков, а они, паразиты, не хотят выздоравливать.

– Но ведь выздоровление не столь уж и важно, главное, собственно процесс лечения!

– Да-да! Какой способный молодой человек! Вы все правильно понимаете.

– А нельзя ли нам взглянуть на сам процесс? – включилась Корова. – Ваш богатый опыт для нас очень ценен.

– Пожалуйста, – согласилась польщенная докторица, – вот как раз сейчас собираемся заняться усиленной терапией. Пойдемте в лабораторию.

Вся компания последовала за докторицей, а Корова по ходу задавала еще вопросы.

– Скажите, а они сами к вам обращаются за лечением?

– Бывает, приходят, и поодиночке, и парами. Но это в тех случаях, когда болен кто-то один из двоих. А которые боль-

ны оба, те лечиться вообще не хотят, их силой приводят.

– Зачем же так жестоко?

– А как прикажете поступать с антисоциальными элементами? Если с ними не бороться, что тогда станет с обществом?

– И какими методами вы их лечите?

– Для пар мы проводим курс обезлюбливающей терапии. А если поступает одиночка, с диагнозом неразделенной любви, так его сразу в реанимацию. Но вам повезло, у нас тут одна парочка, он ее любит, она его нет, вот и обратились к нам за помощью, добровольно. Мы подобную сознательность граждан очень приветствуем, поэтому проведем с ними облегченный сеанс, не очень болезненный.

Они подошли к операционной, которая снаружи была оборудована стеклом, а изнутри зеркалом, что давало возможность наблюдать за всем процессом, будучи незамеченными.

– Вот, видите, как удобно, – обратилась докторица к делегации. – Я отсюда буду руководить операцией, а вы можете смотреть.

Внутреннее убранство операционной было не совсем обычным, там отсутствовало главное – операционный стол с приспособлениями и инструментами. В центре стоял один лишь прочный стул с привязными ремнями, рядом с ним небольшой столик, да стеклянный шкаф, по-видимому, с медикаментами. На стульчиках у стены сидели парень с девуш-

кой, по бокам их стояли два медбрата крепкого телосложения, а еще медсестра возилась со шприцами и какими-то пузырьками.

– Так, ребята, усаживайте пациента на стул, – скомандовала через микрофон докторица.

Братья, не церемонясь, схватили парня под локти и поволокли к стулу. Тот, не ожидая такого обращения, начал было сопротивляться, но с ним быстро справились, привязав накрепко руки и ноги к подлокотникам и ножкам стула.

– Что вы собираетесь делать? – закричал парень.

– Ничего страшного, пациент, успокойтесь, это совсем не больно, – прозвучал голос докторицы из-за стекла.

– Дорого-ой! – окликнула его девушка. – Ты не волнуйся, ведь мы тебе хотим только добра! Тебя вылечат, и ты снова станешь нормальным.

– Отвяжите меня сейчас же! – снова закричал юноша. – Я отказываюсь от операции!

– Извините, у вас нет такого права, – ответила ему докторица. – Да вы и впрямь, успокойтесь, все будет хорошо.

И тут же добавила, обращаясь к братьям:

– Заклейте ему рот скотчем! Или нет, лучше возьмите лейкопластырь из аптечки, для такого симпатичного юноши не жалко.

Наша компания следила за всем этим действием с нескрываемым ужасом и удивлением.

– А зачем же рот заклеивать? – спросила Корова.

– Если они станут друг с другом разговаривать, это превратится в обычную ссору, а поскольку они могут потом помириться, то все лечение пойдет насмарку. Говорить должен только один, здоровый пациент.

– Сестра, вводи ей сыворотку! – скомандовала докторица.

– А это еще что такое? – спросила Брунхильда.

– Сыворотка правды, очень эффективное средство, она напрочь устраняет способность к дипломатии в таких делах.

– Причем тут дипломатия?

– Не будьте наивной, милочка, люди не склонны говорить всю правду как есть. Вот еще, начнет она его жалеть, уговаривать, а еще чего доброго влюбится, не дай-то бог. У нас такие случаи бывали, так что теперь мы научены горьким опытом.

– Да, не забудь вколоть хорошую дозу кофеина, – добавила докторица.

– А это зачем?

– Чтоб разговорчивей была. Пусть выговорится, как следует, уж сразу, поскорей, выложит все, что о нем на самом деле думает, а не то, что обычно, вокруг да около, да всякое такое. Иначе сеанс может затянуться надолго.

Девушка начала было возражать, мол, и так всю правду скажет, и зачем все это, и скрывать ей нечего, и только добра она желает своему несчастному, однако ей сделали строгое внушение, что это обязательная часть процедуры, и избежать ее никак невозможно. В общем, та согласилась. Сестра быст-

ренько сделала свое дело, усадила девицу на стул напротив парня и отошла в сторону.

Несчастный сидел привязанный, с заклеенным ртом, и лишь смотрел во все глаза на свою возлюбленную. Та некоторое время тоже сидела спокойно, потом вдруг оживилась, вскочила со стула и принялась ходить взад-вперед, оглядываясь на привязанного, который продолжал следить за ней глазами. А затем начала свой монолог.

– Ну, дорогой, не смотри на меня так! Ты же знаешь, мы желаем тебе только добра! Заметь, не я одна, все мы! Ведь это для твоего же блага! Ты просто очень-очень болен! Говорят, это излечимо, это скоро пройдет! Я, конечно, польщена твоим чувством, но пойми, ты не стоишь даже легкой влюбленности! Да, ты так много для меня сделал, и я тебе так благодарна, так благодарна! Я буду осыпать тебя своими благодарностями! Засыплю по самую макушку! Неужели тебе этого мало? Да, ты хороший человек и верный друг, но у меня даже и в мыслях не было рассматривать тебя в качестве возлюбленного! И не смотри на меня так! Повторяю, ты не стоишь даже мимолетной влюбленности! Говорю это не потому, что хочу тебе сделать больно, а лишь для твоего скорейшего выздоровления! Да, я часто делаю тебе больно. Но ведь я сразу извиняюсь, чего же тебе еще надо? Обещаю, всегда-всегда, делать тебе больно, и сразу извиняться! Ведь это же правильно? Клянусь, я буду очень щедро осыпать тебя своими извинениями и благодарностями! Мне их для тебя

совсем не жалко! Как и тебя самого, впрочем. Зато сейчас я скажу тебе одну очень приятную вещь: ты мне очень нравишься! Но любить тебя? О, ничего подобного даже и близко нет! И я совсем не понимаю, почему мой беззаботный флирт давал тебе такую надежду и повод?

У парня уже вовсю лились из глаз слезы. Но девица так разошлась, что даже медбратья с сестрой начали переглядываться, не пора ли ее остановить.

– Слушайте, прекратите сейчас же! – воскликнула королева. – Неужели вы не понимаете, что это издевательство!

– Не кипятитесь, милочка. Это лечебный сеанс, вы же сами просили показать. Однако его действительно придется прекратить. Но не потому, что вы этого потребовали, а потому что больной попался тяжелый. Безболезненная процедура не подействует.

– Это, по-вашему, называется безболезненно? – возмутилась королева. – А что же тогда у вас болезненно?

– Так, отвязывайте его, – не обращая внимания,скомандовала докторица. – И в реанимацию, живо!

– Господи, что вы собираетесь с ним делать?!

– Ничего особенного. Сначала курс электрошоковой терапии, пока не уgomонится, потом амбулаторное лечение медикаментами, они его окончательно успокоят.

– Вы что, хотите его в овощ превратить?!

– Ну что вы! У нас только официально сертифицированные антидепрессанты и успокоительные. Все очень гуманно,

и на благо пациента и общества, – докторица в упор посмотрела на королеву. – Милочка, да я вижу, вам самой лечение требуется!

– Ваше величество, прошу Вас, не подавайте виду, а то нас всех тут сейчас успокоят, – прошептала ей на ухо Корова. – Зверюга вон уже весь в комок сжался, он ведь тоже в вас влюблен, боится, что и его сюда упрячут.

– Хорошо, вы меня убедили, наверно так будет лучше, – притворно спокойным голосом сказала королева.

– Лучше! Конечно лучше! Даже и не сомневайтесь.

– Ну ладно, а что вы делаете, если пациент совсем не поддается лечению?

– О, на тот случай у нас имеется особое отделение, «Счастливые похороны».

– И чем же оно занимается, это ваше отделение? – еле сдерживаясь, спросила Брунхильда.

– Тоже очень гуманными процедурами. Вводится очень хороший, совершенно безболезненный укол, и пациент, наконец, обретает счастье.

– То есть, вы его попросту умерщвляете?

– Ну конечно! Вы сами рассудите, если человек не может найти счастья в этой жизни, зачем его мучить? Наш девиз: милосердие! Мы поступаем очень гуманно со всеми, кто к нам попадает. А кто упрямится и не желает получить от нас помощь, те травятся, топятся, вешаются... Ну не эстетично это, по меньшей мере, согласитесь. А еще с высоток прыга-

ют, асфальт пачкают, в общем, сплошное безобразие. Теперь понимаете, какую гуманную цель мы преследуем, и какую важную миссию выполняем?

– Да, да, вы меня окончательно просветили, – сказала королева. – Совершенно и полностью с вами согласна.

– Вот и ладненько! А заболеее, так милости просим к нам!

– Обязательно!

Парня тем временем уже отвязали от стула, и одели в смирительную рубашку. А девица все не унималась и желала ему всех-превсех благ. Ее тоже пришлось уводить под руки в «комнату для отдыха».

– Все, пора сваливать отсюда, – прошептал Адя, подавая всем знаки. – Весьма и оченно вам признательны за столь поучительную демонстрацию и лекцию.

– Приходите еще, всегда к вашим услугам! – объявила довольная собой докторица, и препроводила всю делегацию на выход.

Оказавшись на воле, компания дружно выдохнула, и тут же поспешила убраться подальше от учреждения под вывеской «УЧРОХРЗДРАВИСЧТПОХ». Удалившись на приличное расстояние, они еще долго брели с понурыми головами, храня молчание.

– Скверное заведение, – наконец, вымолвил Адя. Видимо, даже его пробрало.

– Парня жалко, – сказала Подлодка.

– А девице, похоже, сыворотку вкололи без надобности, она бы и так справилась, – добавила Корова.

– Ладно, попробуем обратиться в другие учреждения, – сказала Брунхильда. – Только теперь надо быть осторожней.

Один лишь Зверюга не проронил ни слова, думая о чем-то своем. С молчаливого согласия всех, команда отправилась на дальнейшие поиски.

Лохматая Зверюга

Лохматая Зверюга не проронил ни слова с тех пор, как наша компания покинула загадочное место, где оканчивалась крышка, но начиналась какая-то другая сторона реальности, на которую невозможно было проникнуть.

Тогда, в зеркале, Зверюга увидел нечто, поразившее его настолько, что он не знал, что подумать и что сказать, а потому ничего никому и не сказал. Там, в своем отражении, он увидел, как бы, не совсем себя. Вернее, это конечно был он, но в человеческом облике.

Несмотря на то, что его отражение, как и у всех остальных, было смутным, призрачным, Зверюга смог вполне определенно разглядеть юношу приятной внешности, с большими грустными глазами и каштановыми волосами до плеч, в костюме неизвестно какой эпохи и национальности. На нем был не то сюртук, не то длиннополый блейзер, и брюки, все из черного бархата с большими золотыми пуговицами, а также белоснежная рубашка с пышным жабо. В странном несоответствии с элегантным костюмом, ноги были обуты в лохматые мокасины из шерсти того же каштанового цвета.

Для Зверюги не подлежало сомнению то, что это был он сам, но как он мог таким быть? И что это была за реальность, в которой он предстал в таком виде?

Хотя, подобное для него уже было не вновь. Зверюга об-

ладал способностью помнить свои прошлые воплощения. Об этой своей способности он тоже никому никогда не рассказывал, поскольку даже не понимал, чем эти воплощения на самом деле являлись: то ли прошлыми жизнями, то ли превращениями, или может просто снами.

Так что, Зверюга и раньше видел себя в другом обличье и в другой реальности. Только красивым юношей еще ни разу не был. По воле некоего провидения ему, как правило, доставались brutальные персонажи, и то далеко не всегда человечьи. Сейчас, например, он вообще был непонятно кем: вроде зверь, но неизвестно какой породы, да еще разумный и вменяемый вполне, да еще наделенный незаурядными душевными качествами, если в глаза взглядеться.

Недавняя сцена «обезлюбливающей терапии» произвела на него впечатление не меньшее, чем отражение в зеркале. Зверюга погрузился в воспоминания. В одном из недавних своих воплощений он был одиноким пещерным человеком.

Точнее, отшельником он стал не сразу, а поначалу жил в первобытном племени, которое промышляло охотой и собирательством. Племя разделялось на людей и женщин. Женщины не считались полноценными и полноправными. Люди так решили, потому что были сильнее женщин. Но решили не сразу, а постепенно, по мере того как им в голову приходили мысли, что случалось нечасто.

Сначала женщины тоже были людьми. Но потом люди обратили внимание, что женщины красивее их. Люди смотре-

ли на них, смотрели, и пришла им в голову мысль: «А чего они такие красивые? А мы что, хуже?» И тогда они сказали женщинам:

– Снимайте новую одежду. Будете донашивать старые лохмотья.

– Почему? – возразили женщины. – Это несправедливо, мы не хотим!

– А мы вас побьем, – ответили люди.

– Ладно, мы согласны, мы поняли.

Но люди их все равно побили, чтобы те хорошо поняли.

И стали женщины одеваться в обноски. Но лохмотья обнажали красивые руки, и ноги, и спину, и грудь. И женщины вызывали у людей желание. Люди смотрели на них, смотрели, и пришла им в голову мысль: «А почему мы хотим их сильнее, чем они нас? Мы что, хуже? Или мы что, не можем с собой совладать? Или мы порочные, что ли?» И тогда они сказали женщинам:

– Вы похотливые. Вы блудливые. Прикройте свои тела нечестивые. Все прикройте и не показывайте. Будете показывать только когда мы разрешим.

– Почему вы все решаете, и разрешаете или не разрешаете? – возразили женщины.

– Потому что мы сильнее, – ответили люди.

– А мы тогда вам себя не дадим.

– Если будете послушными, мы подарим вам украшения.

– А если мы не послушаемся?

– Мы вас побьем.

– Ладно, мы согласны, мы поняли, – сказали женщины.

Но люди их все равно побили, чтобы те хорошо поняли.

Так они и жили. Люди думали, что они такие умные, что старались все сами решать. Но их решения не всегда венчались успехом. Женщины во многом были мудрее. Люди смотрели на них, смотрели, и пришла им в голову мысль: «А они что, разве умнее нас? Или мы что, разве глупее их?» И тогда они сказали женщинам:

– Вы глупые.

– Почему вы так считаете? – спросили женщины.

– Потому что мы умные.

– И мы тоже умные.

– Нет, вы глупые. Мы лишаем вас права голоса.

– Это несправедливо!

– Ваше мнение больше не имеет значения.

– Но это несправедливо, неправильно!

– А мы тогда вас побьем.

– Ладно, мы согласны, мы поняли, – сказали женщины.

Но люди их все равно побили, чтобы те хорошо поняли.

Так они и жили. Работы было много. Свободного времени почти не оставалось. Все трудились на равных и получали поровну, и люди, и женщины. Люди смотрели на них, смотрели, и пришла им в голову мысль: «А почему они наравне с нами? Они что, не хуже нас, что ли?» И тогда люди сказали женщинам:

– Мы будем только ходить на охоту, а вы будете делать все остальное: строить жилища, готовить еду, растить детей, выделывать шкуры, мастерить, шить одежду, и все остальное хозяйство вести.

– Почему? – удивились женщины.

– Потому что охота интереснее, проще и легче, – ответили люди. – Потому что нам так удобно.

– Но как же так?! Вы что, лучше нас?

– Да, мы лучше.

– А если мы не станем, а если мы не будем?

– А мы тогда вас побьем.

– Ладно, мы согласны, мы поняли, – сказали женщины.

Но люди их все равно побили, чтобы те хорошо поняли.

Так они и жили. Люди только охотились, а женщины готовили еду и делали все остальное. Если охота выдавалась неудачной и еды не хватало, женщины не ели, ели только люди. Люди думали: «Ведь это же мы приносим добычу. Значит, мы важнее, и так правильно». И свободного времени у них появилось много. Они важно сидели на совете людей и принимали важные решения. И так, люди смотрели на себя, смотрели, и пришла им в голову мысль: «Мы очень важные». И тогда они сказали женщинам:

– Мы важные персоны. Мы люди.

– А мы кто? А мы какие? – спросили женщины.

– Вы неважные и неполноценные. Вы не люди.

И женщины не стали возражать, потому что знали, что

иначе их побьют. Но их все равно побили.

Так они и жили. Зверюга смотрел на все это, смотрел, и сказал людям:

– Вы неправы. Это неправильно. Так нельзя.

– Ты не такой, как мы, – удивились люди, и стали все вместе на него смотреть.

– Нет, это вы не такие, как я.

– Мы тебя прогоняем.

– Нет, это я от вас уйду, – сказал Зверюга и ушел жить один в свою пещеру.

Похищение дикой девы

Зверюгина пещера была уютной, хорошей. Вход в нее, в укромном месте у подножия горы, был замаскирован порослью кустарника, густой, непроходимой. Чтобы пробраться туда, требовалось проползти на четвереньках через лазейку, секретную, одному лишь Зверюге известную.

Бывало, проходивший мимо человек доисторический, малограмотный, или зверь, совсем дикий, останавливался возле поросли и принимался пялиться на кусты, тупо соображая: «Там что-то есть? Нет. Может, что-нибудь интересное? Нет. Может, какой-нибудь корм? Нет. Ну и чего я здесь стою? Я тупой, что ли?» И шел себе дальше.

Пещера Зверюги была подобна квартире-студии, сочетая гостиную, кухню и спальню в одном просторном помещении. В центре располагался аккуратно выложенный камнями очаг. Дым от костра поднимался к своду и уходил в расщелину, ведущую куда-то вверх и, по всей видимости, наружу. Практично очень. И тепло есть, и свет, и никакого чада.

Дополнительным источником света служили факелы с четырех сторон, смолистые, яркие. Зверюга иногда зажигал их, когда хотел, чтоб веселее было.

Пол был устлан соломой, которая менялась не реже раза в неделю-две. Тоже практично очень, поскольку вместе с соломой и мусор выметался весь. Пещера содержалась в чистоте

и порядке. Потому что Зверюга и был таким, хоть и лохматым, но чистоплотным.

У него даже ванна с душем были устроены. В одном месте, прямо из стены бил родник, срываясь водопадом в объемную каменную ложбину, из которой вода стекала дальше вглубь пещеры. Сама же пещера терялась где-то далеко в недрах горы. Но Зверюга туда не ходил, там было темно и холодно, и делать там было нечего.

А еще, немаловажно, на краю каменного бассейна всегда стояла площадка с вулканической золой, перемешанной с глиной, в качестве мыла. Хочешь, принимай душ, а хочешь ванну, вода не очень холодная, а еще и вкусная такая, а может даже целебная.

В общем, жилище было со всеми удобствами. И спальное место, конечно, оборудовано комфортное. Рядом с очагом в скале как нельзя кстати находился широкий плоский выступ. Выступ был роскошно выстелен шкурами толстыми, мягкими.

Вдобавок еще по углам лежали прочие шкуры звериные, разные, для уюта. И повсюду на стенах, как свидетельства удачной охоты, рога ветвистые, и прямые, и загнутые, всякие. И ожерелья подвешены, из когтей и клыков. Клыки большие, страшные, когти длинные, острые.

Особое место было отведено для оружия, на зверей всех мастей. Копья легкие, остроконечные. Топоры увесистые, кремневые. Луки большие, изящные. Ножи обсидиановые,

как бритвы. Стрелы тоже с наконечниками из обсидиана, острые. Рогатины внушительные и убедительные. Рукоятки у всех орудий добротные, надежные, чтобы с руки не соскакивали.

Наконец, в отдельном углу аккуратно и по местам разложена незатейливая, но способная утварь: кухонные принадлежности, инструменты для выделки шкур, шитья и прочего хозяйства. Зверюга был на редкость толковым пещерным жителем. Он имел и умел все, что могло пригодиться в пещерной жизни. Не хватало ему только спутника, или точнее спутницы. Спутник ему точно не требовался, поскольку так называемых «людей» Зверюга на дух не переносил.

И вот, было Зверюге грустно и одиноко. И решил Зверюга, что нужна ему женщина. А зачем она ему нужна? Он рассуждал так. На женщину можно смотреть. Смотреть как она ходит, лежит, сидит. Смотреть как она ест, как она моется, расчесывается, прихорашивается. Смотреть как она копошится с домашними делами. Смотреть как она на тебя смотрит. Это же так интересно, на нее смотреть. Вот сейчас, кругом одно и то же, смотреть не на что. Даже огонь костра, на который можно смотреть бесконечно, и тот приелся. А вот появится женщина, на нее смотреть не надоест никогда. Если конечно и она тоже на тебя смотреть будет.

А еще женщину можно трогать. Трогать ее за волосы, за плечи, за грудь. Гладить ее спину, ее руки, ноги. Обхватывать сзади и держать, не пускать. Или обхватывать спереди и

прижимать к себе крепко. Трогать и гладить ее можно всю, во всех местах. Женщина, она приятная, потому что у нее нежная кожа, и все места округлые, пухлые, мягкие. Так рассуждал Зверюга.

А еще он думал, что о женщине приятно заботиться. Кормить ее, одевать ее, гулять с ней. Защищать от хищных зверей и липких людей. Приносить ей добычу. Смешить ее. Тормозить ее. Играть с ней. Выводить ее из себя и смотреть, как она злится, и сразу успокаивать ее, и утешать, и развлекать, по-всякому, потом можно придумать как.

И решил Зверюга, что ему нужно добыть женщину. А как ее добыть? Очевидно, украсть, или выкрасть, или похитить, как угодно. Поймать ее и притащить в свою пещеру. Понятно, что она будет визжать и вырываться, поэтому надо держать ее крепко и тащить к себе. Все просто.

Итак, Зверюга отправился искать подругу. Вариантов для поиска было немного: либо свое бывшее племя, либо чужое. Но до чужого далеко добираться, поэтому он пошел к своим. Стойбище племени располагалось в долине, окруженной горами и лесом. По дороге Зверюга время от времени останавливался и прислушивался. Вскоре откуда-то издали слышались голоса, и он двинулся в направлении к ним.

Женщины паслись на лесной поляне, собирая ягоды. СобираТЕЛЬСТВОМ занимались в основном молодичицы, у которых не было малых детей. «Какая роскошь! – подумал Зверюга, во все глаза на них глядя. – Глупцы. Не охраняют свою рос-

кошь, не ценят». Он притаился в зарослях и стал наблюдать. Надо было кого-то выбрать. Наконец, он остановил взгляд на одной понравившейся ему особи. Она находилась как раз с ближнего края.

Зверюга внезапно выскочил на поляну, схватил свою жертву, взвалил ее на плечо и побежал в лес. Остальные от неожиданности и испуга сначала замерли, потом закричали, но в погоню за похитителем никто не кинулся. Привыкнув к положению низшего сословия, женщины не умели за себя постоять.

Зверюга бежал, насколько хватало сил. Женщина была не крупная, но и не тощая, а хорошая такая, в теле, и весила немало, все-таки. Разумеется, она брыкалась и орала на весь лес. Так что, картина первобытного похищения, в отличие от идиллических полотен «Похищения Прозерпины», «Европы» или «Психеи», смотрелась весьма эпатажно. Лохматый дикарь в шкуре, со своей жертвой, такой же дикой и полюбленной.

Добравшись до своего логова, Зверюга опустил женщину на землю и приказал ей лезть в узкий проход меж кустов, ведущий в пещеру. Для пущей убедительности он толкал ее руками в попу. Она визжала, но лезла. Оказавшись в пещере, женщина начала озираться по сторонам, не прекращая орать.

Зверюга, немного отдышавшись, сказал ей:
– Чего ты орешь? Я тебя не съем.

Но та не переставала. Тогда он обхватил ее и крепко прижал к себе. Она тут же успокоилась и наконец-таки затихла. Зверюга усадил ее на мягкую шкуру, зажег факелы и занялся очагом. Дикая дева, все еще испуганно, но с любопытством следила за ним.

Зверюга думал, вот, теперь у него есть женщина. И она смотрит на него. Как это здорово! И он тоже может на нее смотреть, сколько угодно. И даже трогать. Хотя нет, пока не трогался достаточно. Первым делом, ее надо накормить. У Зверюги имелись кое-какие припасы, но ему хотелось угостить свою женщину чем-нибудь свежим и вкусным.

Собираться Зверюге долго не пришлось, он взял копье, лук и стрелы, а нож всегда был при нем, на поясе. Идти тоже далеко не надо, вся охота рядом, в лесу. Он обратился к женщине:

– Сиди здесь, никуда не уходи. Кругом хищные звери, они царапаются и кусаются. Поняла?

– Да, мой господин, – молвила дева, впервые подав человеческий голос.

– И чего ты такая чумазая! Иди умойся, видишь, у меня тут целая купальня. А это тебе, – он протянул ей красивый костяной гребень для волос.

Она взяла гребень и с видимым удовольствием принялась вертеть его в руках.

– Я скоро, – сказал Зверюга и вышел из пещеры.

Чтоб женщину накормить, надо мяса свежего добыть, и

шкуру неплохо бы. Теперь их двое, думал Зверюга, и требуется всего больше. Самой подходящей кандидатурой для такой sprawy было тупое животное, рогатое. Зверюга знал, где обычно пасется тупое животное, и направился туда, недалеко совсем.

Чтоб животное добыть, надо к нему подобраться незаметно, а потом выбежать внезапно и поразить его копьём в шею. Так быстрее и вернее. Зверюга стал осторожно подкрадываться к поляне, где паслось тупое животное. Но неожиданно и непредвиденно все таинство охоты расстроила глупая птица. Она почему-то увязалась за Зверюгой, может из любопытства, а может из вредности, и всячески выдавала его присутствие своими глупыми криками: «Кли-кли-кли».

Птица была большой, нелетающей и очень глупой. Она бегала вокруг Зверюги на длинных лапах, стараясь его клюнуть, и все кричала: «кли» да «кли». Чего она добивалась, было непонятно, однако охоту всю портила. Зверюга пытался отогнать птицу, но та не отставала. Так, отбиваясь от птицы, Зверюга неожиданно для себя оказался на поляне, чуть не столкнувшись нос к носу с животным.

Тупое животное жевало траву и равнодушно смотрело на Зверюгу. «Так не пойдет, – подумал он. – Что это за охота такая, совсем неинтересная, неопасная». Охота в девственном лесу и впрямь была несложной: зверей и птиц полно, и никто Зверюгу не боится. С досады, он стукнул уже надоевшую птицу копьём по ее глупой башке, и та свалилась замертво,

даже не поняв что произошло.

Тупое животное ничуть не удивилось разыгравшейся сцене и продолжало жевать свою жвачку с полным безразличием. «Ладно, – подумал тогда Зверюга. – Птица большая, мяса хватит. И то неплохая добыча. Наверно и вкусная к тому же».

Он совершил ритуал «отпевания» добычи, как по обыкновению делал в подобных случаях. Сказал птице: «Ты, глупая птица, была глупой птицей, а теперь твоя душа вселится в высшее существо, может быть даже в женщину, красивую, с умными глазами. И будешь ты умная и счастливая, женщина-птица, красивая».

Зверюга поднял добытую дичь и поспешил обратно, в свою пещеру, к своей женщине. Та ждала его, сидя на лежанке, устланной мягкими шкурами, уже умытая и причесанная.

– Проголодалась? – спросил Зверюга.

– Да, мой господин, – ответила дева.

– На вот, погрызи пока, – он протянул ей плод сладкого дерева, который сорвал по дороге.

Она взяла и с удовольствием принялась грызть плод, глядя на своего господина, а тот с удовольствием поглядывал на нее, занимаясь приготовлением ужина.

Зверюга быстренько оципал птицу и посадил ее на вертел над огнем. Вскоре аппетитно пахнущее блюдо было готово.

Зверюга и его женщина

Зверюга снял птицу с вертела и принялся кормить свою женщину. Он отрезал самые вкусные кусочки и протягивал ей, она брала и ела. Сам Зверюга пока не ел. Главное, что она ела, и на него смотрела. Ему это очень нравилось, и он не мог налюбоваться. Он спросил ее:

– Почему ты не спрашиваешь, почему я не ем?

– Почему ты не ешь, мой господин? – спросила она.

– Потому что мне нравится смотреть, как ты ешь.

Зверюге очень нравилось смотреть, как ест женщина. Потому что, если женщина ест, значит, все хорошо. Это очень много значит. Потому что, если женщина ест, это означает, что на данный момент есть еда, есть кров, и все спокойно и благополучно.

Накормившись вдосталь, дикая дева устроилась полулежа на мягких шкурах и принялась следить за тем, что делает ее господин. Зверюга и сам тоже покормился, а после решил сработать мягкую подушечку для своей женщины, из перьев птицы, чтоб не пропадали, и чтоб женщине было уютно спать.

У Зверюги были отрезки тщательно выделанной кожи, он взял их, раскрыл как надо, взял так же костяную иглу и нитки из тонких жилок, и сшил отрезки кожи так, что получилась наволочка. Он набил ее перьями. Хватило на хорошую

подушку, птица была большая, и перьев и пуха много. Потом наволочку зашил, и получилась подушечка мягкая, хорошая. Зверюга для своей женщины старался, весь вечер возился. Справившись, он поразмял подушечку, повзбивал, и дал ей:

– Возьми, это тебе.

Она, ни слова не говоря, взяла подушечку, и довольная, прижала к животу.

Настало время сна. Зверюга потушил факелы, подбросил толстых дров в очаг и улегся на лежанку. Его женщина уложилась рядом с ним. Это ему тоже очень нравилось. Теперь он не один, рядом лежит его женщина и смотрит на него. Он сказал ей:

– Положи подушку под голову, будет удобней.

Но она обняла подушечку, прижав ее к груди, и так лежала, глядя на него. «Дикая», – подумал он, а вслух сказал:

– Ладно, как хочешь.

Зверюга заботливо укрыл свою женщину самой лучшей, самой уютной шкурой, а сам накрылся другой, чуть поплотше. Едва лишь он это сделал, а дева уже засопела, уснув довольная и успокоенная. Он осторожно погладил ее волосы, и еще долго лежал и смотрел на нее, и слушал как она сопит, и чему-то про себя улыбался, а потом и сам уснул.

На следующий день Зверюга решил, что надо ему приодеть женщину. На ней были какие-то старые лохмотья, едва прикрывавшие тело. Он собрался и сказал ей:

– Я иду добыть дикого зверя, пушистого. Никуда не выхо-

ди без меня. Жди меня. Поддерживай очаг. Поняла?

– Да, мой господин, – ответила дева.

– Ну я пошел.

И Зверюга отправился на поиски дикого зверя, пушистого, из шкуры которого можно было сшить одежду для женщины. Дикий зверь, пушистый, обитал на деревьях, охотясь на птиц. Это был достаточно крупный зверь, с очень красивой мягкой шкуркой, но и опасный очень. Сильно царапался и больно кусался. И добыть его было трудно. Топором зверя не взять, копьем не достать, только из лука подстрелить разве что, изловчиться, да и то сложно, уж очень подвижный зверь.

Как обычно, искать поживу долго не пришлось. Охота же вообще превратилась в одну стремительную схватку. Зверюга снова наткнулся на глупую птицу, уже другую, конечно. Глупая птица стояла под деревом, задрав голову кверху, лапы расставив, а крылья растопоршив, и кричала: «Кли-кли-кли!» И чего, и зачем кричала? А наверху, на ветке, дикий зверь качался, пушистый. Качался он, качался, а потом прыгнул на птицу, да разом свернул ей шею. Зверюга быстро прицелился из лука и попал зверю дикому, пушистому, прямо в голову, куда и целился, чтобы шкуру не портить. В тот же миг на Зверюгу вдруг набросился невесть откуда взявшийся другой зверь дикий, пушистый, с лапами когтистыми. Зверюга мгновенно выхватил нож и полоснул зверя по горлу, но тот все же успел его сильно подрать когтями.

«Надо же, – подумал Зверюга, стоя над своими трофеями. – Тот зверь, второй, наверно женщину свою пытался защитить, и вместе с ней смерть принял. А птица глупая, какая! Будто нарочно смерти ищет. Переродиться, может, хочет побыстрей?»

Зверюга, как всегда, отдал почести своей добыче: «Вы, звери дикие, были зверями пушистыми, а станете людьми благородными, справедливыми. Будете женщин своих защищать и добычу им приносить. А ты, птица лесная, была птицею глупой, неразумной, а станешь ты умной и мудрой. Стань той, кем сама бы хотела».

Зверюга снял шкуры со зверей, взвалил их на плечи, а птицу за лапы взял, и зашагал обратно, в свою пещеру, к своей женщине. Ему повезло, вместо одного зверя он добыл двух, да еще птицу в придачу, вкусную. Единственной досадной неприятностью были глубокие царапины, что зверь оставил. Зверюга по дороге нарвал травы целебной, чтобы раны потом заживить.

Дева встретила его в пещере и с интересом разглядывала добычу. На царапины внимания не обратила. Не обратила особого внимания и тогда, когда Зверюга залечивал свои раны, накладывая на них мазь из растертой травы. Что ж, как и прежде, он быстро справился и с приготовлением ужина, и со своими проблемами. Он снова кормил свою женщину и смотрел, как она ест.

Когда подошло время ко сну, они легли, и она опять за-

снула легко и засопела блаженно. А он опять лежал и смотрел на нее, и улыбался себе, и слушал, как она сопит, и даже потрогал тихонько за плечи и грудь, совсем тихонечко, чтоб не проснулась. Женщина украшала его жизнь, остальное было неважно.

Следующие несколько дней ушли на изготовление одежды для женщины. Шкуры пушистых зверей надо было высушить и выделать очень тщательно, чтобы они были мягкими, приятными. Когда Зверюга примерял на женщину отрезки шкуры, а он это делал довольно часто, нарочно наверное, то пользовался случаем обнять ее и прижать к себе. Она не отстранялась, но и взаимности не проявляла.

Однако Зверюга довольствовался и тем, что в его жизни была женщина, которую можно хоть иногда обнять и прижать. А еще его жизнь была теперь наполнена приятными хлопотами и отрадными заботами. Наполнена как новым смыслом существования и целью даже.

Зверюга трудился над одеждой для своей женщины прилежно и старательно. И наконец, настал момент, когда первобытный шедевр от кутюр был готов. Получились очень симпатичные штанишки до колен и курточка с рукавчиками до середины предплечий. Дикая дева, облаченная в подобный наряд, теперь выглядела не такой уж и дикой. Конечно, она была довольна. Или скажем так, очень довольна. Но еще больше был доволен Зверюга. Женщину в пушистой и мягкой шубке стало еще приятнее обнимать и гладить.

Принарядивши подругу, Зверюга впервые вывел ее в свет. Когда они выбрались из пещеры, он взял ее за руку и провел по извилистой тропинке вверх до середины горы. Там они сели у высокого обрыва и любовались панорамой лесной долины, утонувшей среди гор в лучах заходящего солнца.

Пока они сидели, наблюдая закат, Зверюга несколько раз ненавязчиво обнял свою женщину за плечи и талию. Та по-прежнему не возражала, но и никакой симпатии в ответ не выказывала. Когда они, как обычно, легли спать, Зверюга долго не мог заснуть и все думал, как бы добиться взаимности от горячей и в то же время такой холодной девы. И решил он, что нужно подарить ей украшения.

А как их добыть? Отобрать у других женщин? Нет, так не годится, надо самому сделать. Но прежде, требуется камни найти красивые, самоцветные. А камни красивые, самоцветные, водились на самой вершине, на самой макушке горы, на горице, куда было очень трудно забраться. Но Зверюга так решил и отправился туда на следующий же день.

Итак, полез он на самую макушку, на гору, на горицу. Путь был нелегким и пролегал через крутые склоны, осыпи и узкие тропы над обрывами. Один раз Зверюга чуть не сорвался в пропасть, и в кровь искалечил руки и ноги, но до верхушки все-таки добрался. Там он нашел камни самоцветные. Выбрал самые красивые, сложил их в кожаную котомку и двинулся обратно, в свою пещеру, к своей женщине.

Женщина по своему обыкновению ждала его, располо-

жившись на мягкой шкуре у огня. Зверюга вывалил перед ней камни из котомки:

– Видишь, это все тебе.

Глаза у нее загорелись.

– Нравится? – спросил он ее.

– Да, мой господин! – ответила та с восторгом.

Может, теперь ее сердце растает, подумал уставший Зверюга и принялся залечивать свои раны. Дева перебирала и рассматривала самоцветные камни, не задумываясь о том, как они достались и не обращая внимания на беду своего господина.

Ну да ладно. Зверюга опять несколько дней прилежно трудился, стараясь сделать для своей женщины самые лучшие, самые красивые вещи, какие только можно было изготовить в тех условиях. Наконец, работа была закончена, и наступил торжественный момент. Зверюга надел своей женщине браслеты на руки и ноги, а на шею повесил ожерелье.

Дева была довольна как никогда. Она ходила взад-вперед по пещере, и любовалась своими драгоценностями, и своему господину показывала, как она хороша собой в них. И Зверюге все это тоже очень нравилось. Однако в душе у него вновь поселились уже было забытые грусть и тоска. И он как прежде испытывал чувство одиночества, несмотря на то, что с ним была его женщина.

Когда они улеглись, она не сразу заснула, а все показывала руки и ноги, и любовалась своей красотой. Он спросил ее:

– Ты не скучаешь по дому?

– Нет, мой господин, – ответила дева.

– Ну что ты заладила! – не выдержал Зверюга. – Я тебе не господин.

Он обнял ее и прильнул губами к ее волосам. Ее волосы пахли лесом. Он зарылся в них и лежал так, прижав свою женщину к себе. Она тоже лежала спокойно, но через несколько мгновений он уже слышал привычное сопение.

Наказанные любовью

Зверюга всю ночь не мог заснуть, а все ворочался и думал.

Наутро он покормил ее и сказал ей:

– Я не могу так больше. Отведу тебя обратно в стойбище.

Собирайся.

– Почему, мой господин? – удивилась дева. – Я не хочу.

– Ты меня любишь? – спросил он ее.

– Да, мой господин.

– Врешь. Ты любишь то, что я имею, и что даю тебе.

– Но мой господин, мне хорошо с тобой!

– Конечно, тебе хорошо, потому что я о тебе забочусь. Но я не могу жить с той, которой я безразличен. А ты скорей полюбишь того, кто тебя бьет. Идем.

Она расплакалась. Однако Зверюга принял решение и был непреклонен. Он вручил ей подушечку и мягко подтолкнул к выходу.

Через лес они шли молча. Дева брела, опустив голову и прижав подушечку к животу, время от времени всхлипывая. Зверюга был мрачнее тучи. Он понимал, что поступает жестоко и как-то очень нехорошо. Он делал то, отчего и ему, и ей теперь плохо, очень плохо. Но он не знал другого выхода. Ему было больно, очень больно. Но еще больнее быть с ней и чувствовать ее безразличие.

Зверюга довел ее до того места, откуда уже виднелось

стойбище племени, и дальше она побрела сама. А он, развернувшись, пошел, нехотя, медленным шагом, обратно в свою пещеру, где уже не было его женщины. Вот, была она у него, а теперь ее нет. Ему стало буквально физически плохо, но он иначе не мог, или не умел. Единственное оправдание он видел в том, что она не приложила ни малейших усилий, чтоб хотя бы притвориться и сделать вид, что он хоть что-то для нее значит. Но она даже не пыталась.

Жаль только, думал он, люди все у нее отберут, и украшения, и подушечку, и курточку, и штанишки. Жалко ее. Ладно, сама виновата. Но в чем она перед ним виновата? В том, что не притворилась, что любит его? А почему она должна была притворяться? И почему она должна была его любить? Только потому, что он для нее что-то сделал? Но разве влюбляются почему-то или за что-то?

* * *

Очнувшись от воспоминаний, Лохматая Зверюга обнаружил себя бредущим понуро в команде участников «экспедиции крышки», которые продолжали поиски решения крышечной проблемы.

Он плохо помнил, что было после расставания с подругой, и как он жил дальше один в своей пещере. Помнил только, что постоянно обвинял себя в том, что поступил нехорошо, неправильно, и так же постоянно себя оправдывал. В итоге

его сердце ожесточилось, и кажется, именно поэтому он обрел свой нынешний звериный облик. Хотя способность любить не утратил.

Зато сам стал таким, в кого влюбиться едва ли кто-то был способен. Какие у него шансы с Брунхильдой? Смешно. Как будто Создатель нарочно наказал его за то, что он тогда повел себя так некрасиво. А еще наказал наверно для того, чтобы он, Зверюга, что-то понял. Ведь он до сих пор так и не понял, зачем дается любовь, и как она возникает, и почему один другого может любить, а другой в ответ не может.

Но разве есть кто-нибудь, хоть один на свете, кто сумел разгадать все эти загадки? Или ответов на все эти «как, зачем и почему» вообще не существует? А есть лишь любовь, как она есть, и нужно просто любить, если можешь, не задаваясь вопросами? А если не можешь не задаваться, тогда лучше и не любить вовсе? Но ведь любовь, она не спрашивает, можешь ли ты, и хочешь ли, а просто поражает тебя, как болезнь, и тогда, как говорится, это уже твои проблемы.

Болезнь? У Зверюги перед глазами всплыл недавний сеанс «обезлюбливающей терапии», из которого наибольшее впечатление на него произвели слова «ты не стоишь даже легкой влюбленности», будто о нем сказанные.

Итак, не переставая терзать себя мрачными мыслями, Зверюга брел молча в компании наших друзей. Его раздумья прервал внезапно раздавшийся звук сирены, характерный для кареты скорой помощи. Тут же и сам автомобиль

вывернул из-за угла, обвешанный проблесковыми маячками, как новогодняя елка. Поравнявшись с компанией, он резко затормозил и остановился.

– Ой, смотрите, это же та, сумасшедшая докторица! – воскликнула Желтая Подлодка.

Из кабины скорой и впрямь вылезла докторица, и подбоченясь, обратилась к ним:

– А, старые знакомые, практиканты! Куда путь держим? У меня тут появились некоторые сомнения, по поводу. Похоже, среди вас есть больной. Я еще тогда заподозрила, но как-то упустила из виду, – сказала она, вперивши взгляд в Зверюгу. За ее спиной тут же выросли два крепких медбрата.

– Вы глубоко заблуждаетесь, глубокоуважаемая коллега, – отвечивал за всех Адя, умудренный опытом заговаривания зубов. – Мы все отменно здоровы и до чрезвычайности далеки от заболеваний вашего профиля.

– А вот этот, лохматый, по-вашему, тоже здоров? Это ж до какого состояния себя довести надо! Острый рецидив!

– Да помилуйте-с, наш товарищ всего лишь слегка перебрал вчера, и ему сейчас требуется скорей вытрезвитель, нежели ваша, хоть и скоропостижная, но весьма почтеннейшая помощь.

Зверюга сердито покосился на Адю, но благоразумно смолчал. Они все были на грани попадания в переделку. Докторица не унималась:

– Меня не проведешь, я больных за версту чую!

– А откуда и куда вы так спешили, позвольте полюбопытствовать? – Адя сделал попытку увести разговор в сторону.

– Очень тяжелую и опасно больную подобрали. Сознательные граждане вовремя сообщили. Представьте, слоняется по улице, вся растрепанная, в невменяемом состоянии, какие-то стихи постоянно читает, не ровен час, заразит еще кого.

– А-я-я-й, это ж надо! – продолжал заговаривать Адя. – Как хорошо, что вы всегда на страже общественного здоровья. А нельзя ли взглянуть на больную, в качестве перенимания вашего ценного опыта? Ведь мы, молодые практиканты, обязаны брать с вас пример!

– Ладно уж, в таком качестве можно. Натe, смотрите.

Докторица приоткрыла дверцу скорой. Там сидела молодая, но сникшая женщина. Она как заведенная читала одни и те же стихи, раскачиваясь и глядя в никуда.

«Я улыбаться перестала,
Морозный ветер губы студит,
Одной надеждой меньше стало,
Одною песней больше будет.
И эту песню я невольню
Отдам на смех и поруганье,
Затем, что нестерпимо больно
Душе любовное молчанье».⁷

⁷ А. Ахматова.

– Вот видите, до чего болезнь довести может! – напугствовала докторица своих «практикантов». – Стихи тоже большие, но и те истину глаголют. Чем меньше глупых надежд, тем больше здоровых песен. И жить веселее, и общество здоровее. А чтоб губы не простудить, одеваться теплее нужно, и гигиенической помадой их смазывать. А то, что нестерпимо больно, так это мы поправим, вмиг приведем в порядок.

Дальше события развивались настолько стремительно, что докторица с медбратьями, остолбенев, не успели и пошевелиться. Да и вся наша команда замерла от изумления. Зверюга у всех на глазах вдруг трансформировал свой облик, подобно тому как бывает в кино. Но то в кино. В реальности же смотрелось совсем нереально. Лохматое чудовище, в считанные мгновенья, превратилось в миловидного юношу с каштановыми волосами до плеч, одетого в черный бархатный костюм с золотыми пуговицами и белоснежную рубашку.

Из всех присутствующих один Зверюга не успел заметить своего превращения. От того, что он увидел за дверцей скорой помощи, у него похолодело в груди. Там сидела его женщина! Нет, едва ли это могла быть она, та самая, ведь сколько тысячелетий минуло с тех пор. Но ведь и он тоже себя помнит оттуда, из того времени. И ведь он тоже здесь, хоть и в другом обличье. Могло ли случиться такое, что это была действительно она? И неужели не только он был наказан, но и она, каким-то непостижимым образом, очутилась здесь, и

с той же проблемой?

Раздумывать и разбираться было некогда. Зверюга, или точнее его новый «релиз», схватил женщину, взвалил ее на плечо, и как прежде, побежал что было сил, прочь...

Остановка сновидения

Если когда-нибудь случится так, что читатель, задремавший с этой книгой в руках, вдруг проснется и обнаружит, что в сон его склонил мерный шелест волн, набегающих на песчаный берег там, где легкий бриз качает пальмы, где жаркий воздух колышется в мареве, где бодрствование незаметно перетекает в полузабытье, а явь в сновидение, тогда, быть может, ему посчастливится увидеть некую границу, за которой начинается другой мир, неизмеримо громадный, в сравнении с тем крошечным островком материальной действительности, который нам представляется бескрайней Вселенной.

И тогда, быть может, ему посчастливится разглядеть, как с той стороны зеркала две особы экстраординарной внешности тщетно пытаются проникнуть на эту сторону. У одной из них лицо в ритуальной багровой раскраске, черные волосы каре и длинное платье из темного бархата с бриллиантовым воротничком. У второй на лице театраль- ный грим синего цвета, голубые волосы и зеленый комбинезон с большим розовым бантом на поясице. Внимательный наблюдатель действительно может увидеть в зеркальном мираже диву Матильду и жрицу Итфат, потому что все, что происходит здесь и сейчас, одновременно происходит и там. Ведь между тем миром и этим временной дистанции

просто не существует.

Мы оставили диву и жрицу возле зеркала после их безуспешных попыток вырваться из метареальности, в которой они оказались по воле провидения. Подруги еще не успели прийти в себя от нежданно обретенных вторых имен, как в окружающей среде вновь начали происходить пугающие изменения.

Дневной свет, исходящий неведомо откуда, поскольку солнце на том небе отсутствовало, вдруг стал заполняться полумраком. Но не так, как это бывает, когда смеркается, и день постепенно переходит в ночь. Сумрак вливался в атмосферу клочьями и разводами, подобно чернилам, капнутым в воду. Темные разводы быстро поглощали освещенное пространство, словно тьма была материальной субстанцией.

– Фати, что происходит? – воскликнула Матильда. – Я боюсь!

– Тебе еще не надоело бояться? – ответила Итфат. – Я так уже почти привыкла.

– Ну ты в своем репертуаре! Говоришь о боязни как о занятии!

– Конечно, это занятие. Ты сейчас занимаешься тем, что боишься.

– А ты не боишься?

– Нет, я пугаюсь.

– А это что, не одно и то же?

– Когда я боюсь, я в панике, а когда пугаюсь, то собира-

юсь.

– Куда собираешься?

– Не куда, а во что. В кучку себя собираю, чтобы встретить опасность.

– Ты лучше меня собери-и-и! – завизжала Матильда, пытаясь отогнать от себя тьму, как дым. – Нет не надоело мне бояться-я-я!

– Тили-Тили, смотри, как интересно, – Итфат провела руку сквозь темный развод, и за рукой потянулся светящийся шлейф. Затем она сама вошла в клубящуюся тьму и покружилась. Вся ее фигура тут же озарилась яркой аурой.

– Фати, мне эти фокусы совсем неинтересны! Ты меня не успокоишь, происходит что-то ужасное!

– Ну ладно-ладно! Ты же сама говорила, что бы здесь ни происходило, все ужасно. Но мы до сих пор живы-здоровы.

– Фати, я удивляюсь твоему спокойствию!

Через считанные мгновенья клубы полумрака заполнили уже все пространство, и только с реальной стороны зеркала по-прежнему беззаботно сиял морской пейзаж, смотревшийся как экран из темного кинозала.

– Вот видишь, – сказала Итфат, – хочешь, не хочешь, а придется успокоиться. Невозможно ведь продолжать тревожиться по поводу того, что уже наступило и длится.

– Нет возможно! Нет возможно! – не унималась Матильда.

– Ну все, все, Тили, представь, что просто наступила ночь.

– Что мы теперь будем делать?

– Пойдем к мегалиту.

– Я боюсь туда идти, там темно и страшно-о-о!

– Зато внутри него светло и есть корм. Ты разве забыла?

– Да? – удивилась Матильда, словно впервые об этом узнав. – Корм? Я бы сейчас что-нибудь съела.

– Вот и пойдем, потихонечку-потихонечку, все видно, и совсем не страшно не страшно.

Итфат взяла Матильду за руку и повела за собой, как ребенка. Та и впрямь успокоилась и послушно последовала за жрицей. Было хоть и темно, но окружающая обстановка все же проглядывалась, и контуры домов чернели неподалеку, среди которых башня мегалита выделялась еще более черным силуэтом. Зато фигуры подруг были окутаны светящимися аурами, что придавало жутковатой ночной прогулке оттенок фэнтезийной романтики.

– Вот ты какая, Тафти, – сказала Матильда. – Отважная жрица. А я без тебя тут просто легла бы и померла.

– Тили, не произноси мое второе имя понапрасну. Вернее, произноси его, но только в особых случаях. А я буду так же поступать с твоим.

– Это почему? Почему это?

– Мне кажется, здесь оно имеет какой-то магический смысл. Когда я его впервые услышала, у меня в голове пронесся целый шквал воспоминаний и знаний, но затем он так же внезапно исчез, и в моей памяти опять туман. А сейчас,

когда ты меня так назвала, мне вспомнилось то, что я знала о мире сновидений.

– И что же?

– Я тебе уже говорила, что метареальность, где мы находимся, и пространство сновидений, это одно и то же. Когда мы видим сон, наше внимание летает здесь. А сейчас мы не только во внимании, но и в теле.

– Так, и что же?

– Сновидение крутится лишь тогда, когда присутствует наблюдатель. Если наблюдателя нет, в этом мире все покоится, как в статичной картине. Все события, все эпохи заморожены в одном бесконечном ландшафте. Течения времени нет. Но стоит сновидящему проникнуть сюда своим вниманием, и картина оживает. Внимание запускает время. Или точнее, время в метареальности проявляет себя как течение лишь потому, что внимание здесь летает и смотрит.

– Хела! Как в кино, что ли? На киноленту отснято – покоится. А когда смотрим – движется.

– Да, только я не понимаю, почему остановились эти серые манекены? Они ведь персонажи сновидения, а сновидение должно крутиться, поскольку мы как наблюдатели присутствуем.

– Но тут не все остановлено. Постоянно что-то происходит, даже гламроки и вода, как ты сама заметила, дви-

гаются, только замедленно.

– Но почему наше время не синхронно с их временем?

– Да бог его ведает. Я проснулась, со мной все в порядке, а они как статуи.

– Похоже, остановка произошла в момент моего появления. Когда я здесь очутилась, мне показалось, что время замерло.

– А что ты делала перед этим в реальности, не помнишь?

– Нет.

– Давай, Тафти, вспоминай!

– Тафти-Тафти, эрица-эрица, чем же ты занималась? – спросила сама себя Итфат. – Погоди, Илит, а что ты сама делала, с зеркалами в театре? Ой, твое второе имя по отношению к тебе звучит как-то странно... Будто к твоему двойнику обращаюсь.

– К моему отражению, ты хочешь сказать? Мы тогда зеркала на полу и на стенах установили, чтобы зритель не мог уловить, где настоящее, а где мнимое. Что-то в этом роде.

– С зеркалами шутить нельзя. Реальность сама зеркальная, она не любит, когда играют с ее моделями. Она тоже, может такую шутку выкинуть, что не обрадуешься, как вышло с тобой, например.

– Да, наверно ты права. А мне еще известно, что реальность не любит, когда в нее пристально всматриваются.

– Как это?

– В квантовой механике есть такое понятие, принцип неопределенности называется.

– Тили, откуда ты такие слова заумные знаешь? По тебе не скажешь.

– Ага! А я сейчас не Тили, я Илит! У меня бой-френд был, студент-физик, так он мне много чего нарасказывал. Я тогда не все поняла, но кое-что запомнила.

– Давай-давай, выкладывай.

– Так вот, этот принцип неопределенности состоит в том, что, если пристально взглядываться в реальность, она ускользает.

– Как понять, ускользает?

– Не хочет себя показывать, свою суть. Например, если попробовать досконально выяснить, из чего состоит луч света, так он не дается. То сплошным потоком прикидывается, а то вдруг оказывается, что он распространяется порциями, квантами. И чем внимательней его рассматриваешь, тем непонятней становится, что такое свет.

– Тили, это все удивительно, потрясающе! И я вспомнила! – Итфат отпустила руку подруги и принялась кружиться, как делала всякий раз, когда была чем-то взволнована. За ее платьем тут же потянулся шлейфом светящийся вихрь.

– Вспомнила-вспомнила!

– Фати, ты опять меня пугаешь! Дай мне руку! Ты можешь говорить спокойно?

— Ну ладно, ладно. Похоже, перед тем как здесь очутиться, я как раз и занималась пристальным разглядыванием реальности.

— В каком смысле?

— Есть такая магическая практика. Когда находишься в пограничном состоянии между сном и явью, тебе может открыться истинная природа реальности.

— И тебе что-то открылось?

— Да, я увидела, что реальность двигается не сплошным потоком, а порциями, как свет, о котором ты рассказывала.

— В самом деле, что ли? Кино тоже складывается из отдельных кадров.

— А как вы его смотрите? Картинку за картинкой?

— Нет, кинолента быстро прокручивается, и кадры сливаются в непрерывное движение, даже мелькания незаметно.

— Значит, ваше кино, это одна из моделей реальности. Все сходится. Реальность дискретна, вот что я увидела!

— Интересно. Выходит, ты разозлила реальность тем, что застала ее врасплох, за переодеванием, и она забросила тебя сюда?

— Да, реальность не хочет раскрывать свои секреты, как снимается ее кино. Но мне по-прежнему непонятно, почему сновидение остановилось.

— А, ну так это наверно все тот же принцип неопреде-

ленности. Реальность старается ускользнуть, когда ее разглядываешь, а может и совсем замереть, как делает жук, когда его берешь в руки.

– Вот оно что! Тили, ты вовсе не такая простушка, какой иногда кажешься.

– Сама ты простушка-веснушка!

– Если мы вернемся в мой мир, сделаем тебя жрицей.

– Покорно благодарю. Не хочу быть жрицей, хочу быть обычной девицей.

– Ты необычная. Ладно, будешь дивой. У нас тоже есть что-то наподобие вашего театра.

– Да? Вот, этого я хочу. Но давай продолжим. Что ты там говорила по поводу наблюдателей?

– Наблюдателем является наше внимание, – сказала Итфат. – Здесь, в пространстве сновидений, внимание запускает кино и смотрит его как сон. В реальности же, с той стороны зеркала, наоборот, кино крутится само, а внимание живет в нем.

– Живет как персонаж в кинокартине? – спросила Матильда.

– Мы и там, и тут персонажи.

– Тогда в чем разница между тут и там?

Итфат на минуту задумалась.

– Знаешь, принципиальной разницы вроде как и нет. Я еще не до конца разобралась. Реальность, как ты говоришь, ускользает, когда пытаешься в ней разобраться. Условно

можно считать, что там все материальное, а здесь виртуальное.

– Но мы же тут в своих телах?

– С точностью можно утверждать лишь то, что мы в своих манекенах. Разница между материальным и нематериальным тоже условна. В сновидении ведь, все предметы ощущаются нами как твердые. Если, конечно, внимание находится в манекене. Я, пока свой манекен не встретила, сквозь стены проходила.

– А я? Мое настоящее тело все-таки здесь, или там осталось?

– Судя по тому, что твой Виктор сокрушался: «Где ты, моя Тиличка, моя ляля», – твоего тела не обнаружили. А вот насчет меня, не знаю. Мы видели только мою статую, а если тело осталось там, то его похоронили.

– Фати, так ты что тогда, не сможешь туда вернуться?

– Смогу-смогу! Реальность может все что угодно устроить, если захочет. Если с ней договориться. А мы договоримся, не сомневайся.

Наблюдатели и персонажи

– Ух, – выдохнула Матильда, очутившись, наконец, внутри мегалита. – Прямо жуть! Жуть прямо!

– Вот мы и дома, – сказала Итфат.

Да, после жутковатой прогулки во тьме, которая, как оказалось, могла быть вязкой, подруги вернулись к исходной точке своего пребывания в метареальности.

– Фати! Если это наш дом, плохи наши дела.

– Ладно-ладно! Зато здесь светло, и видишь, стульчики и столик на месте, и покормят нас наверно опять.

Они подошли к черному цилиндру и уселись передохнуть.

– Теперь твоя очередь, – сказала Матильда. – Ты будешь меня кормить, а я буду тебя лакомить.

– Как это, лакомить? – спросила Итфат.

– Увидишь. Давай, попробайся теперь ты задать цилиндру свое меню. Я хочу попробовать ваши блюда.

– А если у меня не получится?

– Тафти, жрица отважная! Ты меня удивляешь. Как ты можешь в критических ситуациях быть такой смелой, а сейчас, когда вообще бояться нечего, такой нерешительной?

– А ты, Илит, дива премудрая, разве не понимаешь, что так и должно быть? Обычные люди в критических ситуациях впадают в сон, а видящие реальность, наоборот, просыпаются. Ты ведь тоже видящая, Тили.

– Какой уж там сон! Я просто вне себя, когда мне угрожает какая-то опасность.

– Вот именно, ты вне себя, а значит, не в себе. Паника, это тот же транс. Когда ты не в себе, ты собой не владеешь.

– Что верно, то верно. Когда я не в себе, мной владеет страх или тревога, гнев или неприязнь, и прочие эмоции.

– Не совсем так. Эмоции лишь погружают тебя в сон, а владеет тобой кино, в которое ты погружаешься.

– Мной владеет кино? Интересненькая мысль. Я бы даже сказала, странненькая мысль.

– Ничего странного. Разве не помнишь, мы только что говорили о наблюдателях и персонажах. Находясь в пространстве сновидений, внимание запускает кино и смотрит его как зритель. В реальности же наоборот, кино крутится само, а внимание живет в нем как персонаж.

– Да, ты говорила, мы персонажи, и тут, и там. Однако в это с трудом верится.

– Тебе еще и верится с трудом? После всего пережитого?

– Просто, в голове не укладывается, как это я могу быть персонажем кинокартины.

– Ну так будь наблюдателем! Чтобы перестать быть персонажем, необходимо проснуться. Эмоции должны пробуждать, а не усыплять. Это, своего рода, привычка наоборот.

– Фати, у тебя такая привычка, оказывается? Я бы тоже такую хотела.

– Можешь приобрести, если постарайся.

– И как я должна постараться? – спросила Матильда.

– В моей стране видящие учатся зарабатывать такую вот обратную привычку, – ответила Итфат. – Как только тебя что-то испугало, встревожило, разозлило, так сразу, вместо того чтобы погрузиться в свои страсти, как в сон, просыпаешься и начинаешь действовать осознанно. В отличие от эмоционального транса, состояние осознания дает тебе возможность действовать решительно, правильно и четко.

– Этак можно превратиться в мраморное изваяние. Без эмоций, без страстей...

– А кто сказал, что эмоции надо подавлять? Бушуй своими страстями, сколько душе угодно. Бойся, злись, ненавидь, но делай это осознанно.

– Красота! Это как это? Как я могу бояться, или злиться, или ненавидеть сознательно? Намеренно, что ли?

– Не сознательно, а осознанно, не путай. Находиться в состоянии осознания означает быть вменяемой, отдавать себе отчет, что делаешь. Можешь вытворять что хочешь, главное, наблюдай за собой в то время как боишься, злишься, ненавидишь. Владей своим вниманием. Следи за ним, где оно, кому принадлежит: тебе, или кинокартине, в которую ты погрузилась. Когда владеешь своим вниманием, владеешь

собой.

– Фати, ты вроде говоришь о таких простых и очевидных вещах, но у тебя они превращаются в совсем неочевидные! Ты начинаешь вспоминать свое Знание?

– Да, в голове постепенно что-то проясняется, как и обещало Преддверие.

– А вот это состояние осознания, как в него войти?

– Очень просто. Нужно включить своего Очевидца.

– Это еще что такое?

– Внимание над самим вниманием, как надстройка. Очевидец может следить за тем, на чем сосредоточено внимание, где оно находится: внутри себя, в своих мыслях, или снаружи, в окружающей реальности. У обычных людей Очевидец почти всегда спит, поэтому они не обращают внимания, куда их внимание погружено. У видящих, напротив, чуть что случись, малейшее дуновение пространства, их Очевидец сразу просыпается и вытаскивает внимание из зоны погружения наверх, в центр осознания: вижу себя и вижу реальность.

– Ах вот оно что! – воскликнула Матильда. – Я кажется поняла! Я действительно могу видеть, где находится мое внимание. И могу одновременно видеть реальность и себя в этой реальности. Хела! Я могу за собой наблюдать!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.